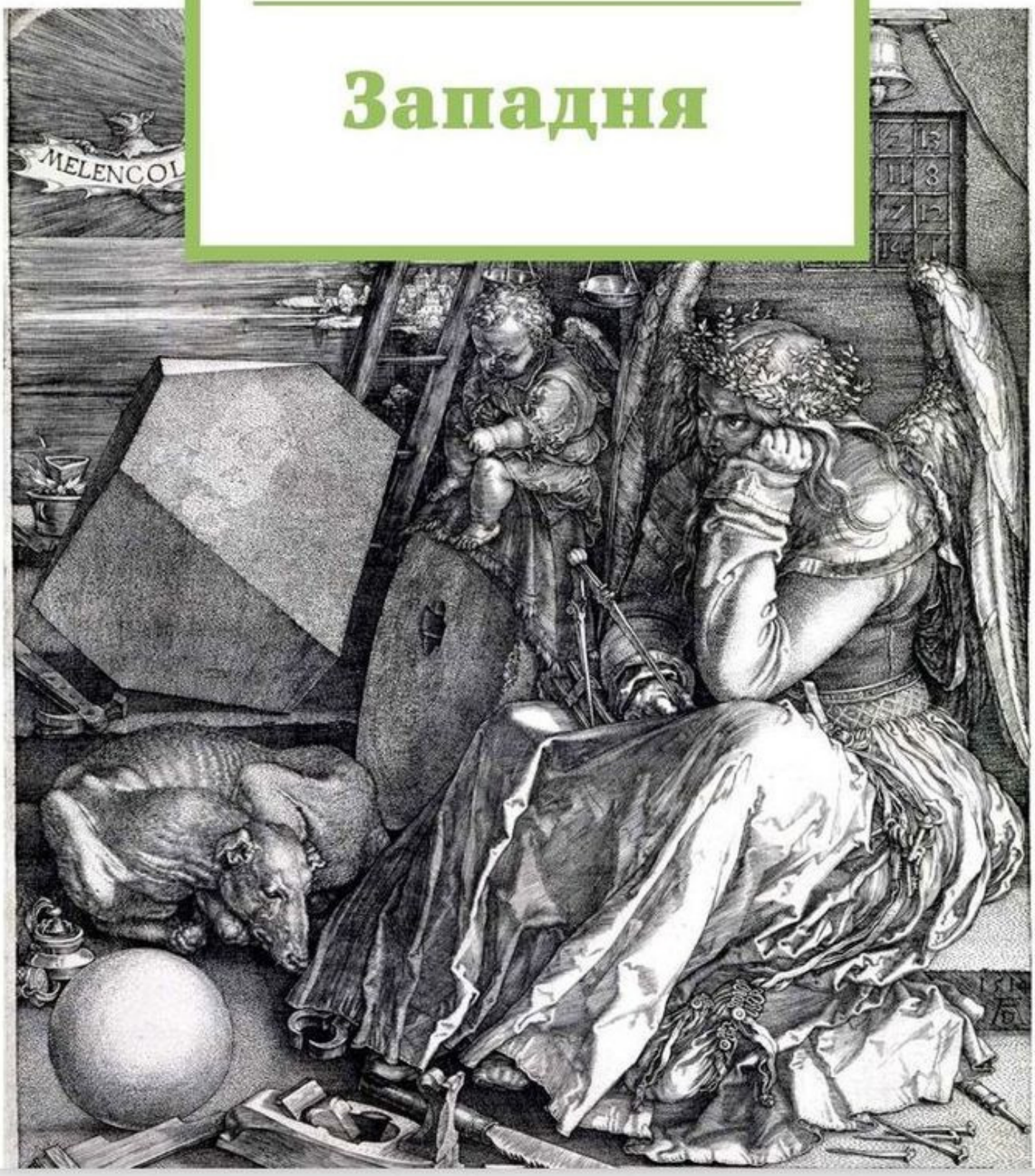
18+

Екатерина Павлова

Западня



Екатерина Павлова

Западня

«Издательские решения»

Павлова Е.

Западня / Е. Павлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-621932-8

Главной героине волею случая достается огромная сумма денег. В одно мгновение ее привычная жизнь рушится: свадьба срывается, появляются новые опасные знакомые и бесконечные угрозы. Ей предстоит ответить на множество вопросов, чтобы разобраться в странной истории. Например, как можно украсть четверть миллиарда, не подозревая об этом? Как спрятаться от тех, кто хочет вернуть деньги ценой твоей жизни? Как, совершая ошибки, прийти к нужной цели и исполнить свое желание? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-621932-8

© Павлова Е.
© Издательские решения

Содержание

Западня 6
Глава 1 7
Глава 2 22
Глава 3 50
Венеция, ранее… 71
Глава 4 76
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Западня

Екатерина Павлова

© Екатерина Павлова, 2024

ISBN 978-5-0062-1932-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Западня

Белая яхта, похожая на лебедя, еле качалась на волнах. Ветер почти стих, словно и не было поднятых им волн, с головой накрывающих железную птицу, жадно облизывающих яхту с головой, чтобы утопить со страстью водной стихии. Мое дрожащее в мокром купальнике тело, которое я с трудом вытянуло из этой пучины, сидело на мокрых досках палубы, руками вцепившись в железные перила. Рядом разговаривали люди, стараясь как можно тише произносить слова, убивающие любого. Рядом разговаривали люди, стараясь как можно тише произносить слова, убивающие любого. Над утихшим океаном нещадно выла сирена полицейского катера, расчерчивающего воду витиеватыми узорами вокруг яхты морского патруля. Рассекая впустую акваторию, команда упорно продолжая исполнять свой профессиональный долг и искать утонувшего человека. Я взглянула на небо. Словно в насмешку тучи разомкнулись, выпустив солнце из плена. Ветер совсем стих, шаловливо волновал поверхность воды океана у берегов Монтока, образуя ковер из ряби, сушил мои спутанные волосы, кожу. А я думала к какой развязке пришла история, которая началась год назад…

Глава 1

Париж, годом ранее…

Вы когда-нибудь были в ситуации, когда ваша жизнь летит под откос? А когда жизнь летит под откос со страшной силой, и нет времени на то, чтобы предпринять мало-мальски сносные меры для предотвращения катастрофы? Если да, то вы поймете чувства женщины в момент, когда она сломя голову убегает от двух сильных и озлобленных мужчин.

Серый асфальт под ногами горел, превращаясь в странную, бесконечную, движущуюся массу. Если заглядеться на серую ленту, наверняка споткнешься, приходится бежать и смотреть только вперед, проноситься мимо каменных зданий, вдоль парижских улиц, петляющих то влево, то вправо. Не важно, какие надписи на синих табличках, не имеют значения цифры на домах, цвет от бежевого до серого мелькают с двух сторон, изящные балкончики, ажурная ковка перил, и все мимо, мимо… одно, второе… пятое… двадцатое… Прохожие смотрят вслед, кто мельком, кто отскакивая, чтобы не столкнуться с ненормальным спринтером. Для полноты комичности не хватало только полиции, или бежать босиком, полураздетой.

Ноги преодолели еще пару метров за считанные секунды. Сердце бешено стучало, отдавая шумом в ушах. Глаза выхватили спасительный объект, после чего свет в конце тоннеля забрезжил ярким светом. Я понеслась к вывеске с названием «Метрополитен». Одну за одной пробежав все ступеньки, едва чувствуя их ногами, я скатилась с лестницы, пролетела вихрем к проходным воротам, запустила трясущиеся руки в карман, сделав вынужденную остановку, и на последней секунде влетела в проход, приложив карточку к турникету.

Как только за мной с грохотом захлопнулись двери, чужая рука резко схватила за край пиджака, чем заставила замешкаться и почти вернуться назад. Попасть в чужие лапы мне помешал только турникет. Я обернулась. Сердце бешено забилось от страха. На меня смотрело лицо мужчины с чудовищно злыми глазами. Что делать дальше? Мужская рука резко потянула край моего пиджака, но двери турникета крепко сдерживали и не позволяли вернуть мое тело за ограждения. Мужчина пыхтел, тужился, пытаясь перетащить меня через преграду. Его глаза налились кровью, он злобно выпускал ртом воздух, раздувая красные щеки, и пытался отдышаться. Кожа багровела с каждой секундой, выдавала его усталость от погони. Собрав последние силы, я развернулась и ударила его сумкой прямо по уху. Захватчик от неожиданности чуть ослабил руку, замешкался, замотал головой, чтобы прийти в себя. Я дернулась еще раз, выскользнула и опрометью побежала к подъезжающему поезду.

На последней секунде я вскочила в вагон, двери захлопнулись, все зашумело. Меня понесло с огромной скоростью от мужчин, подбежавших только-только к закрытым дверям вагона. То и дело проскакивая между пассажиров, я проходила дальше вглубь толпы, боясь обернуться. В ушах гудело от стука сердца, отдавало в виски.

Поезд уже остановился, распахнул двери. Толпа заторопилась войти, пришлось посторониться. Не дожидаясь, что мне уступят, расталкивая людей, я пробралась как можно дальше вглубь вагона. Следом вошедшие толпой пассажиры заполнили пространство вагона почти полностью, не оставляя никакой возможности для перемещений. Оставалось молиться, чтобы мужчины опоздали на посадку.

Двери снова захлопнулись. Поезд тронулся. Все закружилось перед глазами от страха и попыток восстановить дыхание. Тело, казавшееся чем-то чужеродным, не подчинявшееся мозгу, чуть не упало на стоявшего рядом человека. Я постаралась протиснуться к стенке, чтобы найти хоть какую-то опору. Мужчина в кожаной куртке посмотрел на меня странным взглядом, очевидно заметив, как двое здоровых мужиков долбили по закрытым дверям, пытаясь догнать поезд, и отвернулся. От этой жуткой картины я все еще испытывала инстинктивное желание

бежать дальше, но понимала, что поезд уже увез меня от платформы, потому стояла на месте на подкошенных ногах. В голове все смешалось кашей, такой же черной, как темная масса за окнами вагона.

– Мало мне своих неприятностей, – думала я, – так еще и новоиспеченная подруга прибавила! Ну что за невезение!

Я кусала губы, с трудом пытаясь хоть что-то понять.

– Что все это значит?

В окне все неслось стрелой. Одна остановка, потом другая, река людей, текущая потоком сначала в одну сторону, затем в другую. Кто-то входит, кто-то выходит, а я еду в никуда, просто еду, чтобы ехать.

– Куда? – вдруг подумалось мне, и глаза перевелись на карту метрополитена. – Куда я еду?

Поняв, в каком направлении мчится поезд, я быстро подскочила с места и заспешила к выходу. Еще пара остановок пронеслись перед глазами, прежде чем я решилась сойти. Страх подкашивал ноги, сбивал с толку, заставляя дрожать неестественным образом все тело. Через две минуты выскользнув из темной глотки метро, я вдохнула свежий воздух. Под лучами парижского солнца, несказанно приветливыми этим осенним днем, я почувствовала себя лучше.

Не смотря на прекрасную погоду, безоблачное голубое небо, сверкающие золотом кроны деревьев, огромные окна парижских домов, воду в Сене, в которой блестели яркие звезды благодаря октябрьскому солнцу, я ответила пейзажу тяжким вздохом. Зашагав по асфальту, медленно и без всякого смысла, я пошла шататься по парижским улицам… Опять…

Как приговоренная, уже в который раз…

Столько мечтая о Париже, столько затратив сил, чтобы попасть в объятия самого романтичного города на земле, не могла радоваться своему чудесному пребыванию в колыбели романтики. Мысли окутывали сердце и душу черным угольным облако, затуманивая красоту города от глаз. Прогуливаясь по узким улочкам, хотя прогулкой мои мытарства назвать трудно, я все чаще приковывала глаза к асфальту вместо архитектурных красот, хмурила лоб, напрягала память, чтобы понять, где я допустила ошибку.

В Париже я прозябала уже два дня, ничем особо не занималась, просто ждала звонка и пыталась понять, в чем дело. Ждала злосчастного звонка в роскошной квартире, расположенной в шестнадцатом округе, с завораживающими видами на набережную и Эйфелеву башню – и меня это не радовало. В Париж я приехала из Венеции, где по неосторожности впуталась в очень неприятную и загадочную историю с убийством человека, которого я не знала, и с украденным рисунком Дюрера, краденным мною. Толком не знаю, как у меня это получилось! Ни в чем разобравшись, но сильно напуганная произошедшим, я унесла оттуда ноги подобру-поздорову ровно четыре дня назад. Сбежала в прекрасный Париж с полупустой сумкой и ключами от чужой квартиры. А сейчас сидела и гадала, могут ли мои сегодняшние неприятности быть связаны с убийством в Венеции? Мучимая желанием докопаться до правды, я стала перебирать в голове события последних дней.

Я приехала в Париж два дня назад. Помню, день был пасмурный, как и мое настроение, небо хмурилось, туч становилось все больше, сами тучи – все гуще. Сойдя с поезда «Венеция-Париж», я посмотрела на небо и чуть не разрыдалась. Из вещей у меня осталась только обычная сумка, и то, что было на мне. Закутавшись получше в серо-бежевый пиджак, который был надет поверх тонкого полупрозрачного черного платья, с коротким рукавом, украшенного бантом у горла, который я часто не завязывала, я зашагала по мокрому асфальту в своих лодочках. Ни зонта, ни чемодана… только связка ключей от чужой парижской квартиры, валялась на дне сумки, которую мне недружелюбно бросила мужская рука.

Выйдя из ворот вокзала и поймав такси, я назвала адрес, уселась в салон и стала наблюдать через туманное, все в каплях дождя, стекло машины проносившийся столичный пей-

заж. Ехали мы долго. Думы портили вид, заставляя хмуриться и грустить. Даже таксист со мной не пытался заговорить. Мое хмурое лицо отталкивало его от бестолковых разговоров и от банальной любезности. Только остановившись, он повернулся в мою сторону и оповестил, что меня доставили по назначению. Я расплатилась, вышла из машины и подняла глаза на здание.

В доме типичной османской постройки на шестом этаже пустовало помещение площадью около двухсот пятидесяти квадратных метров: старый, роскошный паркет, шикарный ремонт кухни и ванных комнат в современном стиле, косметический ремонт в комнатах с большими окнами и частичной лепниной на стенах, скудный набор мебели. Диван, стол с тремя стульями, кровати в двух спальнях, встроенная гардеробная с пустыми полками, и я, одна-одинешенька… без чемоданов на пороге.

На глаза навернулись слезы, мгновенно размыв представшую глазам композицию. Сквозь затуманенный соленой водой взгляд, я еще раз оглядела новое пристанище, медленно прошлась по квартире и заревела. Спасибо я говорила только одному человеку, которого ненавидела все больше. Что мне здесь делать? Я не о такой жизни в Париже мечтала!

Ноги привели в спальню. Смутившись, я немного помялась на пороге, но потом вошла. Все было чисто, пусто и слишком щепетильно убрано, будто это была не квартира, а ненужное никому помещение с ненужной никому кроватью. Создавалось впечатление, что здесь никто не жил, а квартиру приготовили, чтобы кому-то отдать. Порывшись по шкафам и ящикам, я нашла только мужские вещи, их было очень мало, совсем мало. В ванной оказались средства для ухода, которые женщине ну никак не подходили. И тоже, полупустые, давно оставленные, никому не нужные. Я слабо что понимала: слишком мало вещей, слишком чисто для квартиры холостяка. Либо эту квартиру сняли и еще не успели вселиться, либо ее приготовили для продажи. Если сняли, зачем здесь быть мужским вещам? Если сняли не для меня, тогда все равно, мужским вещам здесь делать нечего. Существование вещей говорило о том, что в ней жили. Но аскетизм заставлял думать, что квартира не была местом постоянного пребывания, она была не нужна. Для арендованной – у места был слишком необжитой вид. Ремонт кухни был сделан не очень давно и с большими затратами.

Просидев первый день в четырех стенах до позднего вечера, так ничего не решив для себя, не понимая, что делать, я обшарила все углы, безрезультатно, и вылезла на прогулку. Дождавшись, когда стемнело, как вор, я решила, что наступило безопасное время, я смогу себя хоть так развлечь.

В ночной темноте город, не сказать, что пугал, но дружелюбным не казался. Набережная все еще освещалась, вода поблескивала уже темно-желтым в черноте, кое-где падал свет и на деревья, оставляя их желтыми, но не привлекательными. Я поежилась. Любоваться Парижем я предполагала вместе со своим мужем через десять дней, а не сейчас. Вместо плана нервно озираясь по сторонам, в одиночку прочесывала темные улицы. Все выглядело темным, мрачным, опасным – было не по себе. Я ежилась, представляя, что из-за угла выскочит кто-то с ножом, чтобы ограбить. Чем дальше, тем сильнее становились страхи. С параноидальной нервозностью я оглядывалась то влево, то вправо, готовая бежать со всех ног от любого неожиданного звука, и клясться на всех святых реликвиях, что за мной кто-то следит. Шла дальше, озиралась, чтобы найти таинственного соглядатая, но ловила только темноту городских сумеречных пейзажей.

Невероятное, густое чувство страха, паническое… проникало внутрь тела. Чувство настороженности сочилось по венам. Проснувшийся инстинкт самосохранения не давал расслабиться и забыться ни на минуту. Каблуки стучали по асфальту, временами пропадая в расщелинах брусчатки, и я, неожиданно, по-женски глупо, начала мечтать о туфлях без каблуков. Сгодилось бы все: балетки, мокасины, сапоги, кроссовки, даже вьетнамки, – так болели ноги.

Убив прогулками часа два своего бесконечного запаса времени, подходила к дому, когда пред моими грустными очами предстала жуткая сцена. Двое мужчин стояли возле женщины, не давали ей пройти в дом. Женщина всеми силами пыталась уйти от них, но мужчины умело преграждали ей путь, что-то говорили, – издалека это было похоже на угрозы. Женщина сильно нервничала, крича по-французски с серьезным акцентом, пихала и толкала в грудь обоих как львица. Раздались еще пара тройка фраз, брошенные мужчинами. Женщина попыталась дойти до двери, ее оттащили грубо и нагло. Пройти мимо и оставить ее в беде я не смогла!

Не помня себя от страха, но желая помочь, я пошла вперед. Перешла дорогу, приближаясь тихим шагом, старалась не смотреть на лица, чтобы не струсить. Как только расстояние между ними и мной сократилось до пяти метров, меня заметили. Женщина замолчала и уставилась на дверь. Мужчины поубавили пыл, начав молчать и провожать меня взглядом. Им явно не терпелось продолжить разговор, и они усиленно торопили мыслями нежданную прохожую.

Мое безрассудство объяснялось тем, что скандалили мужчины в двух шагах от моей двери. Миновать их я не могла при всем желании, иначе столь самоотверженный поступок я навряд ли бы совершила. Приблизившись на расстояние вытянутой руки к двери, я потянула ручку под пристальными взглядами отошедших немного в сторону мужчин. Как только дверь приоткрылась, женщина резко вырвалась и вбежала внутрь вместо меня. Один из мужчин было дернулся ее догонять, но напоровшись на мой взгляд, остановился ошарашено. Заглянув ему в глаза, на удивление, не я от испуга забежала внутрь дома, а от отступил на два шага назад о двери, облегчая мне проход. Не успела отойти от двери, как меня потянули за плечо, резко захлопнули дверь за спиной. Я от удивления округлила глаза.

– Прости, – произнес голос на ломаном французском, – они не должны сюда входить.

– У Вас неприятности? – искренне спросила я, взглянув на женщину.

– Мужчины, – пожала она плечами и сразу же перевела разговор. – Ты здесь живешь?

– На шестом этаже, – кивнула я головой в ответ на вопрос.

– На шестом? – удивление на лице женщины стало очень заметным. – Эта квартира обычно пуста, – она монотонно засеменила, провожая меня к лифту.

Мне нечего было на это ответить. Я просто нажала кнопку лифта.

– Что ж, рада познакомиться, – протянула она руку. – Я – Татьяна.

– Катрин, – улыбнулась я и вошла в лифт.

Моя рука поскорее захлопнула двери и нажала кнопку. Странная знакомая смотрела, как я поднимаюсь, потом, наверное, ушла. Выйдя из лифта, я все еще была под впечатлением от увиденного, подошла к двери, повернула ключи в замке и вошла внутрь, под звуки разрывающего тишину телефонного звонка. От неожиданности я застыла в дверях. Мне требовалось время сообразить, стоит ли подходить к телефону. О том, что я нахожусь в Париже, знает только один человек, и если я ему понадоблюсь, то он позвонит на мобильный, близкие тоже станут звонить на сотовый. А если я подойду к телефону, и попросят позвать хозяина квартиры, то объяснять, где он, и когда будет, мне совершенно не хочется. Пока я решала для себя задачку – что выгодно, телефон окончил истерично звать. Я пожала плечами и спешно прошла коридор.

Скинув пиджак и успокоившись немного в пустой квартире, я направилась в душ, толком не зная, что мне делать дальше. Бесцельные полчаса в душе не привели в чувства, вылив на себя купленные по дороге шампунь и бальзам, ублажив кожу ароматным молочком, расчесав волосы, я больше не могла придумать, чем себя занять, посему вышла из ванной в холодную комнату, закутанная в полотенце, и выключила свет. Просеменив на цыпочках по полу спальни, и моментально замерзнув, так как отопление не было включено, а ночи стали уже холодными, я подошла к кровати, скинула полотенце и полезла в шкаф. Натянув мужской свитер серого цвета, я начав согреваться, все также на цыпочках прошла к окну, и как вкопанная уставилась на ночной город.

За окном вдалеке красиво блестела Эйфелева башня. Я натянула ворот повыше, стараясь спрятать нос, и поморщилась. Аромат мужского тела ударил в нос. Это было доказательством того, что хозяин квартиры время от времени все-таки здесь живет. Я поморщилась, освободила нос от ткани, натянула сильнее рукава, спрятав пальцы, и пошла искать свою сумку. Она валялась в недалеко от кровати.

Нащупав на дне флакон, я обильно сбрызнула серую шерсть высокого качества духами и снова вдохнула. Ненавистный запах его хозяина был вытравлен, можно было продолжить любоваться городом и грустить.

Редкие перистые облака проплывали по темно-сине-фиолетовому небу, похожие на тонкие газовые шарфики с шей французских манекенщиц с показов Ив Сен-Лоран и Шанель. Они мягко плыли и рисовали причудливые картины на фиолетовом природном холсте, похожем на шелк, но без блеска. Ни одной звезды не прорывалось сквозь сине-феолетовый цвет. Самое ценное в костюме – пайетки, стразы, мишура – было сорвано жадной рукой.

Раздался звонок, тело вздрогнуло от страха. Я обернулась в сторону входа, мысленно представила хозяина квартиры за дверью. Звонок снова прозвенел. Мой лоб сморщился от внезапно мелькнувшей мысли, что у хозяина, скорее всего, могли быть запасные ключи.

– Или нет? Только те, что были отданы мне? Я медленно зашагала к двери, думая, неужели приехал он? – подойдя вплотную, я привстала на цыпочки и посмотрела в глазок. Лоб снова сморщился, рука потянулась к двери. Замком щелкнул.

– Привет, – раздалось с порога. – Я не очень поздно? – звучала русская речь, с жутким украинским акцентом.

– Нет, – улыбнулась я. – Проходи.

– Так и знала, что угадала! – улыбнулась гостья и вошла внутрь.

– Что угадала? – переспросила я, обернувшись после того, как закрыла дверь за гостьей.

– Что ты – русская, – пропела гостья радостным голосом. – Здесь встретить соотечественника не так просто.

– Неужели? – раздался мой голос. – Мне казалось, эмигрантов из бывших социалистических стран по миру раскидано не мало.

– Только так кажется, – махнула гостья рукой, и стала осматриваться.

Женщина скинула туфли и как флотилия поплыла внутрь квартиры. Ее бедра покачивались, грудь на пятерку – размера DD, шла вперед как нос корабля. Руки разрезали воздух. Белокурые волосы как парус, колыхались при ходьбе. Рост у гостьи был на пару сантиметров меньше, чем мой.

Мы прошли в гостиную, а затем на кухню. Татьяна водрузила на стол принесенную бутылку, а я полезла за бокалами.

– Шикарная квартира! Такой ремонт! – говорила она, осматривая кухню, расправила плечи, от чего грудь стала еще внушительнее. – Давно ты здесь живешь? – мы сразу перешли грань, настроившись на приятельскую волну.

– Второй день, – ответила я.

– А, понятно! Я здесь тоже живу всего неделю, только что ушла от мужа, буду разводиться, – произнесла весело гостья.

– Дети есть?

– Нет. Шесть лет с ним прожила, такой сволочью оказался! – махнула рукой женщина.

– Это он был внизу? – поинтересовалась я из вежливости.

– Нет, не он. Нанял каких-то отморозков. Запугивает: развод, дележ имущества, понимаешь? – вздохнула она, он чего ее грудь колыхнулась. – А ты чем занимаешься? – спросила Татьяна вскользь.

– Картины рисую, – ответила я.

– Картины рисуешь? – удивленно переспросила она, но смотреть стала с настороженностью.

– Я – художник, – кивнула я головой, еще раз подтверждая.

– Рисуешь или продаешь?

– Продаю? – удивилась я. – Нет. Я ни одной своей картины не продала, к сожалению.

– Ты свои картины продаешь, – это был не вопрос, а результат умозаключения после анализа моих ответов. – Хочешь сделать здесь карьеру? – заинтересовалась гостья больше из вежливости, чем на самом деле.

– Не знаю пока. Я замуж выхожу через десять дней.

Она подняла бокал и пожелала, чтобы все было благополучно.

– Я, честно говоря, не просто так к тебе пришла, – произнесла она, отпив немного. – Завтра собираюсь уехать отсюда. Ты поможешь мне перенести вещи в машину?

– Почему нет, – пожала я плечами. – Куда собираешься?

– Я нашла работу в клинике пластической хирургии за городом. Называется «Раковина». Место престижное, да и жить мне там разрешили, пока декором буду заниматься. Так что, надеюсь, он меня не найдет.

– Кто? – не поняла я, вздрогнув ненароком.

– Муж, будь он не ладен. Видела тех мордоворотов внизу, – она еще раз хлебнула из бокала и выглянула в окно. – Специально подсылает дружков, чтобы меня запугивать?

– Из-за имущества? – захлопала я глазами.

– Хочет, чтобы я вернулась, – ответила гостья.

– И чем он тебе угрожает?

– Говорит, что покалечит, что без денег оставит, – отхлебнула Татьяна из бокала еще раз. – Как будто я себе на жизнь сама не заработаю!

– Какая у тебя специальность? – мне стало любопытно, чем такая женщина может заниматься.

– Художник-оформитель, – осушила Татьяна бокал и потянулась к бутылке. – Но сейчас занимаюсь декорированием пространств.

Татьяна еще немного огляделась вокруг, прицениваясь, считая в голове, сколько стоил ремонт, походила туда-сюда, все досконально изучив, вернулась и присела за стол. Кухня ей явно нравилась. Женщина еще пару раз покрутила головой, остановила взгляд на одной из полок и произнесла.

– Шикарный мужик.

Я обернулась в ту сторону, куда упал ее взгляд. В рамке красовалась фотография, как я предполагала, двух, может трехлетней давности.

– Тебе повезло.

– Это – не мое счастье, – произнесла я хлебнув, чтобы заглушить неприятные чувства.

– Нет? А я подумала, ты за него замуж выходишь, – удивилась женщина.

– Нет. Это хозяин квартиры, – ответила я, отвернувшись от фотографии.

– А, так ты снимаешь? – настойчтиво пыталась она узнать больше.

Я промолчала. Она догадалась, что я не буду обсуждать финансовый вопрос.

– А, он женат или свободен?

– Кто? – опять не поняла я вопроса.

– Мужчина, – кивнула она на рамку.

– Нет, – помотала я головой.

– Нет, не женат или не свободен? – спросила она.

– Не женат, не свободен, – ответила я.

– Ну раз не женат официально, тогда стоит с ним познакомиться. Когда он приедет?

Я пожала плечами, подумав о том, что сама мечтаю узнать, где его черти носят.

– Оставь телефон. Как приедет, я тебе сообщу и приглашу в гости.

– Ой, чтоб у нас все получалось, – произнесла она очередной тост, начав говорить о том, какого бы мужа хотела.

– Далеко находится твоя клиника? – устав обсуждать мужчин, задала я вопрос на другую тему.

– Ой, не знаю. Мне кто-то объяснял, как туда ехать, но я толком не разобралась. Включу навигатор.

– Во сколько хочешь выехать? – задала я нужный вопрос, окончательно оставив тему мужчин.

– Думаю, пораньше. С утра. Пока этот ненормальный снова не объявился. Вообще, все мужчины – ужасные собственники, – снова вернулась к теме о мужчинах Татьяна.

– Ревнует? – поддержала я старую тему, махнув рукой.

– Да если бы это. Жадный! – всплеснула она руками. – Шесть лет это терпела, даже на работу пошла, чтобы свои деньги иметь. Все равно достал со своей экономией. Я понимаю, бережливость необходима, но всему есть предел. Он экономит на продуктах, на одежде, даже на походах ко врачу! Немыслимо! Как-то заболел и заставил меня лечить его народными методами, вместо того, чтобы сходить в аптеку за лекарством. Сейчас требует, чтобы я ему вернула вещи, свои вещи! Представляешь?

– Зачем ему женские платья? – удивленно взглянула я на нее.

– Да не в платьях дело, хотя и их считает, для него – все имущество. Наши общие друзья дарили мне на День рождения картины, простые репродукции, так он хочет их себе оставить. Пойди и купи такие же за триста евро, говорю. А он уперся, хочет только эти. Я практически ничего не брала из дома, так мелочевку: одежду, безделушки, да и несколько подарков от друзей, чтобы было чем украсить новый дом. Даже машину ему свою оставила, езжу на арендованной.

– А, эта квартира твоя?

– Нет. Знакомый позволил мне здесь остаться до своего возвращения из заграницы. Здесь все часто отсутствуют, мало кто живет постоянно. Он предложил, сказав, что я никто не побеспокою, – отпив еще немного вина, произнесла она. – А твой арендодатель мне понравился. Он русский?

– Да.

– Тогда совсем замечательно! Мы с ним найдем общий язык, – опять прозвучал украинский акцент.

Ушла гостья, опустошив всю бутылку, напоминая, что позвонит рано утром. Я захлопнула за ней дверь, вздохнула и пошла спать. Кровать была холодной, от чего я выла, переворачиваясь с боку на бок, и никак не могла согреться и заснуть. Тонкие простыни меня убивали, одеяла я нигде не могла найти, как будто его и вовсе не было в доме. Перекатываясь с боку на бок до середины ночи, устало вытаращив глаза в потолок, я проводила бессонные часы, думая о том, что же дальше. В голове крутилось лишь одно – через десять дней я выхожу замуж, значит вернуться я должна в Москву как можно скорее. Разумеется, мне стоило пойти в квартиру, что мы уже арендовали с Лешей, планируя после свадьбы переехать в Париж на три месяца, вот только интуиция меня останавливала. Шестое чувство настойчиво удерживало в роскошных полупустых казематах, отделанных по высшему стандарту, где холод и бессонница были соседями. Не к месту я стала думать о том, сколько стоит ремонт, сколько стоит квартира, сколько стоят вещи. Хотя, вещей в квартире было крайне мало, как и мебели. Такое чувство, что она была приготовлена для того, чтобы быть выставленной на продажу. С таким ремонтом квартиру на рынке недвижимости можно смело выставлять миллионов за шесть. а Если учесть, что квартира в Париже для Ильи – не основное место проживания, то основное его жилье в Нью-Йорке, следовательно, его состояние можно смело исчислять не одним

миллионом. Хотя, он мог снимать квартиру, и ее приготовили на продажу владельцы, – мои расчеты не верны. Но я никогда не слышала, что Илья живет в Париже. А что я вообще о нем слышала? Что я о нем знаю? Что он пятнадцать лет живет в Штатах, что брат уехал к нему и остался там, потому что Илья ему помог хорошо устроиться. Что мама с ним мало общается, потому что у обоих жесткий характер, они при споре не могут найти компромисс. Она не одобряла его отъезда в двадцать лет в Нью-Йорк, а теперь отказывается переезжать к нему в Штаты. А его фото в рамке здесь зачем? Зачем оставлять фото и вещи в квартире, в которой не живешь? Или жил и собрался продавать, оставил вещи, которые не нужны.

– Чем он занимается? – чертыхнулась я в сердцах. – А, главное, во что влезла я? Я вошла в номер мужчины, с которым должен был встретиться Илья. Вошла, потому что хотела предупредить мужчину о том, что Илья не смог приехать, ждать его бесполезно. Вошла и обнаружила труп, – я вздрогнула от ужасных воспоминаний. – Убитый мужчина, украденный мной рисунок. У меня большие проблемы, – резюмировала я.

Не зная толком, что происходило в Венеции после моего отъезда, я лежала в чужой постели, мучилась от отсутствия информации и холода. Фантазии не хватало, чтобы представить дальнейшее развитие драматических событий. Глазам представлялась жуткая картина четырехдневной давности: мои ноги идут по темному ковру и натыкаются на тело. Перекошенное болью лицо мужчины… кровь… развороченная грудная клетка – видны внутренности и ткани. Меня мутит, голова кружится, я бросаюсь в ванную комнату и спотыкаюсь о тело.

Меня взаправду замутило от воспоминаний. Приподнявшись на локтях, я взглянула в окно и задуматься. Спать было невыносимо. Откинув одеяло, я свесила ноги с кровати и на цыпочках пошла к своей сумке, валявшейся в нескольких шагах на полу. Схватив незаменимый женский аксессуар, я стала трясти его, пока на пол с шумом не высыпалось все содержимое. Присев на корточки у кучки женских безделушек, я принялась перебирать рукой предметы, пока не нащупала помаду. Я сняла колпачок. Внутри, вместо помады была спрятана маленькая флешка. Дальше рука потянулась к выключателю. Свет вспыхнул. Я поморщилась. Лицо и руки синхронно приблизились к свету. Я разглядывая флешку, крутила ее в руке, силилась вспомнить, когда и при каких обстоятельствах умудрилась прихватить ее с собой. То, что мне не доводилось видеть сей предмет раньше, стало ясно, как только я увидела флешку на дне сумки – эта странность никак не давала покоя.

– Что я натворила? Что происходит сейчас там? Что может означать эта флэшка? Зачем я ее схватила? И когда? Когда? – вопросы крутились в голове.

Память отмотала назад несколько дней и перенеслась в Венецию. И вот, я сижу на стуле, подогнув под себя ноги, смотрю в окно на темно-синее октябрьское небо, заволакивающееся перистыми облаками. Стало совсем темно. Из открытого окна доносится плеск воды, разбивающейся о фундамент здания, в комнате витает специфический запах канала и разогретого октябрьским солнцем камня. Шум с канала немного отвлекал от ужасных мыслей. Мне хочется забыть о случившемся сегодня днем происшествии, но память с остервенелой настойчивостью воскрешает перед глазами лицо умершего человека, мои красные руки и мытарства по Венеции.

Я кутаюсь в кардиган, надетый поверх ночной рубашки, и жалею, что взяла не пижаму, а шелковую, на тонких лямках, бледно-голубую ночную рубашку. В ней холодно: из-за пережитого сегодня, из-за того, что стоял октябрь, из-за того, что мне было страшно, как никогда в жизни. Днем холод был не так заметен, а ночью осень напоминала о себе, вместо теплого ветерка окутывала тело холодом. Я мерзла от страха, кутала его в длинный теплый кардиган, машинально кусала ногти и губы.

Мне хотелось не плакать, а выть от отчаяния, но ни единого звука не вырывалось из горла от страха. Вдруг раздался стук, неожиданно и громко. Я подпрыгнула на стуле и замерла.

Сердце упало далеко-далеко вниз, застучало как сумасшедшее. Я притихла и слушала, еще плотнее поджала ноги под себя. В дверь настойчиво стучали.

– Только бы не полиция! – взмолилась я.

Медленно ноги опустились на пол, направились к двери, я еще раз прислушалась. За дверью точно кто-то был и уходить не собирался. Рука скользнула по бедру, чтобы стереть пот с ладоней, и повернула дверную ручку. Дверь открылась.

Я подняла глаза на гостя и вздрогнула. В полутемном коридоре вырисовывалась четкая фигура человека. Стучавший стоял неподвижно, странный, молчаливый. Лицо его было пугающим. Глаза незваного гостя прожигали насквозь, словно лазером, налитые гневом и кровожадностью, смотрели мне прямо в лицо. Я невольно отступила от входа.

– Я войду, – тихо произнес мужчина без приветствий, и вопрос звучал не как просьба, а как заявление.

Меня забила тревога. Поведения гостя было не просто странным, а почти нереальным.

– Этого человека не должно быть здесь! – повторяла я сама себе.

Но вопреки здравому смыслу мужчина бы реальным, входил в мой номер с видом хозяина, как будто его ждали, без приветствий, без объяснений, без предисловий. Мне оставалось лишь смотреть на проникновение без моего позволения. Каждый его шаг был тихим, едва слышным, но твердым, уверенным, предупреждающим об опасности. От гостя веяло угрозой – густой, плотной, как жвачка, как резиновый шар, такой мощной, что рассосаться в пространстве ей не дано, и исчезнуть тоже. Мужчина шел медленно, и с каждым его движением мне становилось все более и более не по себе. Я еще не чувствовала страха, но внутри что-то зародилось – это было какое-то интуитивное ощущение грозившей беды, подозрение. Предчувствие неминуемой гибели.

Знакомый мужчина словно другой человек, сбросивший маску или трансформировавшийся, продвигался мимо. Карие глаза пробежались по номеру, за который он выложил приличную сумму, но не смог воспользоваться из-за срочных дел. Потому с легкой руки отдал его мне в подарок отдохнуть перед предстоящей свадьбой. Вот только как выясняется, никаких дел нет! А он здесь, прямо передо мной! И дела его здесь, в Венеции – меня умело заманили в ловушку под благовидным предлогом, чтобы использовать в своих корыстных целях. Номер был снят, чтобы меня впечатлить. Я прошла за мужчиной, глядя на его широкую спину, и, наивная, подумала.

– Возможно, он закончил свои срочные дела раньше, чем планировал?

Встав посередине комнаты и стараясь естественнее играть роль ни чего не знающей туристки, я стала ждать пояснений. Вошедший подошел к распахнутому окну, сунул руки в карманы брюк и вдохнул венецианский воздух. Только теперь я заметила, что он пришел без верхней одежды, выглядел странно: рукава на его рубашке были закатаны – возможность его случайного появления в моем номере или сиюминутного приезда отвергалась саму себя. Он не смотрел мне в глаза, просто вглядывался в темноту за окном и молчал. Я замерла в ожидании, причем ожидала я боли. Атмосфера была жутко странной, давящей. Свет не горел, что нагоняло сильнее страх и панику, и все было в сине-серых тонах; тонах, в которых на теле человека появляются следы побоев.

– Что делала сегодня? – разорвал вдруг тишину мужской глубокий бархатный голос.

Стоявший спиной не шелохнулся, продолжил смотреть в окно и ожидал ответа. Я немного помялась, еще раз взглянула на него, затем отвернулась к окну, чтобы скрыть нервозность.

– Гуляла, – едва слышно ответил мой голос.

– Где? – раздалось в комнате более резко.

– На площади гуляла, в пару музеев зашла, в церкви… Ну, стандартная программа, – пожала я плечами.

– И все? – послышалась усмешка стоявшего рядом.

– Все, – попыталась я ответить как можно спокойнее.

– Не много для одного дня, – снова ухмыльнулся мужчина.

– Я не торопилась, – пожала я плечами, хотя он видеть меня не мог. – А ты что делал? Когда ты приехал? – я повернулась к нему спиной, и стала водить пальцами по столику, стараясь быть более естественной. – У тебя же были дела…

Я почувствовала, как за спиной стал человек, и вздрогнула от страха. Тело начало прошибать током от внутренней напряженности. Он стоял так близко, как вообще не стоят, молчаливый, слишком тихий и до того опасный, что я готова была упасть в обморок от страха. Глаза впились мне в затылок.

– Что я делал: провел незабываемые часы в отеле Palazzo San'Angelo. Знакомое место?

– Нет, – вздрогнула я, выдав себя.

– Там человека убили, – произнес голос мужчины.

Я резко повернулась к нему лицом. Мои глаза натурально округлились.

– Ты серьезно? Какой кошмар! – еле шевеля губами, произнесла я.

– Неужели? – он впивался в меня своими карими глазами как в кусок мяса – хищник.

– А что ты делал в отеле? – глаза так и не смогли принять привычную форму.

– Я? – ухмыльнулся мужчина. – Я узнал, что худенькая блондинка с большой сумкой выскочила из номера, в котором был найден убитый и ограбленный коллекционер.

Я похлопала перед ним все такими же круглыми глазами, потеряв дар речи ненадолго.

– Жуть какая, – тело вздрогнуло опять. – Тебе было страшно? – вымолвила я очень тихим голосом.

И тут стоявший резко схватил меня, сжал руками со всей силы, встряхнул для убедительности.

– Что ты там делала? – резко и безапелляционно произнес мужчина, нависая надо мной.

– Я? – округлились мои глаза еще больше.

– Ты! – прикрикнул голос жестко.

– Причем тут я? – как можно более убедительно начала я открещиваться ото всего.

– Ты была там! – ответил на мой вопрос мужчина.

– Меня там не было! – замотала я головой.

– Ты там была, – его тихий и уверенный голос давил на уши.

– Я не была в той гостинице. Ты с ума сошел? С чего ты вдруг меня подозреваешь? Я криминального прошлого не имею. Да и что мне там делать? – выпалила я как дробью, без пауз.

Тут он разжал мою руку, залез в карман брюк, вытащил из него что-то, и это что-то повисло прямо перед моим носом. Опаньки! Вот я и влипла! Как говорится: коготок увяз, всей птичке пропасть. В его руке еле-еле поблескивал браслет из пяти тонких золотых нитей, редко унизанных драгоценными камнями: бледно-розовыми, желтыми, небесно-голубыми, зеленоватыми и мутно-белыми. Ошибки быть не могло. Так вот где я потеряла браслет! И что теперь делать?

– Браслет? – начала я хлопать глазами, пытаясь сыграть недоумение.

– Браслет, – твердо произнес мужчина. – Твой браслет. И ты знаешь, где его потеряла! – с угрозой в голосе произнес мужчина.

– Это – не мой браслет, – замотала я головой. – И вообще, что за нелепость, обвинять меня в таких ужасных вещах? – я начала вырываться из его рук, так как необходимость предпринимать какие-то меры стала очевидной. Провести несколько часов под его пристальным взглядом – пытка из мучительнейших, подвергаться которой не было желания.

– Тогда покажи мне свой, – разозлившись, мужчина пихнул меня в стену с такой силой, что от удара у меня звезды побежали перед глазами. Затем обидчик еще сильнее стукнул спиной во-второй раз, встряхнув для верности.

– Не буду я ничего показывать! Не была я в номере! Ты оглох? Пусти меня! – я начала злиться от боли и досады.

Он удерживал, а я глупо тратила силы, пытаясь вырваться. Руки уже саднило. Его поведение, а главное, лицо, взгляд пугали также сильно как вид трупа в отеле.

– Что за выдумки! Это мог быть кто угодно! Сейчас туристический сезон. И вообще, уходи, я хочу спать! – неслось все вперемешку.

– Хватит врать! Человек убит, ты это понимаешь? – крепко сжимались чужие руки на моих плечах.

– Пусти! Мне больно! – верещала я жалобным голосом.

– Скажи мне правду! – не реагировал мужчина.

– Я там не была, – упрямо повторяла я во все горла. – Да пусти же ты! – и вырвалась.

Мужчина злился.

– Я что, под следствием!? – пытаясь убежать, несла я сбитым голосом.

– Да ты не просто под следствием! Считай, что ты уже в тюрьме и приговор оглашен!

Мужчина хватался где-то за мою талию, я отпихивала его от себя как могла, на него уже не смотрела, только на руки, от которых жаждала освободиться.

– Ты понимаешь, что тебя обвинить могут! Ты хоть о камерах слежения подумала? А о портье? О прохожих? Скажи, что ты там делала? – кричал мужчина.

– Спятил? Отпусти меня! – протестовала я в голос.

– Я тебе помочь хочу, идиотка! – настаивал он, применяя силу.

– Спасибо большое, только я не вижу, чтобы твоя помощь мне как-то пригодилась! – жажда вырваться была сильна неимоверно, еще чуть-чуть, и зубы пошли бы в ход.

– Мне нужно то, что ты там забрала! – крикнул мужчина.

– Меня там не было! – продолжала я отрицать все, слабо понимая, что он от меня хочет.

– Это не шутки. Отдай мне это! – вновь повторил обидчик.

– Да не брала я ничего! – тело пыталось вырваться из цепких лап.

Лап – потому что вид у него был как у дикого, обезумевшего от ярости зверя: огромного волка, или огнедышащего дракона, с клыками и когтями. Он хватал с огромной силой, причиняя боль, где только можно и нельзя. Было невыносимо, я вертелась, еле-еле выскользнула и понеслась в спальню, натягивая соскользнувший кардиган обратно на плечи, наконец, почувствовала внутри страх и ужас, сковавший внутренности. Опасность плотно разлилась по комнате. Я инстинктивно убегала, он бежал следом. Вихрем пронесся по гостиной, не дав опомниться, руки схватили железным кольцом мою талию. Я вздрогнула, еще больше испугалась и стала сильнее вырываясь. По всему телу побежал холод, грудь стала какой-то большой, сердце еле чувствовалось.

– Илья, пусти! – крикнула я в отчаянии.

Тут он кинул добычу на кровать, навалившись сверху.

– Нет, пока не скажешь, – рука сжала шею как стальные тиски.

Я снова увидела его глаза, сверкавшие металлическим блеском: острым, холодным, опасным, как у волка или оборотня, который смотрит на свою жертву и смакует свои последующие действия, представляет, как впивается в нее, протыкая острыми зубами гладкую кожу, раздирает теплую плоть, кровь забрызгивает его тело и проникает внутрь по горлу, в желудок горячей, ласкающей внутренности струйкой. Его сердце бешено колотилось, и мое оборвалось в этот самый момент.

Жертва зашевелившись, рука ее медленно коснулась дрожащими пальцами мужской руки, железной хваткой державшей шею, пытаясь таким образом успокоить. Грудь нервно поднималась и опускалась. Мужчина почему-то замер и задышал сильнее. Я онемела от страха, а мужчина разглядывал что-то на испуганном лице, ничего не произнося. Я никак не могла предугадать его действия, только молила бога избавить меня от плохого. Тут голова с темными

волосами наклонился еще ниже и застыл ненадолго, глядя пристальнее. Глаза впивались в мое лицо, вдруг стали меняться, засветиться светом прожектора, опасным и ярким, прожигающим как лазер, которые усиливался с каждой секундой, горел зловещим блеском, и пугал до одури.

По моему телу бегали мурашки в бесчисленном количестве. В карих глазах плясали черти. Вдруг рука немного ослабила хватку, так, что я смогла сглотнуть. Большой палец прочертил линию по моей шее. Тело замерло от страха и неожиданности, его забило от страха током, и я почувствовала тонкий запах, потому что губы коснулись моих. Жадно, с долей злости и попытки насытиться, они целовали. И какая-то терпкая сладость была в поцелуе. Палец руки переместился в ложбинку между ключицами, вторая рука поползла вверх по ноге, поднимая подол ночной рубашки все выше. Я замерла, не дышала, мозг отключился от конечностей, чувствовался только терпко-сладкий вкус на губах, внутри уже нарождалась истерика, а горящие жаром чужие руки жадно скользили по телу, все настойчивее прощупывая каждый изгиб.

– Боже! – крикнула я сама себе и впилась своими ногтями, оттаскивая здоровое тело от себя. – Нет, – вырвалось из горла, – не надо!

На просьбы никто не обратил внимания. С тела стали стаскивать одежду с такой остервенелостью, которую я и вообразить не могла. С меня особо нечего было снимать, себя от одежды Илья освобождал без помех.

– Пусти! Не надо! – слова вырывались с трудом из горла, з останавливали чужие губы.

Руки болели, старались отлепить от себя нежеланное тело, прилагали титанические усилия. Я брыкалась. Мужчина напирал. Кое-как ухитрилась сползти с кровати, он отстранился, позволив соскользнуть на пол. Стать на ноги и бежать – вот что было нужно! Но как только тело приготовилось осуществить побег, меня подняли как котенка и кинули обратно на кровать, заодно залепив оплеуху от души. Мужчина снова навалился, бесцеремонно поднимая подол, и не слушал слезных просьб. Щеку жгло. Кожа была непривычна к таким проявлениям мужской силы, впервые в жизни получив столь неприятный подарок. Ладони прилагали огромные усилия, чтобы расстояние между моим телом и его не сокращалось, от этого заболев. Противнику надоело и, заняв более удобное положение, он резко оторвал руки, сжал своими с такой силой и злостью, что у меня навернулись слезы, нахрапистое тело коснулось моего, обжигая огненной теплотой.

– Не надо, по… пожалуйста… А!

И острая боль, как от раскаленного железа, завладела всем телом. Брызнули слезы. Большое мужское тело обжигало теплотой, в моем же был холод. Он беззастенчиво продолжал действия, сдавливая пальцами мои руки, плечи, причиняя боль в разных частях, и не смотрел в глаза. Я же через пелену слез видела размытое тело мужчины, отвернулась к стене, кусая губы, чтобы сдержать крик отчаяния.

Когда все закончилось, он устало лег подле, дыша полной грудью, и уставился в потолок, потирая кулаком глаза. Я, наконец, ощутила всю силу, с которой тряслось тело, мерзшее от холода снаружи и внутри. Прошло несколько минут. Я лежала не помня саму себя, пыталась закрыть глаза, но снова резко открывала их, от страха. Становилось все холоднее. Медленно перекатившись на бок, нервными руками натягивая хоть что-то, чтобы согреться, я стала кутать колени в подол, поджимая их, смотрела в стену и бездвижно пролежала минут пять.

Послышался звук, при котором я захлопала ресницами. Его дыхание раздавалось рядом как очередная угроза. Мужчина зашевелился за моей спиной, кончики пальцев коснулись шеи, заставив вздрогнуть, и освободили ее от волос, обнажив для созерцания. Он провел по ней пальцами еще раз и лег рядом, чем заставил меня вздрогнуть от отвращения.

Тело снова вздрогнуло в пустой парижской квартире. Пальцы рук стали растирать лоб, пытаясь таким способом стереть воспоминания той омерзительной ночи. Я раздражалась постоянно, злилась на себя, потому что до мельчайших подробностей помнила произошед-

шее. Все детали, вплоть до его дыхания, прикосновений! До сих пор ощущала, как мои запястья сжимались сильными руками, с точностью могла воспроизвести все, что произошло. Я еще раз побила себя пальцами по лбу, пытаясь промотать вперед произошедшее, и взглянула на флешку, которую держала в руках. Меня интересовал дальнейший период.

…я проснулась на рассвете, первое, что увидела – открытое окно спальни. Резко вздрогнула, подумав, какой ужас мне приснился. Вода еще шелестела в каналах, солнце не встало, было совсем холодно.

– Я не заметила, как уснула, – подумала я и привстала.

Глаза пробежались по комнате и раскрылись от ужаса: на краю кровати, где я уснула, постель была смятой. На моем плече лежала тяжестью чужая рука – говорить о сне не приходилось.

– Значит, и убитый коллекционер и мой родственник-филантроп – кошмарная реальность! – промелькнула в голове мысль.

Минуты три я сидела как в бреду, не шевелилась, боясь разбудить соседа, который спал глубоким сном. Дрожь уже не била, но внутренности сковало холодом, как прежде. Я поняла одно – хочу сбежать отсюда.

Кончиками пальцев я схватила его руку и медленно приподняла с моего тела, задержала дыхание, боясь сделать лишнее движение, и тихо вылезла из-под горячей руки. Сползла с кровати, еще раз взглянула на спавшего мужчину и вздрогнула от отвращения. Тихо, на цыпочках, прошла по полу, оказалась у ванной комнаты и с ювелирной сноровкой беззвучно открыла, потом закрыла дверь. Следующим этапом пришлось взглянуть на себя в зеркало. Ничего особенного я не увидела: девушку с глазами, в которых сияли звезды острым холодным блеском, холодным как сталь. Про такие глаза говорят, что в них читается боль. Я закрыла лицо руками на несколько секунд и снова взглянула на себя. Все осталось по-прежнему.

Рука повернула кран, вода тоненькой струйкой побежала по дну раковины. Зачерпнув воды, я умыла лицо и почувствовала холодную влагу на коже. Лучше не стало. В углу маячила одежда. Я стянула с себя все, оставшись обнаженной. В зеркале отразилось белое тело, которое сейчас казалось и не моим, а чужим, без разрешения прощупанным мужскими пальцами. Вглядываясь в отражении пристальнее, я поняла, что больше не хочу видеть себя в зеркале, никогда, схватила одежду и стала натягивать платье. Минуту спустя я тихонько открыла дверь ванной и прислушалась. Кровать все так же хранила на себе тело спящего глубоким сном мужчины. Помявшись, я вышла из ванной все-также на цыпочках, прикрыла дверь и застыла у входа. Через несколько секунд, убедившись, что в безопасности, пошла вдоль по комнате, отворачиваясь от кровати. Схватила сумку резким порывом и закрыла за собой дверь номера. Захлопнув дверь, я бросилась бежать по коридору вон из отеля.

Ноги сами понесли по мощеным венецианским улицам, все дальше и дальше, по серым спящим улочкам, на названия которых я даже не смотрела. Я шла, пытаясь освободить свою голову от мыслей и воспоминаний, вдыхая водные пары, огибая дома, проходя мосты и мостики. Все вокруг окрашивалось в мягкие розовато-бежевые тона раннего утра. Желание, чтобы все оказалось сном, росло с каждой минутой, и с каждой минутой я понимала ужасную реальность, заложницей которой стала. В красках прекрасного утра ступала по каменным мостовым.

Я унесла из Венеции ноги подобру-поздорову ровно четыре дня назад, мало в чем разобравшись, но сильно напуганная произошедшим.

После часов мытарств по узеньким улочкам вдоль воды, когда город окончательно проснулся и наполнился людьми, я добрела до церкви. Пристроилась на скамье в самой середине и меня, наконец, прорвало – горькие слезы закапали из глаз. Ни на кого не обращая внимания, я рыдала, закрывая руками лицо, чтобы не пугать прихожан. На мое счастье, церковь

была пуста, возможно, где-то были люди в подсобных помещениях, но каяться в грехах никто не приходил. Ревущую благородно оставили наедине с Богом.

Я проревела, наверное, с полчаса, пока голова не заболела. Потом кое-как собрав мысли воедино, принялась думать, что делать дальше. Единственным разумным решением было – уехать. Уехать как можно скорее. Это означало – вернуться в номер, собрать свои вещи и потихому улизнуть.

Словом, обратно в отель меня погнал страх и надежда на то, что он уже ушел. Зацокав каблуками по улочкам города, проскальзывая мимо прохожих, я возвращалась в надежде прекратить этот ужас, не предполагая, что он только начинается. Медленно приближаясь к номеру, прислушиваясь к каждому шороху и шагам, я преодолевала расстояние до двери как испуганный ребенок в доме с приведениями. В коридоре никого не было. Свет лился в узкие окна, освещая пространство отеля. Рука открыла дверь номера, я вошла и замерла. Уши навострились и стали улавливать звуки. Все было тихо. Я также с опаской закрыла за собой дверь, подождала с полминуты, вслушиваясь в тишину, и медленно двинулась осматривать номер. Никого не было.

Я возблагодарила Бога, чуть не прослезившись, и забегала по номеру как полоумная, распахивая настежь ящики гардероба. Вещи стали скапливаться на кровати. Я вытащила кое-как чемодан и ненадолго зависла возле него, снова подумав о главном. Рука медленно дотронулась до папки с моими набросками и чистой бумагой. Я вытащила ее на свет и открыла. Рука схватила папку сильнее, став медленно перебирать сокровища, добираясь до главного – чужого рисунка, испачканного кровью. Пролистав и не заметив в ней никаких изменений, никакой пропажи, даже не поняла своих чувств: обрадовалась я или расстроилась, – резко закрыла папку. Бросила на дно чемодана и начала сборы. Вещи летели в чемодан без разбора, без попытки их хоть как-то сложить и утрамбовать, летели поверх папки с моими набросками и взятым из отеля чужим рисунком, на котором стоял мой кровавый автограф ладони. Туфли швыряла так же, не глядя – почти все оказалось внутри в жуткой куче. Я вздохнула, чувствуя, как бешено стучит сердце, и закрыла крышку. Все было готово, чтобы уйти. Присела на диван, подустав, и зачем-то взглянула на часы. Оказалось, я потратила непростительно много времени, и некстати вспомнила еще кое о чем.

Быстро добежав до ванной, я окинула полочки взглядом, осознавая, что потрачу еще столько же времени. Всплакнула и почувствовало, как сердце разрывается на куски, словно предупреждая о чем-то. Рука начала сбрасывать все, что подворачивалось в косметичку. Я нервничала и мысленно подгоняла себя. То один пузырек не хотел влезать, то другому не хватало места, то сумка выскользнула из рук, рассыпав по полу содержимое. Я взвыла внутри, опустилась на колени и стала шарить руками по кафелю, пытаясь собрать разбросанные пузырьки и флакончики.

Встав с колен с собранными вещами, я вздохнула и шагнула вон из ванной, стремглав желая добежать до чемодана. Пару метров я смогла пронестись, а потом со всего размаху врезалась в мужскую грудь. Сердце разорвалось.

Тело отскочило как ошпаренное в сторону. Прижавшись к стенке, я задрожала как осиновый лист. Глаза уставились на преграду и лицезрели, как чужая рука подняла уроненную вещь. Высокий, сильный мужчина поднял с пола косметичку и прошагал медленно к чемодану, не испугавшись повернуться своей широкой спиной. Он присел на кровать рядом с чемоданом, напомнив о мягкости отельного ложа. Его рука бросила поднятую косметичку прямо во внутрь.

Я вздрогнула. Мужчина тоже притих, глядя на меня в упор, и стал ждать моих действий. От его взгляда мои глаза опустились чуть ли не в самый пол как у крепостной. Я с трудом оторвала тело от стены, сжала покрепче вещь, что осталась в моих руках, и, опуская глаза ниже в пол, подошла к чемодану. Карие глаза наблюдали, как я все складываю внутрь и избегаю встречаться с ним взглядом. Руки захлопнули крышку, застегнули молнию.

– Где ты была? – тихо раздался его голос.

Я молчала и отводила взгляд. Мне не хотелось ни видеть его, ни слышать его голос. Он протянул руку, коснулся моих пальцев, что застегивали замок, и это мня окончательно добило. Я как неврастеничка затряслась и шарахнулась от чемодана, мгновенно выдернув руку.

– Не трогай меня, – вырвалось само.

Сначала приподнялась его бровь, затем он сам, сделав шаг мне навстречу.

– Пожалуйста, – я пятилась от него, прижимая трясущиеся руки к телу. – Только не трогай, – пятилась, и глаза мои были прикованы к его рукам. Я боялась их больше всего на свете.

Он притих, глядя на меня, и похоже, испугался моего странного поведения.

– Что собралась – хорошо, – произнес он странно. – Ты уезжаешь, – тихо и твердо произнес голос.

В непонимании я сморщила лоб и невольно подняла глаза, но тут же опустила.

– Поедешь в Париж, – еще более давяще произнес бархатный голос.

Я сморщила лоб, но удержалась от того, чтобы взглянуть на говорившего странные слова мужчину очень близко стоявшего ко мне.

– Вот ключи, – в протянутой мне руке засиял метал, на который я уставилась как ничего не понимающая идиотка. – Сиди тихо, и ни слова никому до моего возвращения. Поняла?

Конечно, я ничего не понимала, просто стояла, уставившись на его руку, и молчала.

– Поедешь на поезде, билет возьмешь сама. Только не лети самолетом, – строго сказал он. – Звонила кому-нибудь?

Я сглотнула. Не дождавшись ответа, его рука резко подняла мой подбородок к верху.

– Звонила? – еще более грозно произнес он.

Я помотала головой, и почувствовало, как меня мутит от его прикосновения.

– Вот и отлично, – для пущего эффекта, он припер меня к стенке и завис, упершись двумя руками. Я готова была соскользнуть прямо на самый пол под его взглядом.

– Ни слова никому, ни звонков, – протянул он медленно, – н-и-к-о-м-у! И на глаза не попадайся никому. Иначе участь того мужчины в номере ждет и тебя.

Я в ужасе расширила глаза и уставилась на него.

– Я не шучу, – добавил голос.

Он снова прошелся по мне взглядом.

– Все собрала?

Я кивнула головой.

– Тогда иди.

Молча и покорно я шагнула было к чемодану, что остался на кровати, как мужчина резко дернул меня и оттащил к двери.

– Чемодан я привезу тебе позже.

Я уставилась на него. Оказывается, он вдобавок решил покопаться в моих вещах.

– Может, еще обыщешь? – прорезался голос.

– Не нарывайся, а то действительно обыщу.

– Мне как раздеться: совсем или можно до нижнего белья?

– Ты меня уже довела, хочешь повторить?

Я отвернула голову.

– Живо вниз! – грозно произнес он.

– Сумку отдай! – ответила я, разозлившись.

– Какую сумку?!

– Обычную, с документами! – передразнила я.

Он зашагал по комнате, резко схватил сумку, оставленную на кровати, загораживая ее спиной, повернулся, приблизился и пихнул мне в грудь грубо и больно.

– Животное, – сказала я вместо прощания, и понеслась, лишь бы только не видеть его.

Глава 2

Татьяна появилась с утра пораньше. Я с трудом разлепила глаза, услышав настойчивый звук звонка, повертелась немного в постели и встала. Еще даже не расцвело окончательно. В полусонном состоянии я поплелась открывать, попутно посшибав все на пути и стукнувшись о всевозможные углы. Потерев глаза, я дотронулась до ручки. Дверь отворилась и, влетела белокурая Валькирия с роскошной и колыхающейся грудью, размахивающая руками.

– Давай скорее, – прошипела она.

– Шесть утра, ты с ума сошла? – простонала я, кутаясь в чужой свитер.

– Он объявился! – снова зашипела она. – Надо скорее уезжать. Пошли, – дернула меня за руку взволнованная гостья.

– Дай я хоть оденусь, – с грустью произнесла я и вздохнула.

– Да, ладно. Иди так. Не будем терять времени, все равно на улицах никого.

Я простонала, захлопнула дверь и стала спускаться с ней на первый этаж к ее квартире прямо в домашних тапочках, причем мужских. Вид был более чем странный. Хотя это ни чуть не помешало работоспособности. Мы вошли внутрь, Татьяна махнула рукой на коробки и дала устные указания, что брать первым, что – вторым, что на что следует ставить. Промучившись с полчаса, подгоняемая Татьяной, я, наконец, проснулась окончательно и стала хоть что-то соображать. Коробки то и дело ставились в багажник маленькой машинки серого цвета, чемоданы заполонили все заднее сидение. Меня удивляло то количество мелочей, которые мадам забрала из дома. Одна из коробок была настолько тяжелой и громоздкой, что нести ее пришлось вдвоем. Развалилась она у нас в руках прямо в коридоре, на пол посыпались с грохотом вещи, заставив притихнуть. Татьяна чертыхнулась, прислушалась, нет ли соглядатаев, и быстро принялась собирать все обратно в коробку. Я тоже присела.

– Твой муж – антиквар? – покрутив одну из вещей, спросила я.

Вещь резко вырвали у меня из рук, после чего она полетела в коробку. Я вздохнула и стала собирать все оставшееся, разбросанное на полу: маленькие статуэтки, вазы, картины.

– Ого, – произнесла я, крутя картину в руках.

– Что? – недоумевая, спросила Татьяна.

– Эти картины тебе дарили?

– Да, – пожала она плечами и небрежно кинула картину в угол.

Мы снова подняли коробку и дотащили еле-еле до машины, погрузили все, что было необходимо ей для новой жизни, и закрыли багажник. Обе выдохнули напоследок. Татьяна закурила и прислонилась к двери.

– Надо ехать, – выдохнула она очередную струйку дыма.

– Езжай. И я пойду, а то я в таком виде народ испугаю.

Я попрощалась с ней и оставила возле машины, медленно зашагав домой. Слава богу, по дороге мне никто не встретился. Закрыв за собой дверь, я еще раз выдохнула и потерла глаза. Только за дверью я окончательно осознала то, что тревожило меня на протяжении получаса – что-то было не так. Что-то в Татьяне мне не понравилось. Я оторвала себя от двери и прошлепала в ванну все в тех же мужских тапках. Там, закрыв дверь, принялась стягивать с себя ненавистную кофту. Мне не нравилось здесь абсолютно все, от запаха до цвета мебели, и причиной тому был владелец квартиры. Я чувствовала себя как пленница, которая сама отправила себя в казематы по глупости, часами сидела и думала о том, что надо уходить, но при этом не предпринимала практически ничего, продолжала говорить себе, как заклинание слова и сидеть возле телефона в ожидании звонка. Покинув ванну в облачении – в своем черное платье, я прошлась по гостиной, выглянула в окно, присела на стул, снова посмотрела в окно, подрыгала ногами, и вздохнув, решила пойти погулять. Делать мне было не чего.

Погода была хорошей, планов – никаких, я надела сверху свой бежевый пиджак, поправила волосы и затопала вниз по лестнице, цокая каблуками. Лифт, почему-то, сегодня был не в фаворе. Солнышко светило во всю, так что очки были к месту. Я перешла дорогу, ступила на асфальт пешеходной части и стала мерить шагами мостовую, располагавшуюся напротив дома. Все дальше от места своего пребывания, вдыхая воздух осеннего Парижа, мне становилось значительно легче и веселее. Вдруг перестало интересовать все: проблемы, неурядицы, страхи, предчувствия – мне просто нравилось находиться в Париже. Нравился воздух, нравилось небо, облака, кроны деревьев, дома и улицы. Ощущение счастья, такое забытое с самого детства, сейчас обволакивало все существо само собой. Сбывшаяся мечта, не важно, каким образом сбывшаяся, всегда переполняет радостью. После свадьбы я должна буду сюда переехать на три месяца. Квартира уже арендована, и жить в ней придется с мужем.

– Квартира уже арендована, – снова повторила я себе под нос. – Только стоит ли туда идти сейчас? Вернуться из Венеции в Москву я должна на следующей неделе. Сейчас меня никто не кинется искать, ни родители, ни даже Леша со своей ревнивой натурой, – я вздохнула и нахмурила лоб.

– Сколько я еще здесь пробуду? – лоб нахмурился сильнее. – Пожалуй, стоит позвонить и сказать, что по пути я заеду в Париж, взглянуть на квартиру. Леше скажу, что остановлюсь в ней, а сама дождусь Илью, заберу чемодан и вылечу в Москву первым рейсом. Можно улететь и без чемодана, соврать, что его потеряли в аэропорту, но в нем, на дне рисунок с моим кровавым автографом. Если чемодан останется у Ильи, он в него полезет т найдет его, – мое сердце бешено забилось от страха. – А что если он уже это сделал? Тем более надо вернуть чемодан. Надо ждать Илью и врать Леше, что захотела проверить квартиру. Худо-бедно, выкручусь, – я еще раз вздохнула.

Пройдя приличное расстояние, я оглянулась в поисках метро и поехала в центр. Дорога заняла совсем немного времени, ступив на святая святых – Елисейские поля, я зашагала вдоль по тротуару абсолютно счастливая. Париж есть Париж. От красоты тут же улетучивались все дурные мысли, тем более наставления о том, что я должна сидеть тихо как мышка, никому не попадаться на глаза, даже воспоминания об Илье как-то, ненароком, затерялись в моей голове. Безотрывно переводя глаза с одного шедевра архитектуры на другой, на витрины бутиков и прохожих, я, незаметно для себя, ушла очень далеко, совсем не замечая маршрута. Триумфальная арка, Конкорд, здание Гранд Опера и Сакр-Кёр вереницей неслись мимо глаз. Я продолжала шагать, прибывая в романтическом настроении, то останавливаясь, то снова двигаясь в путь, так и ходила по улицам и улочкам города, без каких бы то мыслей. Заглянула в ресторан, потом в какую-то галерею по дороге, потом в книжный магазин, просто как праздный зевака, наконец, вздохнула, глянула на часы и пошла обратно.

По ходу я взглянула на свой телефон и нервно рассмеялась. Он был разряжен. Скорее всего – довольно давно, поэтому мне никто и не звонил. Зарядку, как мне помнилось, я бросила в чемодан, который был от меня за тысячу километров. Домашний телефон разрывал уши в эти два дня, но я к нему не подходила, строго соблюдая наказ сидеть тихо. Я здраво рассуждала, что мне позвонят на сотовый, не подозревая о состоянии телефона, домой будут звонить хозяину квартиры. А что следовало отвечать, если спросят, где он? Ничего. Разумеется, он мог звонить мне уже который день, и поднять трубку стоило, но лучше поостеречься. Во-первых, не знаешь, на кого нарвешься, во-вторых, если не дозвониться, то скорее приедет. А мне ой как хочется сдать ему на руки квартиру с ключами и убежать от него куда глаза глядят. Домой я вернулась, когда смеркалось. Телефон настойчиво звонил, грозя своим звоном разорвать все вокруг. Я подошла, покрутилась возле него, и все же решила не брать. Плюхнувшись на диван перед телевизором, стала коротать время как обыватель, заодно подумала о Татьяне. Часа через три, не ожидая ничего особенного, я мирно отправилась спать, облив для верности кофту духами еще раз.

Снилось мне невесть что, точнее, сон никак не шел. Отопления в квартире не было, октябрь выдался довольно холодным, потому, который день я мерзла под простынями. Гуляя по улицам, я постоянно мерзла, а возвращаясь домой и ложась спать, никак не могла согреться, мучилась до утра. Утром, вставала в холодной квартире, снова тщетно пыталась согреться, семенила из ванной комнаты на кухню, потом по квартире, потом снова на кухню, крутилась на ней, кутаясь в чужой свитер. И так изо дня в день. И сегодня, с утра, замерзнув от утреннего холода, решила пойти позавтракать в кафе. Стянув свитер, впитавший аромат женских духов, надев платье и бежевый пиджак, запихнув в сумку все, чем обладала на сегодняшний момент, я хлопнула входной дверью и стала спускаться вниз по ступенькам.

Хмурые мысли, не смотря на раннее утро, появились в голове и донимали всю дорогу. Я вышла из подъезда и почти перешла улицу, как увидела двоих мужчин. Оба неслись в мою сторону с бешенной скоростью. Я остолбенела, не понимая, почему они смотрят на меня, но стоило им оказаться в доступности десяти метров, как я инстинктивно рванула наутек. Они за мной. Я понеслась опрометью, не понимая, что им надо. Мне не припоминалось, чтобы я когда-нибудь видела их физиономии, ни в Венеции, ни тем более в Париже. Ход мужчины постоянно прибавляли, сокращая между нами расстояние, и я бежала как угорелая, пугая прохожих и пугаясь сама. До меня доносились жуткие крики и ругательства преследователей. Останавливаться и выяснять отношения не хотелось. Я бежала, куда глаза глядят.

Заскочив в метро, я пролетела мимо прохожих. Чужая рука почти схватила меня, потащила к себе. От испуга я развернулась и пустила в ход сумку, ударив преследователя. Мужчина отпустил, а я впорхнула в вагон, умчавшись неизвестно куда.

Вереницей пролетали станции, голос предлагал выйти, однако я не решалась принять предложение. Одна, другая, третья, четвертая – все проносились мимо, пока я стояла, прикованная к месту, нервничала и рассматривала пассажиров. До бесконечности продолжать стоять на месте было глупо, я собралась с силами и покинула вагон. Двери с шумом открылись. Я оказалась в подземке и пошла вдоль платформы к выходу. Толпа вокруг двигалась в противоположные стороны двумя потоками, абсолютно равнодушная друг к другу. В потоке серой, недовольной жизнью, порядком уставшей от забот, массы я вышла на улицу и растворилась в толпе. В голове вертелся только один вопрос.

– Что делать дальше? А главное, кто те мужчины? Мне было сказано сидеть тихо, что я и делала. Неужели те, кто совершил убийство, добрались до меня в Париже? Из Венеции в Париж махнуть – раз плюнуть. Может, мне звонили, чтобы предупредить об этом, и все же стоило взять трубку? Боже! Что теперь делать?

От нехороших мыслей у меня заболела голова. Шум и грохот улицы становился сильнее. Голова разрывалась, раскалывалась, тяжелела, что приводило в отчаяние. Я устроилась на скамейке в Люксембургском саду и стала соображать. Сердце бешено колотилось от того, что идти обратно было неразумно, а оставаться на улице до ночи – неразумно вдвойне. Так или иначе, но вернуться было необходимо. Возможно, ночью на темной улице меня не заметят?

Просидев часа два, я стала обивать пороги парижских достопримечательностей, оттягивая возвращение домой. Время тянулось неимоверно медленно, настолько, что через час я плюнула на осторожность и пошла в фирму, где мы арендовали квартиру с Лешей. Открыв дверь, я оказалась в помещении средних размеров, довольно чистом и скромном, по меркам большого бизнеса. Доброжелательные сотрудники с радостью отдали мне ключи, после того, как я предъявила им паспорт, и объяснили, как от них добраться до квартиры. Я, не теряя времени, двинулась в нужном направлении. Мне повезло – я больше никого не встретила, спокойно дошла до дома, легко открыла дверь ключом, захлопнула ее за собой и осталась в безопасности.

Невероятное чувство покоя разлилось по телу. Постояв еще немного, я оторвала себя от двери, кинула ключи на столик и пошла вперед. Пройдясь туда-сюда, я осознала разницу

между квартирой шестнадцатого округа и пятого, и тут же захотела вернуться в шикарные апартаменты. Она была маленькой, всего шестьдесят квадратных метров. Две комнаты, одна из которых выполняла функции и гостиной, и столовой. Ничем не примечательная ванна и ужасно маленькая белая кухня с минимальным набором бытовой техники и барным столиком, еле втиснутым в пространство, и способным вместить только двоих. Я вздохнула, еще раз взглянув на обстановку и осталась до самого вечера, пытаясь себя хоть чем-то занять. Чуть приоткрыв окна, чтобы проникало больше света, я уселась на диван, скользнув взглядом по телевизору, и стала наблюдать, как тихонько ветер колышет занавески. Только представить, что мне придется делить столь малое пространство с Лешей целых три месяца, видеть его, сталкиваться с ним, не иметь даже возможности уйти в другую комнату и побыть наедине с самой собой.

Ветер снова закачал занавески. Радовало то, что я была очень далеко от Москвы. Долгие годы существования в недоброжелательной обстановке сплетен, осуждений, оскорблений, бесконечных придирок истощили мои жизненные силы настолько, что требовалось сбежать далеко и надолго. Я еще раз вздохнула, свернулась поудобнее на диване, улыбнулась и закрыла глаза. Когда я открыла глаза, в комнате было совсем темно. Ветер, усилившийся, уже во всю рвал занавески. Он врывался в комнату, трепал ткань, звенел в стекле и листьях деревьев, чей шум доносился из открытого окна. Я поежилась и встала, чтобы закрыть окно, подошла ближе к стеклу, отдернула занавески и увидела перед собой черную мглу. От ужаса, я отскочила от окна, попятилась и упала. Тело плюхнулось прямо на пол, споткнувшись обо что-то. Я обернулась, чтобы посмотреть на преграду и вскрикнула. Рядом лежал мужчина с запавшими глазами, светившимися в темноте как будто выкрашенные белой краской. Грудь его была вся раскурочена, внутренности наружу. Пытаясь себя успокоить и заглушить крики, я приложила руку ко рту. Резко отдернула. Рука оказалась вся в крови и испачкала мне лицо. Меня снова замутило. Я заревела, пытаясь делать это без шума. Снова вскрикнула и подскочила.

Я лежала на диване. В комнате было темновато и спокойно. Занавески тихонько колыхались от ветра, на город уже спустились сумерки. Я села на диван, потерла лицо и потянулась к телефону.

– Алле, – раздался голос.

– Привет, – ответила я, пытаясь быть веселой.

– Катерина, где ты? Звоню третий день, ты – недоступна, – железные нотки оцарапали слух.

– Да, знаю. У меня зарядное устройство испортилось, а телефон сел. Так что, связь – только односторонняя, – вздохнула я.

– Откуда ты звонишь? – еще раз резануло по уху.

– О, из нашей квартиры, – пытаясь быть веселой, произносила я.

– Ты уже прилетела? – удивился голос на другом конце. – Странный номер.

– Нет. Я не в Москве.

– Тогда где ты?! – еще более резко раздалось на другом конце.

– В Париже, – честно ответила я, зная, что пожалею от этом.

– В Париже? – удивился голос на другом конце. – Что ты делаешь в Париже?

– Ну, я решила заглянуть мимоходом в Париж. В Венеции мне надоело, – откровенно лгала я мужчине.

– Я же говорил, что не стоит туда ехать, – раздался ворчливый мужской голос.

– Да, я помню, – закатила я глаза в ожидании близившихся нравоучений.

– Говорил, что не надо принимать от него таких подарков!

– Да, помню, – опять вздохнула я.

– Он мне не нравится! – настаивал Леша.

– Леша, он мне, в конце концов, родственник, – упрямилась я из принципа, как всегда, хотя была согласна с Лешей полностью.

Он оказался прав в том, что не стоило принимать никаких подарков от Ильи. Сыр бывает только в мышеловке!

– И вообще, мне не нравится ваше общение! – бросил очередной упрек мужчина.

Я закатила в отчаянии глаза.

– Ты с ним часто виделся, пока меня не было? – спросила я, чтобы прервать нравоучения.

– Я его вообще не видел, – ответил голос на другом конце. – Твоя бабушка сказала, что он улетел тем же вечером, что и ты.

– Неужели? – от удивления, я даже привстала с дивана. – Он говорил о срочных делах. Из-за них он в Венецию поехать не смог, помнишь?

– Мне он ничего не говорил, – жестко бросил мужчина на другом конце.

– Ну да, – тихо произнес мой голос. – Он мне говорил, – пытаясь вспомнить, сморщила я лоб.

– Ты когда вернешься? – недовольно произнес мужчина.

– Наверное, я здесь побуду еще дня три, может четыре.

– Зачем? – резко бросил голос.

– По магазинам пройдусь, – вздохнула я.

– У тебя будет три месяца, чтобы гулять там по магазинам! Лети домой!

– Да, но я могу что-нибудь купить к свадьбе, – пожала я плечами.

– У тебя же все есть, – ответили на другом конце.

– Леша, ты не поймешь. Это – женские мелочи. К тому же, у меня будет больше времени потом, чтобы побыть с тобой, а не таскаться по магазинам.

Вместо ответа Леша засопел в трубку.

– У меня номер странный определился. Назови точный, – резко произнес он.

– Я его не знаю. Он в документах указан. Лучше я сама тебе перед вылетом позвоню. Ты же знаешь, какие дорогие междугородние звонки.

– Любимая! – снова вздохнул он, но осекся в последний момент и решил не ссориться. – Возвращайся скорее.

– Обязательно. Целую, – произнесла я и положила трубку. – Сама мечтаю поскорее вернуться!

Только ближе к первому часу ночи, я стала собираться обратно. Как вор, приближалась к своему дому с опаской. Мне везло, как никогда – в это успела убедиться. И что сподвигло судьбу дать мне такие испытания? Я спокойно миновала улицу, вошла в здание и стала подниматься по лестнице. Тут меня что-то остановило и с тяжестью приземлилось на голову. Все в голове помутилось и почернело в глазах.

Боль разливалась по всему телу, от чего я сморщилась и с трудом открыла глаза. Тело со связанными руками и ногами валялось на чем-то жестком и вонючем, где-то тарахтел мотор. Было темно, и тут же стало страшно. После нескольких ухабов, я догадалась, что меня запихнули в багажник. Мне подурнело. Отсюда сбежать не представлялось возможным!

После многочасовой тряски, как показалось, машина остановилась, раздались шарканья и шаги, я приготовилась к худшему. Черные небеса отворились, и надо мной в ночной мгле зависли два демона. Это был ад, не иначе – с чертями наверху!

Один из чертей схватил меня, вывалил как мешок из багажника, потащил внутрь помещения. Я особо не дергалась, зачем без пользы тратить силы, только осматривалась вокруг и оценивала обстановку. Кругом были дома, входы, окна. То, что меня притащили в жилой район, а не на какую-то свалку или заброшенный склад, уже радовало, но грозившие мне перспективы расстаться с жизнью оптимизма не прибавляли. Кто-то вволок мое тело и швырнул на жесткую поверхность. Свет вспыхнул. Я зажмурилась, открыла глаза и увидела окружающую обстановку: заставленное всяческими предметами помещение, ставшее очень маленьким

от хлама, скопленного здесь; вещи, расставленные не со вкусом или не по размеру, разной тематики и разных стилей. Запах старья, проникнув в нос, моментально закружил голову. Один из мужчин встал передо мной и приподнял, а потом, сомкнув брови, произнес по-французски.

– Где картина?

Мои глаза расширились. Поначалу я подумала, что ослышалась. Потом стала думать, не рисунок ли он имеет ввиду.

– Простите? – переспросила я от испуга.

В ответ мне залепили пощечину, так неожиданно и так больно, что я забыла, как дышать. От такой французской галантности пропал дар речи.

– Где картина? – повторил мужчина, замахиваясь снова.

– Я не понимаю? – пролепетала я по-французски, выговаривая каждое слово, чтобы он понимал, что я сбита с толку.

– Не понимаешь по-французски? – еще раз ударил он.

Я заревела.

– Да что вы хотите? – залепетала я как можно более жалостливо.

– Картину, что ты забрала у своего Жана! – гаркнул второй.

– У кого? – вылупила я глаза.

– У своего мужа! – разозленный до предела, ответил мужчина.

– У кого? – еще больше округлились глаза.

– Я тебе сейчас как… – рука зависли надо мной.

– Да я замужем никогда не была! – вжала я шею в плечи.

– Это ваши дела, почему не оформляли отношения официально, – ответила мне мужчина. – Мне нужна картина!

Я выдохнула и приняла более удобное положение.

– Послушайте, здесь явная ошибка. Я никогда не была замужем, не знакома ни с каким Жаном.

– И картины у тебя нет?! – ухмыльнулся высоченный француз.

– Именно так, – кивнула я головой.

– А если я тебя сейчас стукну? – зарычал надо мной мужчина.

– Не надо, – быстро сказала я на предложение. – Во-первых, запугивания затормаживают деятельность головного мозга, наступает ступор, во-вторых, я действительно не знаю вашего Жана!

– Может тебя и не Татьяна зовут? – ухмыльнулся мужчина надо мной.

– Нет, – протянула я, хотя на меня смотрели с недоверием.

– Ты, детка, не думай, что нас обхитришь, – ответил мне мужчина. – Мы видели, как ты спорила со своим Жаном, причем у своего дома, куда, очевидно, он решил тебя спрятать. Ты вернешь нам картину, иначе он останется вдовцом!

– Во-первых, я – не Татьяна. Во-вторых, мне все равно, что станет с Жаном, так как я его не знаю. В-третьих, логичнее было бы угрожать жене смертью мужа, если вы уверены, что картина у нее.

На это меня опять ударили. Я завизжала.

– Может теперь ты – Татьяна?

– Посмотрите мой паспорт, – только и произнесла я.

Оба мужчины вдруг замялись и уставились на меня.

– Посмотрите! – взмолилась я.

Один из них подошел к моей сумке и достал паспорт, после чего стал переводить глаза с документа на меня и белеть как полотно.

– Гаспар, – тихо произнес он и стал ждать, пока к нему подойдут.

Другой мужчина тоже стал переводить глаза с паспорта на меня.

– Кажется, она – другая.

Второй мужчина еще раз перевел глаза на меня, потом на документ.

– Да это подделка, – щелкнул он пальцем по листу.

– Думаешь? – второй мужчина еще раз внимательно стал разглядывать меня и паспорт.

– Конечно. Она просто сделала себе новые документы! А ты бы не сделал, если бы решил уехать подальше вместе с Ренуаром?

Он услышанного у меня загорели уши. Ренуар!

– А если все же это – не она? – не убежденный произнес соратник Гаспара.

– Мы видели ее с Жаном? – зло произнес мужчина сквозь зубы.

– Вроде да, – пожал второй мужчина плечами.

– Видели у конкретного дома? – произнес Гаспар.

– Да, – кивнули ему в ответ.

– Мы ее схватили у этого же дома?

В ответ второй мужчина кивнул.

– Значит – она. Или, по-твоему, две одинаковые женщины живут в одном доме?

– Вы что, ни разу не видели вашу Татьяну вблизи? – подала я голос. – Мы далеко не похожи. Я – другой человек, у меня и имя другое. Вы же видите! – я готова была разреветься от тупости и несговорчивости мужчин.

– Такие документы, я скажу, где делают, причем за очень короткий срок. Не играй на нервах, говори, где картина? – закричал мне в лицо мужчина.

Мне осталось только закатить глаза и захныкать. На это высокий мужчина замахнулся и собрался опять ударить, как его руку остановила другая рука.

– А если она сказала правду? – не убежденный, произнес соратник по рэкету.

– Да ты что? – попытался высокий мужчина вырвать свою кисть.

– А вдруг? Давай проверим.

– И как ты собрался проверять? Спросишь у ее мужа?

После этой фразы оба мужчины как-то странно посмотрели друг на друга.

– В их доме должны быть какие-то фотографии, – здраво начал рассуждать второй мужчина.

– Ты забыл, что уходя, она унесла и фотографии?! Мы обыскивали дом, помнишь?

– Сделайте запрос в паспортный стол, – пискнула я.

Оба посмотрели на меня.

– Очень умная, да? – скривилась рожа ответчика. – И на каком основании мне выдадут такую информацию? Здесь тебе не деревня! Без документов, такую информацию не выдадут.

– Послушайте, я просто хочу убедить вас: я, действительно, не Татьяна, и живу я в том доме в другой квартире.

– Вот как? И какой номер твоей квартиры?

Только я открыла рот, чтобы что-то сказать, как резко зазвонил телефон. Мужчина, что стоял поодаль, вздрогнул, после очередного звонка подошел и снял трубку. Застыв на месте, внимательно слушая, он не переставал белеть и после нескольких секунд подозвал жестом напарника. Мужчины сбились покучнее, стояли возле телефона, благоговейно вслушиваясь в слова, звучавшие из трубки. Через минуту-другую трубка опустилась. Мужчины взглянули на меня и ушли в другую комнату, где долго шептались о чем-то. Я еще больше прослезилась, начав без толку смотреть на трубку. Мне было ничего не ясно. Вернувшись, один из обидчиков посмотрел на меня волком, затем быстро накинул куртку и вышел за дверь. Тут я приободрилась и стала смотреть на другого, маленького и коренастого, с надеждой. Он подошел, приподнял меня и усадил на стул, после чего мои руки стали снова опутывать веревки.

– Что Вы делаете?

Ответа не было.

– Я же сказала, что я – не Татьяна. Отпустите меня.

– Женщинам нельзя доверять, – пыхтел он. – Вы все подлые обманщицы и потаскухи.

– Так, – раздался голос внутри меня, – Только на голубого женоненавистника осталось нарваться!

– Почему Вы так считаете? – тихо произнес голос.

– Потому что в истории от женского коварства гибло больше мужчин, чем от болезней, войн и голода.

– Ну, допустим. Но если Вы убьете невинного человека, Вас же замучает совесть!

– Из-за Вас? – вскинул мужчина брови. – Не велика потеря! Вы даже не француженка.

– Но как еще мне доказать, что я – другой человек?

– Даже если Вы – не Татьяна, то отпускать Вас все равно никто не собирается.

– Какая кровожадность, – фыркнула я, начиная злиться на Париж.

– Женщин в полтора раза больше чем мужчин на земле, так что Ваша смерть лишь улучшит статистику, – ухмыльнулся мучитель.

– Нельзя ли поправлять статистику при помощи убийства других женщин? – в очередной раз взывая к светлой стороне, обратилась я к мучителю.

– Может, и можно, – вздохнул он, – но Вы мне не симпатичны.

– Хорошо, – тихо произнесла я. – Если я должна умереть, могу я все же узнать, в чем виновата Татьяна, и за что мне придется заплатить жизнью?

– Надеетесь меня разговорить? – усмехнулся мучитель.

– Что случится? Я привязана – Вас не трону. Целая ночь впереди, пока мы ждем Вашего друга, развлеките себя болтовней.

– Ну, если настаиваете, то позвольте освежить Вашу память, – поклонился мужчина не очень грациозно.

Я приготовилась слушать.

– Ваш муж взялся продать картину из частной коллекции. Но перед самой сделкой заявил, что картину украли, – мужчина в упор посмотрел на меня, – его собственная жена, которая ушла от него в неизвестном направлении, – после слов последовала кровожадная улыбка.

– А владелец, как я понимаю, хочет продать картину инкогнито, без уплаты налогов? – задала я вопрос.

– Верно. Похоже, Ваш муж посвящал Вас в свои дела, – усмехнулся мужчина.

– Я просто догадлива, – покачала я головой. – Позовите мужа, покажите меня ему, он подтвердит, что я – не его жена.

– Непременно. Но есть два «но», – надавил мужчина глубоким голосом.

– Какие? – желая освободиться, продолжала я уговаривать мучителя.

– Чтобы Вас выгородить, чтобы Вы смогли беспрепятственно увезти картину, Жан скажет, что вы – другое лицо.

– А, второе «но»? – кусая губы, спросила я.

– Он ничего не сможет сказать, – пробубнил мужчина себе под нос.

После этих слов побелела я.

– Хорошо, – кивнула я обреченно. – У них должны были быть друзья, знакомые.

– Наверное. Только мы с «друзьями» знакомы не были, – передразнил мужчина меня.

– А Вы какое отношение имеете к этой картине? – решила зайти я с другой стороны.

– Никакого, – прозвучал ответ. – Нас наняли, чтобы найти эту картину, – грозно процедил мужчина. – Мы ее найдем.

– Никогда еще не встречалась в представителями вашей профессии, – мило произнесла я.

– Неужели? В России не мало криминальных личностей, даже во власти!

– Но я с ними не знакома, – ответила я, улыбнувшись еще раз, чем вызвала еще большую злость в мужчине. – Только с французами, – улыбалась я. – А Вы давно занимаетесь бандитизмом?

– С тех пор, как себя помню, – пробурчал мужчина.

– Так Вы из неблагополучной семьи? – вымолвила я, взглянув с досадой.

– С чего Вы взяли? – тут же стал ершиться мучитель.

– Ну, а какие дети еще попадают в плохую компанию? – задала я резонный вопрос.

Мужчина нахмурился. Разговор ему явно был не по душе.

– Правда, я слышала, что еще много нелегальных эмигрантов промышляют воровством, грабежами, убийством, так как не имеют возможности устроиться лучше в этом мире.

– Ты замолчишь?! – рассвирепел мужчина.

– Да я так, просто. Не принимайте на свой счет, – пожала я плечами, точнее попыталась сделать.

– Если мой отец – тунисец, то это не значит, что я эмигрант! Я родился и вырос в Париже, а не где-то на окраине! Я ходил в хорошую школу, и хорошо учился! Ясно тебе!

– А предмет какой у Вас был любимый?

– Французский! – закричал мужчина, тряся сжатыми кулаками надо мной.

– У меня тоже, – брякнула я.

Он превратился в быка, который стоял и свирепо дышал на меня, сжав кулаки. Потом не выдержал и ушел в другую комнату, громко хлопну дверью. Через пять минут он вернулся и снова свирепо стал смотреть на меня.

– Я – добропорядочный французский гражданин, а не эмигрант. Мои родители – достойные люди. Я работаю там, где хочу, потому что я – свободный француз, и делаю, что хочу! Поняла!

Я вжала голову в плечи, и вовремя, – мужчина собрался съездить мне по лицу, и больнее, чем его друг до этого. Рука зависла надо мной в угрожающей позе. Я зажмурилась от страха. Что-то стукнуло. Подождав еще немного и не дождавшись оплеухи, я, с опаской, открыла глаза. Меня спасло внезапное возвращение подельника, который остановил злого мужчину.

– Ты что, спятил! – ошеломленно произнес высокий француз.

– Давай убьем ее прямо тут! – брызгая от ярости слюной, шипел коренастый турок.

– А картину как искать будем? – охлаждая пыл коллеги, высокий француз положил свои жердеподобные руки на плечи тунисца.

– Дрянь! – заорал коренастый коллега. – Я из тебя всю душу вытрясу. Жалеть будешь, что на свет родилась.

– Ты что? – очумело смотрел на него приятель. – Что она тебе сделала?

– Эта дрянь… – и после этого полились ругательства в мой адрес, половины из которых я не знала, только догадывалась о смысле.

Второй мужчина смотрел на меня с недоумением.

– Ладно, – оттащил он своего приятеля подальше от меня. – Нам надо кое-куда съездить. Оставим ее пока здесь, потом разберемся.

– Давай ее сразу прикончим! – снова закричал мужчина.

– Некогда! Пошли! – выволок второго чуть ли не за шиворот.

После того, как за ними захлопнулась дверь, я оглянулась вокруг и взгрустнула еще больше. Положение было немыслимое! Я в единственном на сегодня платье, обтертом об грязный пол машины, поверх которого были повязаны толстые веревки, сидела привязанная к стулу в доме, который даже не знала где находится. Руки крепко связаны. Рот заклеен. На часах – пять утра, и спать хочется жутко. Я старалась абстрагироваться от нарастающей паники, но она как волной накатывала с каждой минутой все сильнее и сильнее. И как я смогла попасть в такие истории? Решила сделать доброе дело, сходить к мужчине, который ждал Илью, а наткнулась

на труп! Помогла женщине вещи перенести из квартиры в машину, теперь похищена незнакомцами вместо нее! Везет как утопленнику. Сбежала от одних неприятностей, впуталась в другие.

Я напряглась, попробовала освободить руки – безрезультатно. Веревки, туго затянутые, впивались в тело. Попробовала оторвать стул от пола – и из этой затеи тоже ничего не вышло, вздохнула, оглянувшись по сторонам, в желании найти хоть что-то ценное для меня, но не видела ничего интересного: никаких колющих и режущих предметов.

Квартира была из неприятнейших: жутко пахло старостью и плесенью, вся заставленная мебелью, картинами, вазами, и другим барахлом. Такое ощущение, что здесь жил старьевщик или помешавшийся антиквар, который только копил вещи и ни за что не хотел с ними расставаться. Я оглядела все еще раз и совсем затосковала, как вдруг услышала шорохи и звук тихо открывающейся двери. Замерев от страха, даже дышать перестав от волнения, я вслушивалась в тишину. По коридору раздавались тихие, медленные, крадущиеся шаги.

– Неужели мои похитители входят так тихо? Разве к себе домой так входят? – подумала я.

Тут дверь комнаты медленно отворилась, и на пороге оказался молодой мужчина. Я захлопала глазами, пытаясь понять – галлюцинация или нет? Мужчина явно был удивлен, может быть, даже больше меня. Застыв на пороге, смотрел на меня и старался, чтобы его глаза не вылезли из орбит. Я сидела, он стоял; время замерло. Мужчина не шевелился, смотрел, с трудом соображая, что делать следует дальше. Я представила себя на его месте: ты приходишь в дом, чтобы что-то украсть, и вот сюрприз – связанный человек на стуле. Хоть стой, хоть падай!

Я еще раз осмотрела его с ног до головы. Для вора он был одет весьма щеголевато: дорогая коричневая кожаная куртка, брюки и рубашка, я могла поспорить на что угодно, – все хорошего качества и дорогих марок. Впрочем, откуда мне знать, может во Франции принято во всех ситуациях выглядеть безупречно, даже при ограблении. Грабитель был высокий, спортивный и совсем не худой для домушника, который должен пролезать во все окна и оконные форточки. У него было красивое лицо: прямой нос, пухлые губы с четкими очертаниями, аккуратная трехдневная щетина, волосы чуть волнистые, чей цвет был смешением шоколадного с пеплом. Пока я с любопытством разглядывала его внешность, он медленно приблизился и присел напротив меня, заглянув в глаза. Глаза оказались насыщенного голубого цвета. Взгляд был нежным, который редко встретишь у мужчины.

Это было как скачек в прошлое: его взгляд заставил меня на секунду забыть реальность и вспомнить школу, где в шестом или пятом классе я дружила с мальчиком, таскавшим мой портфель, делившимся со мной карандашами и бегавшим за другими мальчишками, которые стаскивали с меня ободок или заколку, стараясь привлечь мое внимание. У него были такие же нежные, светившиеся мягкостью глаза. Уверена, что ему завидуют не только мужчины, но и женщины.

Мужчина взглянул своими волшебными глазами мне в глаза, улыбнулся, и я обнаружила вторую очаровательную черту внешности – улыбку. Рука освободила другую руку от перчатки, зависла в воздухе, приблизилась к моему лицу и резко содрала пластырь. От неожиданной боли лицо сморщилось, и тут же мои глаза взглянули на него с благодарностью. Я сплюнула в сторону, пытаясь избавиться от привкуса пластыря на губах, и произнесла по-французски.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – он еще сильнее улыбнулся и огляделся вокруг.

Его все это изрядно рассмешило. Ситуация была более чем анекдотической.

– Похоже, здесь живут не очень гостеприимные люди, – тихо произнес он.

– Весьма негостеприимные, – я старалась как можно очаровательней улыбнуться. – Вас не затруднит меня развязать?

– Затруднит, – он улыбнулся в ответ. – Боюсь, Ваши друзья расстроятся, если Вы уйдете не попрощавшись!

– Я думала, они – Ваши друзья.

Мужчина опять улыбнулся, все пристальнее разглядывая меня.

– Я тут осмотрю все, а Вы тихо посидите.

Гость встал и начал ходить из одной комнаты в другую, осматривая стены, искал тайники, рыскал туда-сюда минут двадцать. Руки у меня адски болели, все тело затекло, я с трудом представляла, как выбраться.

– Он – мой шанс, – сказала сама себе и облизнула губы.

Когда в очередной раз мужчина проходил мимо, я решила его пощадить.

– Если Вы ищете Ренуара, то его здесь нет.

Гость резко остановился и взглянул на меня. Голубые глаза впились так, что дрогнуло сердце, только не от страха, а от совсем другого чувства, непонятного, теплого чувства, которое разлилось по телу.

– Где же картина?

– Развяжите меня, и я расскажу все, что знаю, – глядя кристально-честными глазами, произнесла я жалостливо.

Он еще раз оглядел меня всю, словно оценивая мои силы и возможность побега, и двинулся в мою сторону. Я почувствовала, как к руками приблизились другие руки. Он старался как можно деликатнее освобождать мои руки из плена, которые как и ноги сильно затекли. Места от веревок побаливали, я еле вытерпела, дожидаясь освобождения. Развязывая веревки, мужчина не переставал улыбаться, и когда я встала со стула, чуть не упав, подхватил меня, все еще продолжал улыбаться. Я кое-как выпрямилась и поправила на себе одежду. Ноги и руки затекли от многочасового сидения – боль и покалывания тысячи тоненьких иголочек становились все ощутимее, как и аромат парфюма, хозяин которого стоял рядом беззвучно и наблюдал за моими действиями. Когда ноги более или менее стали слушаться, я прошла к какой-то куче барахла, взяла свой пиджак и стала его надевать.

– Ты хотела сказать мне, где картина, – раздался тихий голос.

Он подошел близко, почти впритык, от чего стало еще приятнее.

– Вы на машине? – с замиранием сердца, спросила я.

– Да, – улыбнулся мужчина.

– Идемте, – нога сделала шаг вперед.

– Картина, – спаситель резко схватил меня за руку и заглянул в глаза.

– Идемте, здесь ее все равно нет, – ответила я.

Он разжал руку и пошел за мной следом. Спустившись вниз, мы зашагали к транспортному средству, постоянно озираясь. Серебристый и довольно красивый автомобиль стоял в отдаленном месте, чтобы не бросаться в глаза. Я села в кресло, спаситель услужливо захлопнул за мной дверь, сел на водительское сидение, повернул голову и снова улыбнулся.

– Итак? – принявшись внимательно слушать меня, произнес мужчина.

– Картина у жены, – ответила я на желанный вопрос.

– У жены кого?

– Какого-то Жана, – пожала я плечами. – Я не знаю, кто это.

– Где жена? – продолжил мужчина разглядывать меня, немного улыбнувшись.

– Сбежала, – вздохнула я.

– Куда? – мужчина не переставал улыбаться и не требовал развернутого пояснения.

– Не знаю, – ответила я.

– А от тебя ребята что хотят?

– Надеются узнать, где картина, – ответила я и снова вздохнула.

– И где она? – еще раз улыбнулся мужчина.

– Я же сказала, что не знаю. Жена Жана увезла ее с собой, когда уходила от него.

– Откуда ты знаешь? – сверлил меня мужчина голубыми глазами.

– Они сказали, – ответила я безо всякого понимания, что происходит.

– Точно у жены? – произнес мужчина все еще с долей сомнения.

– Что, картина? – переспросила я повеселевшим голосом.

Он кивнул утвердительно на мой вопрос.

– Насколько я поняла, мужчины в этом абсолютно уверенны.

Водитель улыбнулся обаятельной и мягкой улыбкой, повернул ключ в замке зажигания и покачал головой. Машина двинулась с места.

– Вы с ней подруги? – раздался голос после пятиминутной паузы.

– Нет, – тихо ответила я, глядя на него кристально-честными глазами.

Глаза переместились с дороги на меня. Я вздохнула и добавила.

– Мы – соседи по дому. Она жила на первом этаже, кажется.

Он снова покосился в мою сторону.

– Квартира ей не принадлежала, – пояснила я. – Мы случайно столкнулись у лифта.

– Как это произошло? – настороженно произнес мужчина.

– Я выходила из лифта, и увидела, как она вносила коробки в дом.

– И ты ей помогла, – окончили фразу за меня.

– Нет. Я видела только, что она вносила коробки. Больше мы с ней не встречались.

– Вот как? – улыбнулся мужчина.

– Ну, я только поздоровалась с ней, и все, – пожала я плечами.

– Полагаю, своими планами она с тобой не делилась, – вздохнул мужчина.

– Разумеется, нет.

– Куда тебя отвезти? – вздохнул мужчина, поворачивая на светофоре.

Я пожала плечами.

– Где я живу, они знают, – вздохнула я. – Пристали ко мне прямо в подъезде, по голове ударили, – рука начала ощупывать череп. Шишка была большой. – Увезли черт знает куда.

И тут я сообразила, что мне надо вернуть ключи от Лешиной квартиры риэлтору, взглянула на Поля и моментально отказалась от этой идеи. Лучше никому не говорить, что у меня есть еще одно место, чтобы спрятаться. Поль взглянул на меня еще раз своими голубыми глазами и опять улыбнулся, выстроив маршрут до квартиры Ильи. Я ответила благодарной улыбкой.

– Давно в Париже?

– Три дня.

– И уже влезла в такую историю?! – он опять улыбался.

– Случайность, – вздохнула я.

– Невезение, – поддразнил меня мужчина.

– Не люблю этого слова, – поморщилась я.

– Ну, тогда злой рок. Фатум!

– Слово – из области высокой литературы. Надеюсь, все не так пессимистично, моя драма не станет трагедией.

– Я бы не стал на это рассчитывать, – покачал мужчина головой. – Вполне вероятно, что она превратится в триллер с летальным исходом.

– Почему? – повернула я голову, начав смотреть только на него. Внутри все похолодело.

– Ты знаешь этих людей?

– Нет. Я случайно оказалась ее соседкой. Я даже не поняла из их слов, то ли она ушла от мужа, то ли сбежала от него.

– Прихватив кое-какие вещи и Ренуара, – вздохнул мужчина.

– Она думает – это репродукции, – пыталась я найти лучик солнца в сложных обстоятельствах.

– Серьезно?

– Она не сильна в живописи. Муж убедил ее, что это – копия, – продолжила я.

– Ты лишь мельком видела ее, откуда знаешь такие подробности? – задал мужчина разумный вопрос.

– Я поняла из разговора мужчин.

– Веселенькое дельце! Дамочка умчалась от мужа неизвестно куда, разъезжает с картиной в чемодане стоимостью в несколько миллионов и может сбыть ее за бесценок какому-нибудь старьевщику, чтобы избавиться от плохих воспоминаний.

– Хорошо бы от плохих воспоминаний можно было так просто избавляться, – произнесла я с болью в сердце.

– Ну, а сама чем занимаешься?

– Художник, – романтично произнесла я, а он засмеялся. – Вольный труженик.

– Понятно, – поворачивая руль, произнес мужчина.

– Ты мне не веришь?

– Верю, от чего же. У нас это очень востребованная профессия, – закатил он глаза, поддев меня. – В Академии изящных искусств только пятьдесят семь кресел, остальные на мостах Сены сидят, портреты рисуют.

– Я вообще-то здесь оставаться не собираюсь.

– Неужели? – мужчина как-то напряженно посмотрел в мою сторону своими голубыми глазами, и улыбка исчезла с его лица. – Так ты сюда ненадолго?

– За творческим вдохновением, – улыбнулась я.

Он снова улыбнулся, но уже натянуто, словно не верил. Мужчина удивился, переспросил, не опасаюсь ли я возвращаться, пришлось признаться, что нет выхода. Через двадцать минут серебристый автомобиль остановился возле дома Ильи. Я вышла на дорогу и замерла, с тревогой разглядывая на дверь.

– Что-то не так? – спросил мужчина, встав рядом.

– Я боюсь идти. Вдруг они там, – неохотно призналась я.

– Не стоит бояться. Я пойду с тобой, – ответил мужчина и открыл дверь.

– Ты пойдешь со мной? – удивилась я.

– Считай, я – твой ангел-хранитель, – опять улыбнулся он.

– Ты?

– Не похож? – снова улыбнулся мужчина.

– Ты даже развязывать меня не хотел, – ответила я, не сдержав улыбки.

– Это детали, – пожал спаситель плечами и весело улыбнулся.

Я улыбнулась ему, почувствовав, как мужчина взял меня за руку.

– И как же зовут моего ангела-хранителя?

– Поль, – ответил мужчина.

– Поль, а дальше? – улыбнулась я.

– Поль Лефевр.

– Очень приятно. Катрин.

– Так, где ты живешь?

– На верхнем этаже, – задрала я голову вверх.

– Твои родители, должно быть, богаты, раз позволяют тебе снимать такое жилье в одиночку?

– Родители не причем, – ответила я тихо.

– И кому ты обязана таким роскошным существованием? Богатый любовник?

– Скорее, близкий родственник.

– Насколько близкий? – настаивал мужчина на более детальном ответе.

Я задумалась, как перевести название, которое характеризует Илью на французский. Поль ждал, приподнял брови, молчал, а потом улыбнулся, подойдя очень близко, глядя в глаза.

– Почему ты так смотришь?

– Пытаюсь угадать, – ответил он.

– Что?

– Мужчина или женщина, – ответил Поль.

Тут у меня испортилось настроение.

– Это грубо, – я отошла в сторону от него. – Я думала – французы галантны.

– Я же не спрашивал, просто пытался гадать.

– Просто родственник.

Я дернула за ручку и впустила его внутрь. Далеко идти я не стала, сразу подошла к нужной двери на первом этаже.

– Знаешь, я думаю, тебе стоит заглянуть в ее квартиру.

– Что?

– В квартиру, – я задумалась, сморщив лоб. – Может, что-то там есть, что поможет найти ее скорее?

Он призадумался, глядя на меня с минуту, потом кивнул. Рука расстегнула куртку и полезла в карман. Поль покряхтел немного, пытаясь что-то достать из кармана, и действительно начал открывать дверь. В его руках появилось странное приспособление – отмычка, очень непонятная, которую мне никогда не доводилось видеть. Он присел на колени и стал ковыряться в замке, делал очень профессионально, от чего я пришла в ужас. Лоб мужчины хмурился, создавал горизонтальные полосы, брови приподнимались над глазами, придавая внешности детское очарование; я не сдержалась и улыбнулась, отвернувшись в сторону. Возился Поль минут пятнадцать, за это время я беспрерывно озиралась, вздрагивала от каждого шороха, молилась о скором конце, поглядывала то на лифт, то на входную дверь. Роль домушницы, стоящей на стреме, явно была не для меня, и не выдержала.

– А сколько дают во Франции за проникновение со взломом?

Ответом была лишь улыбка и медленно открывающаяся дверь. Он встал с колен, быстро шагнул за порог и втянул меня следом, чему, признаться, я была вовсе не рада. Тихо притворив дверь, он сделал пару шагов по коридору, и его глаза забегали вокруг. Осмелев, Поль начал оглядываться, ходить туда-сюда в поисках ценного для него, а я вспомнив главное, заторопилась к журнальному столику. Квартира, как мне и представлялось, была схожа с моей, только меньше, и обстановка была иной. Мне не понравилось, как и моему спутнику. Он вздохнул, чуть поморщил нос, глянул на меня и улыбнулся.

– Со вкусом у владельца явные проблемы.

Я улыбнулась и двинулась вперед, якобы осматривать все вокруг. Поль остался проверять зал и коридоры, причем делал это настолько профессионально и быстро, что я не успевала поражаться его способностям. Мне не хотелось думать о том, что кражи – его ремесло, но все говорило об этом. Я поплелась в спальню, прекрасно зная о том, что для женщины – это святыня, и уж где, там точно можно что-то найти. Пройдясь по тумбочкам, заглянув в шкафы, я нырнула под кровать, и не ошиблась. Мои трофеи были куда более ценными, чем у Поля. Брошюра клиники эстетической медицины, клочок с двумя телефонами и ее фото красовались на столе. Увидев это, Поль почесал затылок и с уважением посмотрел на меня.

– Посмотри, – произнесла я, отдавая в его руки фотографию.

– Смотрю, – произнес он.

– Это – Татьяна, – мой палец указал на женщину.

– Как эти идиоты смогли вас спутать?

Я пожала плечами.

– Сколько их было? – вздохнул Поль и опустил руку с фотографией.

– Двое.

– Ее муж тоже был среди тех, кто тебя связал?

– Нет, – помотала я головой.

– Он тебя видел?

– Нет. Мужчины сказали, что его уже нет в живых, – тихо ответила я.

– Кто был в той квартире? – продолжил вежливый допрос Поль.

– Двое мужчин. Один коренастый, лысоватый. Второй был высоким, лет тридцати, в кожаной куртке. Его называли Гаспар.

– Но мужа не было?

– Нет, – подтвердила я еще раз.

Затем Поль схватил все, что лежало на столе одной рукой, второй схватил меня за руку и быстро ушел из квартиры. Мы выскочили на улицу в мгновение ока, прямо к машине.

– Что-то не так? – спросил он, когда я приостановила ход.

– Ну, я надеялась, что пойду домой, – тихо произнесла я.

– Нет. Ты поедешь со мной. Пока мы ее не найдем, домой тебе лучше не возвращаться.

– Почему?

– Да потому что, они не отстанут. Рано или поздно тебя найдут, и тебе эта встреча не понравится, уж поверь, – открыл Поль передо мной дверь и смотрел неотрывно своими голубыми глазами.

Я вздохнула и опустилась на сидение. Мужчина обогнул машину, сел рядом, завел мотор и нажал на газ. Машина покатила по улицам Парижа.

– О чем думаешь? – тихо спросил он, проехав несколько километров.

– Я очень надеюсь, что все надолго не затянется, – хотя на самом деле подумала, – если мой родственник объявится до моего приезда, он разозлится.

– Если мы найдем твою подругу в ближайшие три дня, то все будет хорошо.

– А если нет?

– Тогда все тоже быстро закончится. Но плохо.

– А именно? – затрепетало от страха сердце.

– Полиция найдет еще один холодный труп красавицы с белокурыми волосами.

Я резко повернулась к нему.

– Чей труп?

Поль молчал.

– Ты меня убьешь?

Поль улыбнулся.

– Я – не убийца, я – твой ангел-хранитель, – он взглянул мне в глаза. – А вот те ребята убьют.

– А почему через три дня? – сморщила я лоб в недоумении.

– Потому что сделка должна состояться через три дня, им нужна картина позарез. Если они не найдут картину, то отыграются на тебе.

Я застыла от страха и выпучила глаза.

– Но причем здесь я? Я – соседка и только.

– Этого ты им не докажешь, – вздохнул Поль удрученно. – И нам стоит поскорее убраться отсюда.

– Почему?

– Потому что, они еще не искали картин в твоей квартире, а значит, скоро нагрянут.

– Ты уверен?

– Мне жаль тебя расстраивать, но ты сама увидишь потом. Они все разнесут, вплоть до вывороченной мебели и разодранных картин.

– Ты серьезно?

– Абсолютно! Так что готовься делать ремонт.

– Мне только этого не хватало.

Поль схватил листок и стал набирать номер телефона. Раздались гудки, он заговорил с отвечавшим, потом сбросил номер и снова принялся набирать другой телефон. Ему не отвечали, от чего он постоянно хмурился, и бросил это занятие, в конце концов.

– Что-то не так?

– Все хорошо, – тихо ответил он.

– Куда мы едем?

Он достал из кармана брошюру и отдал мне. Я для вида покрутила ее в руках.

– И что, там мы ее будем искать?

– Другого выхода нет. Телефон на листке – номер этой клиники.

– Я если она была там, но уже уехала? – спросила я.

– Нам другого не остается. Или у тебя есть другие идеи?

– А если я уеду по-быстрому, пока они меня не нашли?

– А я что буду делать? – поддел он.

Я пожала плечами.

– Вот именно, – заключил Поль, подводя черту под разговором.

Я еще немного помолчала и тихо произнесла.

– Зачем тебе эта картина?

Он посмотрел на меня и снова перевел глаза на дорогу.

– Я понимаю, что это – дорогая вещь, но тебе она не принадлежит. Продать ее без документов, удостоверяющих подлинность, ты не сможешь.

– Постой, – повернулся он ко мне. – Ты думаешь, что я – вор?

Я похлопала глазами. Он улыбнулся.

– Эту картину должны были продать через меня очень солидные люди. По-тихому, разумеется. И без уплаты налогов.

– То есть, ты – черный маклер?

– А вовсе не вор.

– А тот мужчина, Жан?

– Он работал у меня. Его в последний момент посвятили в детали сделки, после чего он решил смыться с картиной.

– Его жена, – поправила я.

– Как ты говоришь, – подытожил Поль. – Я о ней ни разу не слышал.

– Но сказали, что он – мертв, – все еще пытаясь дойти до правды, сказала я.

– А ты труп видела? – мягко противоречил мне Поль.

– Хочешь сказать, что все это – спектакль? – снова округлила я глаза от ужасной догадки.

– Возможно, – сказал Поль голосом, полным уверенности.

– Только я здесь причем?

– Картина точно у его жены? – тихо спросил мужчина, еще раз.

– У нее был Ренуар. Я видела, – кивнула я головой в подтверждение.

– Но ты не уверена, подлинник ли был? – тихо и уверенно произнес Поль. – Мне сдается, что здесь путаница.

– А те двое мужчин? Их нанял владелец, ведь картину надо найти, – произнесла я, читая в его глазах. – Они сказали, что Жан – мертв.

– Вот как? Все это странно, – немного поджал губы водитель. – Давай рассмотрим другой вариант: что если сам Жан нанял их, чтобы запутать всех. Если тебя будут спрашивать, ты скажешь, что он мертв, что жена уехала, что картина у нее, или что это – подделка.

– То есть, спрашивать картину будут с меня? – ужаснулась я.

– И с меня, – вздохнул Поль. – Больше не с кого.

Я вздохнула следом.

– Мы в одной лодке, – пожал он плечами, – давай помогать друг другу.

– Везет как утопленнику, – вздохнула я вслух.

– Как посмотреть, – усмехнулся Поль.

Все время пути я думала о своих делах, не следила за дорогой и додумалась до совсем плачевных вещей. Еду за город с криминальным лицом, который все больше вызывал у меня подозрение. Почему он так легко стал мне помогать? В альтруизм мне верилось с трудом, тем более, – в мужской. Недавние события моей жизни научили, что мужчины на альтруистические поступки вообще не способны. Судя по словам Поля, дела серьезные: дорогостоящая картина пропала, его обокрали собственные подчиненные, и ему же предстоит расплачиваться, а он спокойно едет и улыбается мне время от времени, как будто я – девушка его мечты. Я переживала о том, что Татьяну мы можем не встретить, хотя мне было доподлинно известно, что она там, а он и на это рассчитывать не может. И вместе с тем, нисколько не беспокоится, что взял ложный след. Еще меня интересовал вопрос, почему он поверил моим словам? Не засомневался? Что ему от меня надо? И зачем я с ним еду?

В голове не переставая крутились мысли, но при этом я так и не вылезла из машины, доехав вместе со странным попутчиком до места назначения.

Часа через три машина припарковалась у входа в современное здание. Оно было светлым, с большими окнами, вокруг разбит шикарный сад. По саду прохаживались люди, кто в халатах, кто с забинтованными лицами. Картина удивляла своей безмятежностью – место находилось в часе езды от Парижа, но впечатление было словно за много километров, в маленьком живописном городке. Витавшие тишина и спокойствие поражали. Поль вылез из машины и оглянулся.

– Та-ак, – протянул его голос. – Я надеюсь, наша Татьяна – не клиентка пластического хирурга, иначе мы ее не найдем.

Я стала крутить головой. Поль зашагал вперед, ко входу, уверенной походкой, мне ничего не оставалось, как выйти из машины и начать семенить за ним следом. Мы дошли до входа, стеклянные двери распахнулись, впуская посетителей, по гранитному полу стали раздаваться шаги, искусственный свет не резал глаз. Мы вошли внутрь, оглянулись, увидели стойку рецепции, а заодно обнаружили в холле на диване еще двоих женщин с забинтованными лицами.

– И что теперь? – спросила я с тревогой в голосе.

Поль двинул вперед, к стойке.

– Постой! – еще раз позвала я.

– Что? – удивился он моему протесту.

– Тебя просто так не пустят. И ничего не скажут, – попыталась я становить его и схватила за руку.

– Деньги всем рот открывают, бросил он в ответ, – но руку назад не забрал.

– Оглянись. Клиника элитная, тебя выведут отсюда в мгновение ока, даже остаться на территории не разрешат, – доказывала я свою правоту.

Тут Поль заметно поубавил пыл и внимательнее посмотрел на меня.

– И что ты предлагаешь? – произнес мужчина, с интересом ожидая рациональных предложений.

– Стать клиентом, – тихо ответила я.

– То есть? – брови над его глазами взлетели высоко вверх.

– Я пройду на какую-нибудь процедуру, а ты будешь ждать, – выделила я последнюю фразу особо. – Сможешь обыскать территорию и поискать Татьяну среди клиентов.

– А если здесь есть камеры слежения? – сбил меня с толку Поль.

– Здесь их как раз нет. Эта клиника гарантирует секретность пребывания, – привела я контрдоводы.

– Откуда ты все знаешь? Ты что здесь была? – завелся он.

– Я брошюру читала внимательно, – ответила я ему, тоже разозлившись.

Его ноги сначала стояли без движения, пока глаза наблюдали, как я приближаюсь к рецепции, потом развернулись и зашаркали за мной. Лоб у мужчины стал хмуриться от недовольства. Я подошла к рецепции, поздоровалась и улыбнулась. Поль, все еще недовольный, вытащил брошюру и стал сверять мои слова с написанным, потом перевел глаза на меня и стал созерцать, как я листаю книгу предлагаемых процедур.

– Надолго вы к нам? – спросила женщина у стойки.

– На сутки, – ответил Поль и стал доставать кошелек и документы.

– Вам один номер?

– Разумеется, – на этой фразе мне бы стоило обернуться к нему с возмущенным видом, но я была абсолютно уверена, что спать и даже сидеть вместе в номере мы не будем.

Поль полез за сигаретами, но женщина тут же сказала, что сигареты под запретом. Поль разозлился еще больше, от чего лоб стал еще сильнее испещряться морщинками.

– Ты выбрала?

– Массаж, – ткнула я пальцем.

Женщина забила пальцами по клавиатуре в поисках свободного времени. Поль хмурился и осматривал помещение.

– Через полчаса есть возможность, – произнесла она.

– Отлично, – произнес Поль.

Я выдохнула с облегчением.

– Ну и что будем делать? – произнес Поль, когда мы шли по коридору в номер. – До следующего утра здесь будем торчать?

– Как найдем, сразу уедем, – ответила я, нисколько не желая торчать в отеле с вором.

– А у тебя нет выбора, – вдруг произнес Поль. – Я тебя одну не оставлю, пока мы не найдем картину.

Я немного опешила, онемела не несколько секунд. Неужели у меня так явно написано на лице, что я от всего не в восторге.? Взяв себя в руки, я продолжила путь.

– Ты мне не доверяешь?

– Доверяю. Только ты – моя единственная ниточка, – был ответ мужчины.

Дверь отворилась, мы мельком заглянули на номер, и как только ушел провожающий, пошли искать ту, за которой приехали. Взяв меня за руку для вида, Поль стал бродить вдоль и поперек парка, что окружал территорию клиники. Я бегала глазами туда-сюда, разумеется, никого не узнавая, шагала с ним в ногу и помалкивала. После минут пятнадцати бесполезной ходьбы, устав от картинки, перевела глаза на спутника, и только заметила, что смотрит он не по сторонам. Глаза встретились, Поль тут же их отвел, смущенно улыбнувшись.

– Я ее здесь не вижу, – произнесла я.

– Да, ее здесь нет. Так не найдем, – вздохнул Поль.

– Что же делать? – со вздохом произнесла я.

– Прогуляемся, пока, – произнес он и, молча, стал шагать по дорожке, потянувшись к сигарете.

Через полчаса я шагала за мужчиной, провожавшим меня в массажный кабинет, где предстояло отдаться в чужие рукам. Зайдя предварительно в номер и переодевшись в халат, я шла по коридору, разглядывая таблички и высчитывая двери. На пути, к большому сожалению, мне никто не встретился, но зону, которую только подготавливали, я заметила. Белая мужская спина, как путеводная звезда, вела по коридорам, наконец, остановилась возле белой двери, которую заботливо отворили передо мной, показывая пространство.

Тело прошло внутрь, взгромоздилось на лежак, заняв вертикальное положение, и стало уныло ждать. Мысли блуждали в ином месте. Судьба улыбнулась мне не раньше, чем я прошла полный курс массажа. Поблагодарив массажиста, на выходе я снова оглянулась вокруг и двинулась по коридорам в поисках главной цели, все еще ощущая чужие руки на теле. Сначала

один коридор, затем другой, третий проскользнули мимо, как вдруг, в дверном проеме, промелькнул знакомый силуэт. Я полетела ведьмой за знакомой спиной, пока мои руки не вцепились в плечо мертвой хваткой. Татьяна охнула, и от страха растеряла все, что несла.

– Ой! – слабо доверяя глазам, произнесла она. – Ты здесь откуда?

– Надо поговорить, – вцепившись еще сильнее, я потащила ее в свободную и укромную комнату.

– Да что стряслось? – озадачено лепетала она, но следовала за мной.

После того как я плотно прикрыла дверь, усадила ее перед собой и в красках рассказала, что стряслось, Татьяна схватилась за сердце. Точнее за шикарную грудь, под которой было сердце.

– Господи! – воскликнула она. – Что же делать?

– Прежде всего, сидеть здесь и не высовываться до вечера, – ответила я.

– Угораздило же меня выйти за дебила! – еще громче вскрикнула она в отчаянии.

– Вечером Поль уснет, и ты сможешь уехать, – продолжала я.

– Но куда? – чуть ли не со слезами, продолжала женщина.

– Туда, где тебя искать не будут, – как могла, успокаивала я ее.

– Нет такого места!

Я соображала быстро.

– Слушай, есть идея. У меня есть арендованная квартира на три месяца, поживи там. Я тебе дам адрес и ключи. Назовешься мной.

– Но мы с тобой не похожи, – смутилась Татьяна.

– Меня никто никогда не видел. Соседей там нет. Неделю посидишь в той квартире, дальше посмотрим. Через три дня дело должно разрешиться, и тебя перестанут искать, – окончила я свою речь.

– Может, лучше здесь остаться? – с сомнением в голосе прошептала Татьяна.

– Здесь он тебя нашел. И другие найдут, – с горечью заключила я.

Татьяна посмотрела на меня, тяжело вздохнула и кивнула в знак согласия.

– Ладно, – еще раз в голос подтвердила она согласие. – Я согласна.

Я вздохнула и села рядом, переводя дыхание.

– А с картиной что делать будем? – вдруг не к месту произнесла она.

– Не знаю. Но я бы лучше ее отдала, – с грустью в голосе произнесла я.

– Ага, чтобы меня грохнули! Давай лучше ее подкинем этому маклеру. Пусть сам разбирается, – зашептала соседка.

– Каким образом? – удивилась я.

– В его магазин и подкинем, – пожала она плечами.

– Я не знаю, где его магазин, – был мой ответ.

– Так узнай! – резко встав и положив руки на пояс, демонстрируя тем самым приказ, сказала женщина.

– Как подкинем, по почте?

– С деталями потом разберемся, – махнула она. – Иди пока к нему, а ночью я уеду.

– Ладно. Пока, – сказала я напоследок и вышла из массажного кабинета, кутаясь в халат. – Угораздило же влипнуть!

Тихо войдя в номер по возвращении от Татьяны, закрыв за собой дверь, я застыла на пороге. Поль лежал на кровати, подперев руками голову, и смотрел в потолок.

– Что ты здесь делаешь?

Он посмотрел на меня и не встал с кровати.

– Ты же должен искать Татьяну?

– Ее здесь нет, – тихо и грустно ответил мужчина.

– Ты уверен?

– Я заглянул в базу данных. Никого с ее именем нет. Она – не клиентка.

– И что теперь?

Поль дернул бровью и вздохнул. Мне ничего не оставалось, как пройти в номер. Я подошла к окну, выглянула, пытаясь сообразить, куда выходят окна номера. Был виден все тот же парк, ворота спрятаны. Это означало, что если Татьяна будет уезжать поздно ночью на машине, у Поля не возникнет никаких подозрений. Осталось только выяснить, где находится его антикварный магазин. Почувствовав на себе взгляд, я резко обернулась и встретилась с голубыми глазами. Поль засмущался и, повернув голову, снова перевел глаза в потолок, мельком косясь в мою сторону, улыбался, пытаясь скрыть неловкость.

– Поль, – произнесла я тихим голосом.

– У-мм, – протянул он, скрестив пальцы рук на животе.

– Что теперь мы будем делать?

Он кашлянул и ответил, не поворачиваясь.

– Здесь останемся до утра, потом в Париж.

– Поедем сразу, – встрепенулась я, задергивая занавески.

– Завтра, – прозвучал ответ.

– Почему?

– Проверим еще раз за ужином, – пояснил мужчина тихим голосом.

– Какой ты умный, – я улыбнулась, притворно выражая восхищение.

Поль обернулся и посмотрел своими голубыми глазами, настолько наивными, что я заулыбалась еще больше. Было самое время облачаться в обычную одежду. Особо изощряться в выборе наряда мне не пришлось, вновь надев свое длинное черное платье из полупрозрачной ткани с подкладкой, завязав не туго бант, я вздохнула с неохотой. Рука взяла расческу, занесла над головой, зубчики впились в волосы. Усевшись на краешке ванной, я водила медленно расческой по волосам, утонув в своих мыслях. Ничего хорошего меня не ожидало. Волновали две вещи: первая – когда приедет Илья с моим чемоданом и украденным рисунком, что я буду делать, вторая – как мне встретиться с Татьяной, если Поль от меня не отойдет. В том, что он не отстанет, я убедилась окончательно. Нечаянно посмотрела в зеркало, и тут же отвела взгляд, вздрогнув от неожиданности, и только потом мои глаза поднялись ко входу. В дверном проеме стоял мужчина и уже несколько секунд внимательно наблюдал за мной. Голубые глаза впивались с явным интересом. Инстинкт подсказал, что он думает о чем-то совсем не связанном с текущими делами, я бы даже сказала, что он что-то подозревает. Помявшись немного, я встала с краешка ванной, положила расческу, опуская глаза в пол подальше от зеркала, продвинулась к выходу, чтобы покинуть место пребывания. Рука резко преградила путь. Я вздрогнула. Глаза задержались на преграде, а потом поднялись к лицу в страхе от ужасной догадки. Такую сцену я уже проходила. Поль все так же продолжал впиваться в меня глазами, но совсем по-иному, словно пытался что-то понять или прочесть.

– Почему ты не любишь смотреть на себя в зеркало? – произнес тихо он.

– ?

– Ты постоянно отворачиваешься от своего отражения, – продолжил он.

– Разве?

– Да. И не говори, что это случайность, – он настойчивее смотрел и ждал ответа. – Что, черт возьми, с тобой?

Я невольно выдохнула, успокоившись, и заговорила по-иному.

– Какая тебе разница до моих отношений с зеркалами?

– Это ненормально, – он продолжал начатое.

– Почему? – удивилась я искренне.

– Ни одна женщина не отворачивается от зеркала, – привел мужчина довод.

– Это, все равно, что утверждать, будто все мужчины любят водить машины, – парировала я на высказывание.

Он помолчал, совсем не обращая внимания на мои слова, и продолжил фразу.

– Ты, – вторая его рука дотронулась кончиками пальцев до моей щеки, – так красива, что дыхание перехватывает.

Я вздрогнула и отстранилась.

– И ты ненавидишь себя за это, – донеслось в след.

От этих слов тело вздрогнуло снова. Я обернулась, уставилась на него как завороженная. Мы оба стояли молча.

– На тебя можно смотреть бесконечно. Ты гипнотизируешь.

Снова сделал он шаг, и его пальцы стали мягко гладить мою кожу, проводя линии от скул к подбородку. Тело даже не дернулось. Глаза сами собой остановились на его губах. Я замерла, слабо осознавая свои желания. Пальцы продолжали скользить.

– Чего ты боишься?

– Ничего, – опомнившись, произнесла я, и убрала свое лицо из-под его пальцев. – Тебе показалось, – поскорее заспешила я выйти из ванной.

– Катрин, – донеслось до меня еще раз, но я уже не реагировала.

– Не говори, что все в порядке. Это не так! – снова раздался голос мужчина, последовавшего за мной.

– Конечно не в порядке. Такая история! – произнесла я тихо.

– Не сваливай все на текущие дела, – снова прекословил мне мужчина, встав за моей спиной. – Что с тобой происходит? В тебе будто жизни нет? Безвольная, покорная судьбе, жестокости. Почему ты молчишь, терпишь, помогаешь мне, принимаешь как неизбежное, почему не говоришь, что несправедливо втягивать тебя в подобные дела?!

Я прятала глаза и молчала, продолжая стоять к нему спиной.

– Откуда в тебе эта покорность? Зачем ты помогаешь мне, почему слушаешь меня? – мужчина схватил меня и оплел своими руками как кольцом.

Я лишь вздрогнула от испуга, затаив дыхание и продолжала молчать. Голова Поля прикоснулась к моим волосам.

– Ты даже не сопротивляешься, – тихо произнес он. – А ведь я могу сделать с тобой, что угодно.

Я еще раз поежилась в стальном кольце его рук, но так и не решилась произнести что-либо, что открыло бы мужчине правду.

– Катрин, – дыхание тихо коснулось моей щеки. – Я не хочу, чтобы ты шла прямиком в ад и не сопротивлялась. Я боюсь, что с тобой случится плохое. Эти люди опасны!

– А ты знаешь дорогу в рай? – тихо раздался мой голос. – Мой ангел-хранитель.

Поль улыбнулся и позволил себе прижаться еще ближе, коснувшись щекой моей щеки.

– Если останешься, я обещаю тебя оберегать, – произнес тихо его голос. – Но прошу, хватит жертвовать собой. Самоубийству господь не учил!

– Он учил терпению и смирению, – тихо произнесла я. – Это лишь малая толика его заповедей.

– В нашем жестоком мире, похожем на разлагающийся имперский Рим, где важны только собственные эгоистические цели, деньги, которые дают власть, нельзя вести себя как фанатичная христианка, соблюдая до буквы все заповеди. Таких христиан в первые века уничтожали бес сожалений!

– Как католик может такое говорить?!

– Мы – не фанаты глупости, – произнес Поль. – Зачем этот бессмысленный риск во имя спасения души?

– Разве ты не хочешь спасти душу? Тело не вечно, и жизнь на этой земле не вечна.

– Но не стоит рано уходить в мир иной по собственной неосторожности!

– Но я не преднамеренно рискую. Так сложились обстоятельства. Возможно, сам Бог ведет меня.

– Он привел тебя ко мне, – улыбнулся Поль. – Я за это его благодарю и обещаю о тебе позаботиться, но прошу, не будь слишком безвольной, податливой. Бог дал нам не только душу, чтобы быть единым с ним, творить, подобно ему, но и разум, чтобы принимать решения, разделять черное и белое, совершать поступки и брать на себя ответственность за них.

– Мы не сопротивляемся тому, что преподносит судьба. Стараемся справиться с проблемами, не роптать, а просить у Бога помощи.

– Мы сопротивляемся, протестуем, стремимся изменить то, что не нравится, с чем не согласны! – произнес голос мужчины. – Мы делаем выбор. Ты должна научиться этому!

– Для чего? Чтобы в мире стало еще больше хаоса?

– Чтобы понять всю сложность человеческой жизни, хаотичность социума, перестать быть жертвой обстоятельств.

– Не всегда обстоятельства бывают только плохими или хорошими. Обстоятельства могут что-то ухудшить в твоей жизни, и в тоже самое время, что-то улучшить. Забирают одно, дарят иное.

– Ты так думаешь? – улыбнулся мужчина.

– Надо лишь внимательнее присмотреться. Есть такая поговорка: не было бы счастья, да несчастье помогло, – на мои слова Поль снова улыбнулся.

Просидев в номере до вечера, мы спустились вниз в ресторан. Мы выбрали столик с прекрасным обзором. Поль то и дело бегал глазами по публике, заполнявшей ресторан, хмурил лоб и молчал. Меня созерцание перебинтованных женщин мало интересовало, я уткнулась в меню и стала читать каждую строчку. Есть совсем не хотелось. Пролистав пару раз вперед и назад страницы, вздрогнув, я подняла глаза. Голубые глаза смотрели на меня, а не на зал. Поль опять засмущавшись, чуть потупил взор, а потом уставился на меня более уверенно. Я улыбалась, сама не знаю от чего, скорее всего из-за того, что мне нравилось внимание мужчины.

– Если ты будешь смотреть на меня, то ее не найдешь, – снова опуская глаза в меню, произнесла я.

Он тоже улыбался, закрывая рот кулаком, и снова уставился уже гораздо увереннее.

– Выбрала?

– Мне не хочется ничего.

– Совсем? – удивился он, забирая у меня меню.

Я стала бегать по залу глазами, откинувшись на спинку стула, вместо него. Поль сделал заказ, уткнулся в тарелку с едой, после того, как его принесли. Ел с аппетитом. Удивительно, но проблемы на его способность поглощать еду с удовольствием никак не сказывались, в отличии от меня. В моей голове только и было мыслей, что о том, где сейчас Татьяна, и как долго я смогу удерживать Поля вдали от нее. А самое главное – где же картина, которую все ищут? Если предположить, что ее забрала Татьяна, то где она оставила все свои пожитки? Как бы это проверить? Опомнилась я только, когда руки Поля оставили нож и вилку и отодвинули тарелку.

– Я же сказал – ее здесь нет.

– А что будет, если мы так ее и не найдем?

– Кого?

– Картину, конечно.

Поль невесело вздохнул.

– Картину надо найти. Так или иначе, о ней просто так не забудут. Если сделка сорвется, то люди потеряют очень большие деньги. Мне все это сильно подпортит репутацию. Ну а тебя живьем съедят.

– Почему достается всегда невиновным? – вздохнула я и посмотрела невинным взглядом.

Поль не сдержался, улыбнулся и коснулся рукой моей щеки. Проведя пару раз пальцем, в его голове начали крутиться мысли, которые я угадывала без труда, и совсем не связанные с нашими общими делами. Потом его рука снова вернулась к его лицу и закрыла кулаком рот, а глаза все так же бегали по мне.

– А ты давно занимаешься маклерством?

– Меня приобщили к этому лет в семнадцать.

– Так рано?

– У меня сложная жизнь, – вдруг тихо начал он. – Мой, так называемый крестный, на самом деле был любовником моей матери на протяжении многих лет, – очень высокопоставленная фигура в парижском деловом мире – Валери Эрво, владелец частного банка. Он устроил меня на эту работу, познакомил с нужными людьми. Только сделки у него, как и у них, далеко не всегда честные, – подчеркнули последнее слово губы с четким контуром.

– Ты согласился?

– Не куда было деваться. Отец, очень хороший, но к сожалению, не обладает достаточным состоянием и связями. К тому же, всегда был у матери под каблуком. Деньги пришлось зарабатывать самому.

– А родители знают?

– Отец не знает. Мать, может и догадывается. Я мало рассказываю им о своей работе, они видят только обложку.

Не знаю почему, но мне ужасно захотелось обнять его и пожалеть. Я чувствовала неодолимое желание разделить с ним его проблемы и тяготы жизни, хотя бы объятиями и ласковым словом облегчить их. Я всегда думала, что у меня сложная жизнь, но в последнее время, все больше убеждалась в том, что я то, как раз, жила в раю. Правда, не в последнюю неделю.

– А ты, серьезно, хочешь реализовать себя в живописи? – тихо спросил он.

Я пожала плечами.

– По правде говоря, моей мечтой был Париж. Мне не хочется отсюда уезжать, – тихо сказала я, опуская глаза, – даже в свете сегодняшних событий.

– Так оставайся, – улыбнулся он и рукой дотронулся до щеки.

– Без жилья и работы? – невесело спросила я.

– У тебя же есть квартира.

– Она не моя, – тихо ответила я, – и скоро ее придется покинуть.

– Твой родственник не позволит тебе остаться подольше?

– Он… – протянула я, отвернувшись в сторону, чтобы скрыть лицо, потом погладила себя рукой по шее, и повернулась обратно уже со слезой на щеке, умело смахивая ее, – квартира подготовлена для продажи. Я живу в ней до его возвращения, скоро у квартиры появится хозяин, заберет ее.

Поль нахмурил лоб от удивления, глядя как я вытираю со щеки вторую слезу, потом третью.

– Прости, – встала я из-за стола, – я пойду.

И ноги быстро заспешили вон из ресторана, чтобы доиграть спектакль до конца. Поль замешкался, потом заспешил следом, но меня уже и след простыл. Я быстро бежала вниз, к массажным кабинетам, чтобы встретить ту, с которой следовало поговорить еще раз. Я побродила недолго и вышла на улицу. Было совсем темно и очень похолодало, не смотря на то, что было только самое начало октября. Пару раз шмыгнув носом, я прошлась вдоль аллеи, пару тройку раз свернув на дорожках, присела на лавочке.

Небо было сине-черное, с белыми разводами облаков, словно забеленное тонкой струйкой сливок, только начавших смешиваться с темнотой причудливым кругообразным и волнистым рисунком. Луна, болезненно желтая, светила на небе полушкой. Горечь от картины, как и горечь от проблем были так похожи, что невольно я ёжилась от страха перед будущим. Нет

ничего более печального, чем осознание полного краха своих надежд. Хоть и говорят, что завтрашний день приносит облегчение, я предчувствовала, что предстоят еще более трагические события. Неизбежно приближающиеся из-за того, что я уже иду путем, который ведет к ним, никуда не сворачивая, на полном ходу, понимаю, но ничего не делаю, чтобы это переломить, потому как, не знаю, что вообще можно сделать. По велению одного человека, я приехала в Париж, по просьбе другого человека, помогла и впуталась в историю, по желанию третьего – сижу здесь безо всякого смысла, и понимаю, что мою голову это не спасет. За спиной что-то зашевелилось. Поль присел рядом и взглянул на небо.

– Холодно уже для ночных прогулок.

Я шмыгнула носом.

– Заболеешь, если будешь так ходить.

Я с грустью посмотрела на свою одежду и с тоской подумала о чемодане.

– Я хотел позвонить на сотовый, чтобы узнать, где ты, но понял, что не знаю твоего телефона.

– От него никакой пользы.

– Почему?

– Он давно разряжен.

Поль снова мило избороздил лоб морщинами.

– Я зарядное устройство потеряла, – шмыгнула я опять носом.

– Можно купить новое.

– Я собиралась. Только потом начались более серьезные дела, и мне было не до того.

Я повернула голову и замерла. Моя рука резко схватила руку Поля.

– Ты что? – опешил он.

– Смотри, – палец другой руки указал в другую сторону, – это они.

– Кто?

– Те двое, – замерев и глядя во все глаза, как двое мужчин идут по парку, произносила я.

– Те двое, – тихо сказал Поль и потянул меня за руку.

Я не помню как приподнялась и следом за Полем юркнула в кусты около лавочки. Все произошло мгновенно.

– Ну и где они? – произнес один мужчина.

– А я знаю? – был ответ второго.

– Ты же сказал, что они здесь! – прозвучала в воздухе претензия первого.

– Ну, сказал, – фыркнул второй мужчина.

– И где они? В кустах? – сильнее раздражался первый мужчина.

– Не хочешь, сам ищи! – ответили ему резко.

И как по закону подлости два тела уселись прямо на скамейку, где только что сидели мы. От страха я еще более жадно вцепилась в Поля, уткнувшись в грудь и позволяя руке покрепче обнять себя.

– От этих баб одни проблемы. То картину умыкнула, то сама сбежала! Ищи теперь ее!

– Привязывать лучше надо было!

– Хорошо я ее привязал. Если бы ей не помогли, сидела бы и ждала нас как миленькая.

– Ладно. Комнаты мы обойдем, только успеем ли за ночь?

– Сколько их?

– Семнадцать.

Кто-то посмотрел на часы.

– Пора бы уже им вернуться.

– Ну ладно. Пойдем. Может и правда, уже кто-то вернулся.

Я сидела как мышка за кустами, боялась вздохнуть. Руки вцепились в мужскую руки мертвой хваткой. Ухо услышало отдаляющиеся шаги, и только после нескольких минут я реши-

лась обернуться и посмотреть в сторону дорожек. Вдалеке, еле различимые в темноте, спины двух мужчин отдалялись в направлении здания. Я повернула голову, чтобы взглянуть в голубые глаза, и от страха забыла, что хотела спросить. Лицо мужчины, в которого я вцепилась мертвой хваткой, было так близко, что теплое дыхание касалось моих щек. Глаза, круглые как блюдца, с трепетом смотрели на него, но вместо ответа на молчаливый вопрос о нашей дальнейшей судьбе, чужая рука крепче обняла меня.

– Что теперь делать? – едва слышно произнес мой голос.

– Не знаю, – пожал плечами Поль.

Пауза повисла еще на несколько секунд. Мы молчали, глядя друг на друга. Поль, наконец, зашевелился и привстал с корточек. Потом его рука зависла надо мной. Я обвела глазами, вложила свою ладонь в его руку и встала.

– Мы ведь не пойдем назад? – тихо произнес женский голос.

– Думаю, что нет, – тихо ответил мужской голос.

Мы синхронно обернулись и с тоской посмотрели на вход в здание, где ждала теплая кровать и горячая ванна. От этого стало еще холоднее. Я обхватила себя руками и мимоходом взглянула на Поля. Тот уже доставал из кармана пачку сигарет. Потряс ею, вложил одну в рот, достал зажигалку и закурил. Его глаза снова с тоской посмотрели на здание и, сделав глубокий затяг, он выдохнул пар, только после выхода закрутил головой.

– Пойдем что ли на стоянку, – вяло произнес Поль. – В машине посидим.

– Всю ночь? – не выдержала я и чуть не захныкала.

– Другого выхода я не вижу, – пожал он плечами и двинулся в нужную сторону.

Постояв немного и подумав, я пошла за ним. Шли мы медленно, постоянно озираясь. Мне хотелось плакать по-детски. Оказалось, идти по темным аллеям и тускло освещенным тропкам, опасаясь бандитов и перелома ног, не так страшно, как находиться поздно ночью на автомобильной стоянке. Место и так не самое приятное для посещения, а в свете событий, еще сильнее давило на психику. Как только мы приблизились к воротам, раздался шум. От страха я похолодела всем телом и вцепилась в чужую руку. Поль повернулся в мою сторону и улыбнулся.

– Я только дверь открою, – тихо сказал он.

– Что? – продолжая озираться, произнесла я.

– Руку отпусти, – тихо произнес его голос.

Я покосилась на свою руку, как тиски зажимавшую его, и покраснела.

– Извини, – расцепляя пальцы, произнесла я.

Он снова улыбнулся. Раздались шорохи, в полутьме я увидела, как спина в кожаной куртке медленно опустилась и зависла на уровне замка. Поль как всегда хмурил лоб, сидя на корточках и разглядывая электронный замок, медленно выпускал дым, докуривая сигарету. Она торчала во рту, мигая в ночи ярким огоньком. Пальцы рук начали проворно ковыряться в приборе, вытаскивали проводочки, оголяли их.

– Аккуратнее, – в ужасе говорила я, наблюдая за тем, как он оголяет провода.

Хоть руки и были в перчатках, опасность удара существовала. Поль скрутил вместе два оголенных провода и поднес их к сигарете. Железо кое как поддалось нагреву, конечно, не абсолютной плавке, но этого маневра хватило, чтобы вызвать замыкание. Система дала сбой. Это стало понятно по тому, как усмехнулся Поль. Он вытащил сигарету изо рта и потушил ее, затем снова присел на корточки возле двери и потянул вверх. Двери поддались, открыв нам доступ к машине, словно пещера Алладина с сокровищами.

– Идем, – обернулся Поль в мою сторону.

Пришлось податься вперед. Подойдя к входу, я с опаской заглянула во внутрь огромного черного пространства, ничего приятного в том, чтобы находиться в огромном пустом помеще-

нии с незнакомым домушником я не видела. Взглянув на него еще раз, и не найдя подтверждения в душе, что ему хоть сколько-нибудь можно доверять, я шагнула за ним в темноту.

– И зачем я за ним тащусь? – опять подумалось мне, от чего я не сдержала вздох.

Мы прошли вперед метров десять, Поль освещал путь телефоном, я же удивлялась, как он может что-то разглядеть в такой темноте, и с опаской шла за ним. Черное пространство рождало в душе неприятные ощущения. Слабый огонек фонарика – единственный ориентир и возможность хоть что-то разглядеть, меня совсем не успокаивал. Я так пропиталась страхом, что начала представлять в голове не весть что: как те двое выскакивают из темноты, хватают меня и убивают, или сам Поль неожиданно гасит фонарик, хватает и начинает душить. В такой темноте не поймешь даже, кто и откуда выскочит. Я до того дофантазировалась, что стала замедлять шаг, пытаясь отдалиться от Поля, на случай если он решит меня убить. Место убийства было самым подходящим. Я сделала еще пару шагов вперед, как увидела замерший свет телефона.

– Ну точно, – подумала я, затаив дыхание. – Он собрался меня убить. Встал в позицию и ждет удобного момента, чтобы наброситься.

Тут свет резко ослепил глаза. Я сморщилась и прикрыла глаза рукой. Несколько секунд спустя, уже свободно созерцала картину, я начала приходить в себя. Метрах в трех от меня стояла машина с включенными фарами. В ней сидел Поль, наклонившись вниз к полу, что-то искал, что именно, мне с моего места было не разглядеть, потому я двинулась вперед. Сделав пару шагов, я подошла к двери.

– Садись назад, – сказал голос.

Голова Поля зависала внизу. Меня все это настораживало, но я протянула руку и открыла себе дверь. Поль изменил позу, а его кресло стало отодвигаться назад, принимая не до конца горизонтальное положение. Как только я хлопнула дверью со своей стороны, Поль приподнялся повыше и вытащил ключи из замка зажигания. Фары мгновенно погасли. Мы остались в полной темноте, лишь только вдали зияли открытые ворота, через которые проникал свет, давая возможность хоть смутно видеть очертания предметов и соседа рядом. Я сидела, наблюдая, как Поль старается примоститься поудобнее на импровизированной кровати. Он то и дело переворачивался с одной стороны на другую, пытаясь удобно расположить свое уставшее тело.

– Ложись, – тихо произнес он, посмотрев на меня снизу вверх. – Лучше отдохнуть. Кто знает, что завтра будет.

– А вдруг они, не найдя нас, придут сюда ночью и захотят уехать по-тихому?

– Я на это и рассчитываю, – тихо произнесло лицо с закрытыми глазами. – Когда они здесь появятся, мы сможем проследить за ними и понять, откуда ноги растут, – его глаза снова открылись и посмотрели на меня. – А если ты не примешь горизонтальное положение, то они заметят тебя гораздо раньше, чем ты их. План насмарку.

Мне немного повеселело, после его слов часть страхов ушла. Я стянула с себя туфли, расстегнула пиджак, сложила в четверо и подложила под голову вместо подушки, укладываясь спать. Мы пролежали несколько минут в молчании.

– Не холодно? – неожиданно произнес голос.

Поль так и лежал с закрытыми глазами, лицо его было устремлено вверх, так что в темноте отчетливо виднелся профиль. Я тихо лежала на своем месте, не закрывая глаз, и украдкой поглядывала на него. Мужчина лежал тихо, скрестив руки, чтобы было теплее. Грудь монотонно поднималась и опускалась. Я все смотрела и не понимала, что не так. На домушника, как я и заметила раньше, он совсем не походил, однако обладал явными криминальными навыками. Если он антиквар, то в живописи разбирается не хуже меня. Может, спросить его еще и про мой рисунок? Хотя, это очень опасно, пока не узнаю о нем больше, не стоит открывать все карты.

– Ты что не спишь? – тихо произнес голос.

– Не спится, – ответила я.

Снова повисла тишина.

– А ты откуда так хорошо в искусстве разбираешься? – вдруг произнес он.

– О чем ты?

– О том, что на глаз можешь определить, чьей кисти картина.

– Я художественную школу закончила, – тихо ответила я.

– Ну и? Ты же художник, – посмотрел он на меня, избороздив лоб.

– Не совсем.

– То есть?

– Ну, меня там не только кисти выбирать и правильно наносить краски на холст учили, – ответила я. – У меня специальность – социология искусства.

Тут голова Поля приподнялась, чтобы еще раз, получше, взглянуть на меня.

– Что? – тихо произнесла я.

Он помотал головой в ответ.

– То есть ты представляешь, сколько стоит такая картина, – монотонно произнес он.

– Миллионов шесть, возможно восемь, если найти того, кому она очень нужна.

Поль еще раз посмотрел на меня с положения лежа, и привстал, окончательно прогоняя сон.

– Как давно ты с эти связана? – вдруг переменился его голос, став жестким.

– Ты о чем?

– Не притворяйся, – еще более резко произнес он.

Я от непонимания и желания во всем разобраться, сама встала и уставилась на него.

– Значит, и там ты оказалась не просто так, – еще более давяще произнес он.

– Ты о чем? Я не понимаю.

– Я думал, ты просто… а ты.

Я только хмурила лоб от удивления.

– И кому ты хочешь его продать?

Я лишь расширила глаза. Мне казалось, что Поль спятил. Что я могу продать? Кому я вообще могла что-то продавать? И почему мое образование наталкивает его на такие мысли?

– Кому и что я могу продать?

– Отдай мне его по-хорошему, – произнес Поль, чем еще больше вызвал мое удивление.

– Картина не у меня, ты забыл? – тихо произнесла я.

– Я ничего не забыл, только твоя биография становится все более интересной. Ты просто кладезь сюрпризов.

– Это ты – кладезь сюрпризов со своими навыками домушника и черным маклерством. Я такими вещами не занимаюсь.

– Зачем же ты его забрала, в таком случае?

Я с трудом уловила смысл вопроса, и тем более не смогла определить, ошибся Поль с родом употребленного местоимения или нет. Он все еще настойчиво смотрел на меня. Я хмурила лоб в ответ, как неожиданно звуки шагов заполнили пространство. Мы резко обернулись в сторону входа, и так же резко спрятались. Шаги стали громче. Потом послышались голоса. Я лежала как мышка, боялась вздохнуть, только глаза уткнулись в глаза Поля и ждали хоть какого-то пояснения, что делать дальше. Он также смирно лежал, прислушиваясь к звукам, и также не отрывал взгляда от моих глаз. Мужчины что-то говорили друг другу. Звуки, раскатываясь по пространству, разбивались и растворялись в воздухе, так что вычленить слова из шумовой массы становилось невозможным. После того, как донесся звук хлопающих дверей, мои глаза округлились. То был молчаливый способ задать вопрос Полю. Он ответил на него тем, что протянул руку и сжал ладонью мою кисть. Я снова замолчала. Ненадолго все стихло.

Пролежав минут пять, так и не услышав шум мотора, нам стало ясно, что мужчины выбрали ту же тактику, что и мы. Делать им было нечего. Сидеть они намеревались до победного конца, пока мы не придем к своему авто. Выйти из засады стало невозможным.

– Попали, – тихо произнес Поль.

Глава 3

Когда секундная стрелка уже во второй раз обогнула циферблат, а тело затекло так, что стало непонятно, где ноги, где руки, я решилась пошевелиться. Чуть привстав, придерживаясь за кресло, я приняла вертикальное положение и чуть не застонала от боли.

– Куда ты собралась? – тихо произнес сосед, на лице отразились явные признаки боли в спине, от чего лицо его выглядело плаксивым.

– Поменять местоположение, – тихо ответила я. Неожиданно, даже для себя, замерла.

Глаза выхватили в темноте крадущийся силуэт. Я присмотрелась внимательнее. Женщина на цыпочках, оглядываясь по сторонам, пробиралась по темной автостоянке к своей машине.

– О Боже! – подумала я.

И как раз в этот момент из машины недалеко от нас выскочили двое мужчин. Они стремглав бросились к женщине. Та, пытаясь разобрать, что происходит, вглядывалась во мглу, и как только заметила мужчин, ринулась к двери. Она истошно закричала, отбросила сумку, что прижимала к груди, и кинулась от них что было сил. Мужчины быстро настигли, схватили жертву и стали угрожать в голос. Она верещала. Один из нападавших занес руку и ударил ее по лицу.

– Попалась! – истошно выкрикнул один из них.

– Что они делают? – в ужасе Поль подскочил на кресле.

– Это она, – замогильным голосом произнесла я.

Поль резко обернулся на меня.

– Они ее сейчас убьют, – так же замогильным голосом произнесла я.

– На вряд ли, – произнес он, – пока не узнают, где картина.

– Ее спасать надо! – все той же замогильной интонацией произнесла я.

– С ума сошла! – крикнул он в момент, когда я рвалась вон из машины.

Дверь за спиной моментально открывала, Поль хватал обоими руками мои руки, талию, подол платья – любым способом стараясь удержать на месте.

– Поль! – протестовала я шипением.

– Не ходи туда! – настойчиво произносил он, пытаясь рассмотреть, что происходит на стоянке вдалеке.

Крики разносились по всему гаражу до жути отчаянные.

– Катрин, нет! – бесчеловечно повторял Поль.

Я вырвалась вопреки его наставлениям и побежала вперед. Машина резко завелась, фары вспыхнули. Я понеслась к Татьяне, которая очумело смотрела в сторону яркого света в крепких объятьях двоих мужчин. Они так же ошеломленно смотрели на машину. Поль тронулся с места. Свет выхватил меня из тьмы.

– Смотри, – крикнул мужчина, – это – она, – палец завис в воздухе.

– А это, тогда, кто? – оба уставились на Татьяну.

– Отпустите, – завыла Татьяна не хуже собаки.

Оба разжали руки. Их глаза бегали с женщины на женщину, пытаясь определить, где мираж.

– Лови ее, что стоишь, – крикнул второй и снова крепко сжал старую добычу.

Другой мужчина разжал руки и резко рванул в мою сторону. Я развернулась и побежала обратно, во тьму. Мужчина нагонял. Погоня становилась отчаянной. Я петляла от машины к машине, спасал маленький рост и хрупкое телосложение – в отличии от мужчины, петлять, разворачиваться, проскальзывать мне было значительно удобнее.

Поль в это время нажал на газ и повел машину прямо на второго мужчину, с добычей в руках. Мужчина крепче сжимал девушку, щурил глаза и до последнего не верил, что на него

наедут. Не тут то было. Бежать ему было некуда, кроме как к входной двери, чтобы спасти свою жизнь. Дело нескольких секунд. Мужчина еще раз прищурился, от того, что свет слепил его, и бросил свою добычу, еле успев отскочить в сторону открытой двери. Женщина упала прямо под колеса. Тормоза резко скрипнули. А меня все-таки схватили за шиворот.

Дверь распахнулась. Ноги мужчины быстро ступили на асфальт. Свет слепил жертве глаза, от чего она еле постанывала под колесами. Голова лежала прямо на асфальте, рука была рядом с колесом, ноги в синяках. Молодая женщина приподняла голову, чтобы осмотреться, мужчина завис над ней; быстро схватил, поднял и потащил. Татьяна смогла только застонать. Дверь резко захлопнулась, а тело устало повалилось на заднее сидение.

– Попалась голубка! – закричали мне над самым ухом.

Я испугалась и стала царапать ногтями чужие руки, чтобы освободиться.

– Теперь не убежишь, – крикнул мужчина, довольный самим собой, как что-то его ударило прямо по голове. Он покачнулся и свалился как мешок к ногам Поля. Я обернулась и сама округлила глаза. Поль резко схватил меня за руку, не дав опомниться, потащил к двери своей машины, оказавшейся совсем близко.

– Садись, быстро! – процедил сквозь зубы, закидывая лопату в багажник, и краем глаза наблюдая, как к машине приближается второй мужчина.

Я резко захлопнула дверь и уставилась в переднее стекло. Татьяна вцепилась ногтями в обивку сидения водителя и начала молиться в слух. Дверь со стороны водителя резко открылась, потом закрылась с шумом. В этот момент маленький турок уже во всю пытался открыть дверь с моей стороны. Машина рванула, а турок все еще пытался уцепиться за ручку. Автомобиль выскочил из гаража на полной скорости и помчался к воротам.

Машина понеслась вдоль аллеи, выехала из ворот и покатила вдоль по дороге.

– Чокнутая! – Поль бил руками по рулю, не переставая повторять это слова, адресуя его лично мне.

Я молчала, пытаясь дать ему остыть.

– Сумасшедшая! Чокнутая!

– Откуда ты лопату взял? – подала я голос.

Поль повернулся в мою сторону. Я хлопнула пару раз глазами, и он остыл.

– В багажнике лежала, – произнес он. – Ты – сумасшедшая! Разве можно так!

Я пожала плечами.

– Ой! – завопила, наконец, Татьяна. – Что теперь со мной будет? – слезы покатились с ее щек.

– Ой! – закатил он глаза. – Только не реви!

Я посмотрела на Татьяну и тоже заревела за компанию. Рев разлился по машине.

– Тихо! – взвыл водитель. – Да хватит вам реветь!

Мы хлюпали носами и вытирали истошно слезы.

– Не ревите, говорю! Я что-нибудь придумаю.

Мы дружно посмотрели на Поля с благоговенной надеждой в глазах и подсели поближе к нему. Сверху Богу было видно, как машина неслась по шоссе обратно в Париж.

Фары блеснули и погасли. Открылось три двери автомобиля, остановленного в темном переулке на одной из парижских улиц. Шестеро ног ступили на темный, почти черный асфальт и заспешили к белой двери дома. Та скрипнула, открылась. Раздался шум, топот шагов по лестнице.

Три пары ног зашли в квартиру и только после того, как захлопнулась дверь, остановились. Трое вошедших почувствовали себя в безопасности и в унисон вздохнули. Поль кинул ключи и стянул обувь. Мы переглянулись с Татьяной и повторили тоже самое. мужчина прошел в квартиру, мы пошли следом за ним.

– А кто здесь живет? – спросила Татьяна.

– Я, – ответил голос, стоя к нам спиной.

– Везет тебе с мужиками, – тихо сказала она по-русски.

– Таня, – с укором произнесла я.

– А что? Этот тоже при деньгах, как и тот, – пожала она плечами.

– Таня, – снова произнесла я, пытаясь отмахнуться от ее выводов.

– Правда, этот помоложе и посмазливее, и француз… – не успела окончить она фразу, как была перебита Полем.

– Ну, рассказывайте, – произнес мужской голос громко, услышав который мы встали по стройке смирно.

Поль уселся на свой бледно-розовый диван, идеально смотревшийся в двойной гостиной светло-серого цвета. Деление на две зоны делало ее уютной, позволяло сидеть либо у камина, либо на диване за столиком. Лепнина на стенах, на потолке, французские окна закрыты занавесками серого цвета с золотой каймой по низу. Камин светло-серого гранита с большим зеркалом в золотой раме идеально сочетались со всем интерьером.

Я снова начала пересказывать историю нашего знакомства с Татьяной строго по первому сценарию. Татьяна слушала, кивала головой и подтверждала каждое предложение, потом начала придумывать сама.

– Поль, я клянусь, ничего не знаю! Этот идиот выгнал меня из дома без вещей. Я только успела тайком, по-быстрому, собрать свои вещи, да ноги унести! Я ничего чужого не брала, клянусь! Если та картина – подлинник, я тебе все отдам! Я же не знала! Чтоб этому барану пусто было! – Татьяна бегала туда-сюда, прижимала руки и смотрела на Поля кристально честными глазами. – Каких людей подставил! Ну, баран, ну ей богу, баран!

– Так где картина? – выкурив уже третью сигарету, произнес наконец мужчина.

– Где? Там и оставила – в клинике.

Поль посмотрел своими голубыми и усталыми от ночного бодрствования глазами, потом перевел взгляд на меня, переместившуюся к окну. Я пожала плечами, приоткрыла окно, чтобы проветрить накуренную комнату, и снова повернулась к ним.

– У меня там свой кабинет и кладовая. Никто не найдет.

– Уверена?

– Ну, если завтра съездим, то сможем забрать, – пожала она плечами.

– Да завтра там все кому не лень будут картину искать!

– Ну, не с собой же было мне ее тащить ночью?

– А куда ты вообще ночью собралась? – вдруг спросил он.

Татьяна застыла на месте. Ответ ей на ум не приходил.

– Поль, ну что ты спрашиваешь странные вещи, – начала я врать за Татьяну. – Ты же не маленький, должен понимать, – Татьяна смотрела на меня, сама не понимая, о чем я.

Поль тоже перевел голубые глаза на меня.

– Я не понимаю, куда ей понадобилось идти ночью?

– На свидание, – произнесла я.

Поль замялся и взглянул на Татьяну. Та уже опустила глаза в пол, начиная строить из себя кающуюся грешницу.

– На свидание? Она же только что от мужа ушла, точнее он ее выгнал? – повысил голос мужчина.

– А ты думаешь, он просто так ее выгнал? – пожала я плечами.

Поль снова посмотрел на Татьяну, потом посмотрел на меня, потом вздохнул и закатил глаза.

– Ой! Угораздило же меня. Потерял картину, стоимостью в несколько миллионов, да еще вы вдвоем мне на голову свалились. Если мы ее не достанем, то меня убьют, – серьезно прозвучал его голос, – а вас убьют еще быстрее.

– Ну, ты же что-нибудь придумаешь? – быстро подсев к нему на диван, произнесла я.

Глаза заглянули в его голубые и по-детски наивным, нежным взглядом. – Ты обещал.

– А мы тебе поможем, – быстро ухватив игру, Татьяна подсела с другого бока, и так же заглянула ему в глаза, как только он повернулся в ее сторону.

Поль посидел немного, почесал затылок и встал.

– Спать пора.

Мы обе уставились на него как ручные крыски, хлопая глазами и слушая команды.

– Пошли, – кивнул он.

Татьяна и я, схватившись друг за друга, заспешили по коридору, то и дело переглядываясь, дошли до двери, остановились. Поль протянул руку и открыл ее.

– Проходи, – кивнул он Татьяне.

Та еще раз посмотрела на меня и пошла внутрь. Дверь захлопнулась. Поль двинулся дальше по коридору, я зашагала за ним. Дверь, такая же, как и предыдущая, открылась от толчка его руки.

– Я здесь буду спать? – решила улыбнуться я, чтобы разрядить обстановку.

– Да, – произнес он тихо.

Я вошла внутрь и огляделась. На гостевую спальню комната не тянула: было слишком много вещей, мужские вещи висели по разным местам, занавески и подушки находились не в аккуратном состоянии. Я прошла и открыла дверь ванной. На глаза сразу же попалась зубная щетка, одиноко стоявшая на полке, мужская бритва, парочка шампуней, вдалеке висел халат.

– А чья это спальня? – выходя из ванной, спросила я.

Поль прибирал разбросанные вещи, запихивая их в шкаф.

– Моя, – тихо раздался его голос.

– А ты где будешь спать? – удивляясь, произнесла я и присела на кровать.

– Здесь, – ответил он.

Я оторопела.

– Может, я лучше в другой спальне лягу? – тихо произнесла я.

– Нет. Я не хочу, чтобы вы ночью сговорились и сбежали, оставив меня.

Он сел рядом на кровать и стянул с себя свитер.

– Приставать не буду, – тихо произнес он.

Я поверила в его слова сразу, потому что сама валилась с ног от усталости, ни как иначе о постели, чем как о месте отдыха и сна, думать была не в состоянии. Поль быстро умылся, натянул штаны от пижамы и лег в постель. Я пошла после него, приняла душ, переоделась в рубашку от его пижамы и легла рядом. Не смотря на усталость, мы пролежали еще минут пятнадцать спиною друг к другу, пытаясь заснуть, потом я подалась и перевернулась на спину, уставив глаза в потолок. Поль подождал еще немного и тоже повернулся.

– Что не спишь? – его голова повернулась в мою сторону.

– Думаю, – тихо ответила я.

– О чем?

– А если она сбежит, оставив нас?

– У меня останешься ты, – чуть улыбнувшись, произнес мужской голос.

– Как заложница? – я посмотрела на мужчину, который, как ни странно, совсем не пугал меня в темноте комнаты.

Поль еще шире улыбнулся.

– Надеюсь, у меня за это время не разовьется стокгольмский синдром, – произнесла я тихо.

– Надеюсь, что разовьется, – улыбнулся он в ответ.

Я опять перевела глаза в потолок и стала побивать пальцами по одеялу.

– Думаю, после сегодняшней ночи, я, как порядочный человек, просто обязан буду на тебе жениться.

Я заулыбалась, хотя хотела оставаться серьезной, и чтобы хоть как то вспомнить о проблемах, перевернулась на бок, спиной к нему.

– Вот еще! – произнесла я.

Он заулыбался.

– Спокойной ночи, – произнесла напоследок.

– Спокойной ночи.

Ночь и правда прошла спокойно. Я так сладко не спала уже год. Оказалось, что Поль любит спать ничуть не меньше. Проспав часов до одиннадцати, мы как можно дольше растягивали сладостную негу, переворачивались с боку на бок, пока Татьяна не появилась на пороге.

– Эй, сони! Вставайте! – громогласно произнесла она, показавшись в дверях. – Завтрак давно готов. Дела пора делать.

Мы с Полем оба привстали, сонно потирая глаза, синхронно вздохнули и стали вылезать из кровати. Умывшись и облачившись в свою одежду, я, напоследок, стала причесывать волосы, а заодно, обдумывать ситуацию. Потом пошла в столовую, где Татьяна кормила Поля завтраком. Мне определенно нравилась квартира Поля. Помимо уютной гостиной, двух спален, кабинета, у него еще была чарующая столовая, просторная, с выходом на балкон. Здесь размещались летний столик и кресла темного плетения. Окна южной стороны выходили во двор, просторный, с большими деревьями, что давало много света, с одной стороны, а с другой, берегло от любопытных глаз соседей и хозяйскую спальню, и кабинет, и гостиную. Северной – окна тоже смотрели во двор, только очень маленький, и большей частью пейзажем становились соседние дома и крыша малоэтажного дома, благодаря низости которой открывалась панорама на город. Я представила, как должно быть хорошо завтракать летом на этом балконе, или вечером, сидеть и наслаждаться видом.

– Давай, садись, – произнесла Татьяна, пытаясь оторвать меня от грез.

Поль уже сидел и жевал блины с джемом. Татьяна приземлилась рядом со мной на стул и стала накладывать себе блины в тарелку.

– Ну, что будем делать? – бодро произнесла она.

Я сунула ложку с йогуртом в рот и посмотрела на Поля, тот пригорюнившись посмотрел на меня. Татьяна смотрела на нас обоих и ерзала на стуле.

– А любовник у тебя кто? – вдруг произнес Поль. – Он тебе помочь может?

– Ну, – призадумалась Татьяна. – Помочь, может, только он… – призадумалась она.

– Что? – вскинул брови Поль.

– Да прогнала я его месяц назад, – вздохнула она. – Делать, ничего не делает. Денег толком не зарабатывает, живет в моей старой квартире на окраине и в ус не дует. А я за все плачу.

Поль только поднимал брови от удивления и жевал блины.

– Зачем он тебе тогда?

– Вот и прогнала, – ответила Татьяна и вздохнула пригорюнившись. – Жалко, правда. Восемь лет вместе прожили.

– Ты же замужем шесть лет была? – поперхнулась я.

– И что? Я с Игорьком сюда приехала. Он мне здесь самый родной и любимый, – вздохнула она.

– И только поэтому ты его содержишь? Потому что жалеешь? – уплетая Татьянины блины, подытожил Поль, хотя завтрак его интересовал гораздо больше несчастной жизни повара.

– Не только, – нахмурилась Татьяна.

– А еще почему?

– Ты что, маленький? – насупившись, глянула она в его сторону.

От ее взгляда Поль подавился. Кое как проглотив кусок, откашлявшись, он поводил губами, глотнул воды и улыбнулся.

– Нам это на руку, – наконец произнес его рот.

– Как это на руку? – Татьяна приподняла в удивлении брови.

– Если денег у него нет, а они всем нужны, то выполнит он твою просьбу за милую душу. Только скажи ему, что дашь денег на поездку туда и обратно с верхом, он тебе все что угодно привезет.

– Думаешь?

– В его ситуации я бы так и поступил, – Поль кивнул головой в подтверждение своих слов.

Я сидела тихой мышкой, слушала и даже не влезала в разговор.

– Где он живет? – продолжил задавать вопросы Поль.

– На окраине города, в моей квартире. Может ему позвонить? – ответила Татьяна.

– Лучше съездить, – произнес уверенным голосом Поль, положив очередной кусок блина в рот.

– Хотя, он целыми днями дома сидит. Куда ему уходить? Застанем, – махнула рукой Татьяна.

И мы втроем спешно покинули роскошную квартиру Поля. Выйдя на улицу на осенний холод, не смотря на октябрь, все трое сразу стали кутаться и защищать себя от порывистого ветра. Он дул отовсюду: раздувал волосы, одежду, ударял в лицо.

Машина подъехала как раз вовремя. Не успели мы хлопнуть дверьми, как пошел дождь. Дворники заходили по стеклу, и машина тронулась с места. Ехали не больше часа, Татьяна продолжала сидеть как на иголках, чем нервировала и меня, и водителя. Его голубые глаза то и дело отражались в зеркале дальнего вида, когда он пытался уследить за пассажиркой на заднем сидении, ерзавшей туда-сюда, а заодно, за второй, сидевшей рядом с кислым лицом.

Наконец, мы доехали до места назначения. Татьяна быстро показала пальцем на дом и заерзала еще больше. Машина остановилась и под проливным дождем все выскочили из машины. Дверь мелькала на горизонте.

Мы засеменили быстрым шагом к двери, Татьяна по ходу рылась в сумке в поисках ключей, наконец, нашла. Замок открылся, и дверь впустила нас в сухое помещение. Отряхнув себя от излишков воды, все дружно стали подниматься по лестнице – лифта в доме не было. Место было жутковатое: темное, серо-коричневое, грязное. Поль все время морщился и смотрел на нас. Наконец, показалась нужная нам дверь, к которой все подошли гуськом, встали вплотную, и Татьяна снова загремела ключами в замке.

Дверь со скрипом отворилась. В доме стояла темень и гробовая тишина. Я от страха прижала руки к груди, начав придумывать всякие ужастики: в больном воображении начало мерещиться, что и здесь нас подкарауливают бандиты, сейчас набросятся и начнут пытать, а Игорька давно убили. Татьяна прошла к дверям, отделявшим переднюю от коридора и комнат, и открыла их со словами.

– Опять, наверное, спит.

Поль двинулся за ней в темное пространство, я следом, потому как оставаться одной мне было еще страшнее, чем идти в темноту. Я медленно шагала вперед, Поль и Татьяна уже исчезли в комнате, дорога по коридору оказалась сложной, потому что он, узкий, был еще и завален всяким барахлом. Сделав еще шаг, я вздрогнула от неожиданных громких воплей.

– Ах ты сволочь! – раздалось громогласное эхо по квартире. – Скотина!

Тело замерло и вжалось в стену, потому как мимо, неизвестно откуда взявшийся, пролетел завернутый в одну простыню мужчина, за ним женщина-фурия, отдаленно напоминавшая Татьяну.

– Он еще баб в мою квартиру таскает! – верещала она и била его, что есть мочи.

Они бегали по квартире как сумасшедшие, ничего не замечая и никого. Я сильнее вжалась в стенку и не двигалась с места, пока они бегали кругом и крушили все вокруг. Когда мужчина промчались мимо меня еще раз и исчезли на кухне, то по квартире раздался жуткий ор и шум. Посуда падала на пол, разбивалась, Татьяна сыпала обвинениями, Игорек истошно оправдывался. Я повернула голову и заметила Поля, выглянувшего из комнаты.

– Идите, – тихо произнес он и кивнул кому-то.

На пороге показалась женщина в кое-как надетом платье и с туфлями в руках. Честно сказать, она была – не очень. Если Татьяна была высокая, не полная, но с формами, на которых останавливается любой мужской глаз и блуждает очень долго, да еще с красивым славянским лицом, то эта темноволосая, худая и далеко не с женственной фигурой женщина, слабо привлекала внимание. Лицо у нее было не лучше фигуры. Либо Игорек вчера изрядно выпил, либо постился уже месяц, раз его потянуло на такую даму. Женщина прошла мимо, натянула на себя плащ и туфли и быстро исчезла за дверью. Все это под истошные крики из кухни.

Я продолжала бездвижно стоять, пока чужая рука не потянула меня в комнату. Поддавшись, я позволила втащить себя внутрь и усадить на кровать. Поль уселся рядом и вздохнул.

– Как думаешь, долго еще? – намекал он на скандал, разгоравшийся все сильнее.

Я пожала плечами.

– Минут двадцать точно.

Крики действительно раздавались по всей квартире минут двадцать, мы только смотрели друг на друга, закатывая глаза на очередную едкую фразу, вертели головой по сторонам, и ждали. Вдруг все затихло, и резко раздался вой. Поль глянул на меня. Мы резко подскочили и понеслись на плачь. Промчавшись по коридоры в мгновение ока, застыли на пороге кухни. Татьяна стояла на коленях и рыдала, что есть мочи. Игорек валялся бездыханный у ее ног. У меня закололо сердце.

– Ой! – причитала новоявленная убийца. – Ой! Что я наделала! Игорёчек, ну очнись! Не умирай, пожалуйста! Ой!

У Поля от шока волосы встали дыбом, а глаза вылезли из орбит.

– Сумасшедшие, – тихо произнес он.

– Ой! – хватала женщина за голову свежий труп. – Ну, милый, я не хотела! Игоречек, вставай! Пожалуйста-а-а… – ревела она.

Поль стоял и смотрел, слабо соображая, что делать. Я взглянула в сторону, схватила осколок недавно разбитого зеркала, присела и поднесла его ко рту и носу трупа. Татьяна заревела во все горло.

– Не реви, – тихо произнесла я замогильным голосом. – Живой, кажется, – еще раз глянув на чуть запотевшее зеркало, произнесла я.

Та сразу перестала реветь и взглянула на мужчину, валявшегося без сознания.

– Живой? – еще раз произнесла она недоверчиво.

– Живой, – ответила я.

– Сволочь, – лупанула она его по щекам.

– Ты что? – изумилась я.

– А что? – ответила она, еще раз взглянув на него, – Баб в мой дом водить! – и опять ударила, только на этот раз еле-еле.

– Подождем, – тихо произнесла я.

– Жди теперь тебя, пока очухаешься! А нам дело сделать надо, – громогласно говорила Татьяна, усаживаясь на табуретку.

– Может, его на постель перенести? – подал голос Поль.

– Ага, сейчас! – скривила он лицо. – Этому кабелю еще и условия создавать. В нем центнер с гаком, – тихонько пнула она его ногой, – вон как отъелся! Я надрываться не буду! Пусть тут валяется, пока не очухается, ничего с ним не случится.

Поль облокотился плечом о косяк и стал ждать стоя. Татьяна болтала ногами, осматривала дело своих рук и проклинала Игоря вслух. Я примостилась на краешке, уставилась на живой труп. Игорек, правду сказать, был не подарок даже внешне. На голову ниже Татьяны, даже чуть пониже меня, толстый, с животом как арбуз, круглолицый. Его щеками можно было пускать зайчиков. На голове у него были очень светлые и очень редкие волосы, коротко подстриженные, на макушке их не было вообще. Практически, смотрелся он лысовато. Глядя на него, правда начинаешь верить в то, что бабы дуры, и любят таких особей, что диву даешься. Я еще раз пробежала глазами по Игорьку, а потом глянула на Поля. Он поймал мой взгляд, после чего я опустила глаза в пол и стала ждать, подперев руками лицо.

– Чем ты его так? – подал голос Поль, немного притомившись в ожидании.

– Да сковородкой, – произнесла Татьяна.

– Ну, вы – сумасшедшие, – произнес он.

Игорек застонал и начал подавать признаки жизни. Его пухлое тело вздрогнуло, захлопало глазами, потом рука потянулась к голове, и он кое-как попытался встать.

– Дура, – завопил он, ощупывая шишку на самом видном месте, на лбу. – Ты меня чуть не убила!

– И убью! – заверещала снова Татьяна.

– У меня с ней ничего серьезного. Я тебя люблю! – пыхтя, вставал он и подползал к коленям.

– Да, любишь, – скрестила она руки и отвернулась.

– Ну, Танюша! Ну не обижайся, я только тебя люблю. Поверь, – рука стала гладить ее колени. В этот момент Игорёк походит на бурундука или хомяка, точно сказать было сложно. – Ну, Танечка.

– Если любишь, тогда докажи, – произнесла он.

– Что ты хочешь, малыш?

На этой фразе и Поль, и я не смогли сдержать улыбки, кто-кто, а если сравнивать Татьяну и Игорька, то на малыша скорее походил он, нежели она. Его пухлая рука в очередной раз прошлась по ее коленке. Лицо женщины, наконец, повернулось в его сторону и нахмурилось.

– Что? – снова произнес сидевший на корточках толстячок.

– Съезди за моими вещами в клинику.

– За вещами? – удивился Игорь. – А ты сама не можешь? А то у меня дела… – начал он, как Татьяна словно скала встала над ним во весь рост, руки в боки.

– Что? – раскатисто прозвучал ее голос.

– Ну, хорошо, хорошо, – ретировал мужчина. – Куда ехать-то.

Татьяна погнала его в спальню одеваться, затем написала ему адрес на бумаге, пояснила, где ее вещи, и что именно он должен привезти. Игорек только успел узнать, как зовут гостей, и тут же был выставлен за дверь хозяйского дома.

– Ой! – вздохнула она, когда дверь захлопнулась за ним.– Хоть бы с ним ничего не случилось.

– Впервые вижу такую заботу о неверном любовнике, – не выдержал Поль.

– Конечно, – проговорила он. – Мы – не француженки, мужчинами не разбрасываемся. Хоть какая-то польза от них всегда есть, – произнесла она и начала прибирать разбросанные вещи.

– Я на улицу пойду, – произнесла я.

– Зачем? – раздался голос Поля.

– Не буду мешать уборке, – пожала я плечами.

Поль оглядел пространство и пошел за мной. Мы быстро спустились по лестнице, вышли на улицу и устроились на лавочке, недалеко от дома, откуда был виден подъезд. Дождь уже закончился, небо все еще было пасмурным, все сыро, так что пришлось подложить прихваченные пакеты, чтобы было сухо сидеть. Поль примостился рядом и закурил.

– Люблю запах дождя, – произнес он, выпустив струйку дыма.

Моя голова невольно повернулась на эту фразу в его сторону, и голубые глаза снова заворожили.

– Я надеюсь, у тебя подобных скелетов в шкафу нет?

– Каких скелетов?

– Как Игорёк, – меланхолично ответил он.

– Таких нет, – чуть улыбнувшись, ответила я на вопрос.

– А какие есть?

Я похлопала глазами и улыбнулась.

– Я – сущий ангел, – рот улыбался, – какие скелеты?

– Ангелы как раз самые опасные, – проговорил он. – Ангелы соблазняют изысканно, с дьявольским коварством. Из сладкого плена уже не выбраться.

– У тебя есть опыт? – мило улыбнулась я.

– Боюсь, уже есть, – снова выдохнул он струйку дыма.

– Могу поспорить, что тебя еще что-то беспокоит, – произнесла я, начиная чувствовать его внутреннюю тревогу. – И связано это с картиной.

Поль резко взглянул на меня и насторожился.

– Например?

– Ну, не знаю, – пожала я плечами. – Только чувствую, что тебя во все этой ситуации что-то беспокоит.

– Беспокоит, – подтвердил он кивком головы и глубоко вздохнул. – Не нравится мне все это, – раздался его тихий голос. – Все слишком гладко.

– Гладко? – удивилась я.

– Да, – произнес он. – Сама посуди. К женщине приходят и говорят, что она владеет картиной стоимостью в несколько миллионов, и она сразу же соглашается ее отдать. Ее не могли запугать настолько, чтобы она решилась с ней так легко расстаться. К стульям ее не привязывали, бить – не били, только на стоянке немного припугнули, да и то, потому, что с тобой перепутали.

– Ты забыл про мужа, – контраргумент был неважный.

– Тем более. Если муж такой плохой, как Татьяна его описывает, то эта картина для нее – компенсация за моральный ущерб. А она так просто готова отдать Ренуара.

– На что ты намекаешь? – начав догадываться, задала я очередной вопрос.

– Либо для нее картина – мелочь, и она впутана в еще более серьезные вещи, либо она не собирается ее отдавать, – ответил Поль.

– Но ведь за картиной поехали, ее привезут? – нетвердым голосом продолжала я диалог.

– А ты уверена, что она сказала ему правильное место? Уверена, что она не позвонит ему и не скажет, везти сокровища в другую сторону?

– По-моему, ты слишком подозрителен. Если так, то и меня тебе тоже стоит подозревать.

– С чего ты взяла, что тебя я снял со счетов, – усмехнулся Поль.

– А, – улыбнулась я. – Ну тогда, думай дальше.

Наш разговор с Полем прервался появлением Татьяны. Она, покачивая бедрами, вышла к нам и также преспокойно уселась на скамейке. В окружении двух женщин Поль сидел, покуривая сигарету за сигаретой, пока сама Татьяна не завела разговор.

– А что это за картина, что тебе она так нужна? – начала женщина допрос милым голосом.

Поль глянул на нее, выпустил пар и напрягся.

– Мне просто хочется узнать, что в ней особенного, – пела Татьяна в продолжении.

– Особенного в картине то, что сделка по купле-продаже должна состояться завтра. Если картина не будет найдена, на вас, девочки, спустят всех собак.

Мы обе переглянулись и замерли в продолжении ответа.

– Не поймите меня превратно, я не желаю вам зла, но вы должны понимать, что картина принадлежит не вам. Серьезные люди заинтересованы в том, чтобы ее купить, подставлять их очень опасно, – струйка дыма снова рассекла воздух, – для жизни.

– Боже, сохрани! – всплеснула руками Татьяна, на что Поль опять посмотрел недоверчиво.

Татьяна покосилась на меня, начав гримасничать, что я поняла, как сигнал к действию.

– Игорь, наверное, не скоро вернется? – подала я тихий голос.

– Часа через четыре, – вздохнула Татьяна и снова покосилась на Поля.

– Думаю, сидеть просто так бессмысленно, – произнесла я.

– И что ты хочешь? – голубые глаза Поля прицельно взглянули.

– Прогуляться. Может, до блошиного рынка дойдем, покажешь нам свой магазин? Здесь рукой подать.

– До блошиного ранка, да, – произнес Поль, вставая. – Но не до моего магазина.

– Ой, а где же он? – подскочила Татьяна.

– На острове, – пожал плечами Поль.

– Где? – ошарашенно взглянула на него соседка.

– В Сите, – Поль пожал плечами и уставился на меня.

– Ты держишь магазин в самой дорогой части города? – снова подала голос Татьяна.

– Там ближе всего для моих клиентов. Да и мне до дома удобно добираться.

– Нет, ну везет некоторым с мужиками, – произнесла Татьяна по-русски, персонально для меня. – Хочешь в шестнадцатом живи, с шикарным видом на башню, хочешь – в шестом, где Люксембургский сад под боком.

– А я тут причем? – начала сразу отнекиваться.

– Ага, – произнесла она в особой интонации, – то-то он с тебя глаз не сводит.

– Говорит, что боится оставлять нас без присмотра, – пожала я плечами.

– То-то и оно, – глянула она на Поля еще раз, – картина у меня, а глаз с тебя не сводит.

– Ну, так идем? – произнесла она Полю и направилась стройным шагом к его машине.

Поль посмотрел на меня, желая убедиться, что я тоже пойду. Как только он поравнялся со мной, я тихо произнесла.

– Ты знаешь, где живет ее муж?

– Конечно, – пожал плечами Поль. – Это регистрируется при приеме на работу. Как, по-твоему, я оказался в их квартире? – кивнул он в сторону своей машины, возле которой маячила фигура Татьяны.

– А она не знает, где работал ее муж, – тихо произнесла я.

Поль замер. Взгляды приковались друг к другу, потом мужчина нервно кашлянул и резко повернулся к своей машине. Незаметно, его рука схватила мою руку и потянула вперед. Мужчина зашагал целенаправленно, без пререканий вел за собой, и в нем чувствовалось огромное напряжение. Мы резко подошли и остановились. Татьяна засуетилась, взгромоздилась на переднее сидение и стала смотреть невинным взглядом. Поль сел вперед, дождался, когда

я усядусь, еще раз глянул на меня через стекло и нахмурился. Мужская рука повернула ключ зажигания. Машина завелась, источая из себя звуки, тронулась с места и понесла вперед.

Голубые глаза то и дело поглядывая в сторону соседки, Татьяна весело завертелась на сидении, что-то начала рассказывать. Лоб мужчины то и дело испещрялся бороздками. Я отвернулась к окну и стала смотреть на мелькающий пейзаж, только и вертя в голове мысль «во что я влезла?». Если взять во внимание мои приключения в Венеции, что было бы точнее называть кошмаром, утайки или даже ложную информацию от Татьяны, угрозы со стороны двух криминальных лиц, то Поль казался наиболее симпатичным персонажем из всех, кто меня окружали.

Боже, что происходит вокруг меня? Убийства, кража произведений искусства, черное маклерство, сомнительные личности – я не об этом мечтала, уговаривая всеми силами жениха на переезд в Париж. Город-мечта открывался мне совсем с иной стороны. Я бы даже не назвала это изнанкой, это больше походило на подделку.

Всю дорогу я думала, пока машина не припарковалась возле одного из домов. Поль остановился и помог нам выйти. Улица была узкой, с серыми домами, но очень уютной. Витрина магазина была сплошь стеклянная, но никоим образом не показывала прохожему, что делается внутри помещения. Идеальной ширмой выступали выставленные на витрине антикварные вещи на продажу, умело декорировавшие фасадное «лицо» магазина. Отделка черным металлом стекол и двери, гармонировавшие с ней черные буквы названия, – все было сделано со вкусом.

Мы вошли внутрь, и сразу услышали приветственное слово продавца. Ей оказалась старушка преклонных лет, небольшого роста, с модной короткой стрижкой и перстнями на толстых старческих пальцах.

– А, месье Поль! – воскликнула он. – Вы не один. Дамы желают что-то приобрести.

– Нет, мадам Солар, – произнес мужчина, приятно улыбнувшись. – Не сегодня.

Татьяна стала двигаться мимо огромного количества антикварной мебели, очень хорошо подобранной и поставленной в группы. Поль смотрел на нее неотступно, а потом повернулся ко мне.

– Думаешь, она хочет задержать нас здесь, чтобы он успел уехать подальше?

– Думаю, она хочет еще чем-нибудь здесь поживиться, – тихо произнесла я, наблюдая, как самозабвенно женщина разглядывает вещи, но особенно, охранную систему.

– Только этого мне не хватало, – вздохнул Поль. – Ехать, перехватывать Игорька не имеет никакого смысла. Теперь только она сможет нам указать, где он и картина.

– Я не верю, что картина в медицинском центре. Что-то меня смущает в этой истории. – тихо произнесла я.

– Раньше ты была уверена, – тихо произнес Поль.

– Раньше она ничем не вызывала подозрений.

Минут двадцать Татьяна ходила по залу, создавая видимость того, что ее интересует антикварный магазин как обывателя. Мадам Солар рассказывала и показывала ей вещи, нисколько не утруждаясь этим. Поль наблюдал за Татьяной, потом ему надоело созерцать спектакль, и он переключился на меня.

– Тебя не очень интересует антиквариат, как я вижу, – произнес он, присаживаясь в сторонке у окна, где сидела я.

– У тебя нет посетителей, – тихо произнесла я.

– Мои клиенты приходят по записи и за определенными вещами. С улицы покупатели редко заходят в такие места.

– Значит, это все своего рода ширма?

– Скорее, обложка бизнеса, – с мягкой улыбкой ответил Поль.

– А ты учился музейному делу или искусствоведению? – вопрос я задала только из приличия, ответ меня не интересовал.

– Нет, – махнул он головой. – Мне ближе коммерция, чем искусство.

Меня все время подмывало спросить, почему Поль странно смотрит на меня, а заодно, спросить себя, почему мне нравится, что он так смотрит на меня.

– А те, кому нужна картина, чем занимаются? Я хочу спросить, каковы их возможности?

Поль вздохнул.

– Обширные, как у любой транснациональной корпорации, – произнесли губы мужчины.

– А точнее? – немного сморщился мой лоб.

– Инвестиции на фондовой бирже, в крупные проекты фармацевтической промышленности: дорогостоящая аппаратура, препараты от редких заболеваний, уникальные ингредиенты для производства лекарств, сопутствующая техника для производства, выпуск технических средств… – перебирал Поль слова. – Надеюсь, ты понимаешь, каково влияние людей с ежегодным оборотом в миллиарды. В силу жесткости и сложности характера, они желают получить то, что хотят. Объяснения вроде «картина исчезла» или «ее украли» их не удовлетворит.

– Они французы? – заинтересовалась я разговору.

– Почему ты спрашиваешь? – Поль вопросами тоже пытался выведать у меня информацию.

Я пожала плечами.

– Мой знакомый – француз, – тихо ответил Поль. – Месье Валери Эрво. Он – владелец частного банка, через который проходят операции с произведениями искусств, что я предлагаю. Один из его близких клиентов живет и работает в Америке, но часто бывает в Италии, думаю, у него итальянские корни.

– Фармацевтика и произведения искусства – странный коктейль? – продолжила я. – И все идет через банк с доступом к особым счетам?

Поль снова кивнул.

– А сфера влияния?

– Думаю, больше, чем Европа. И Штаты, может, и Россия, – ответил мужчина.

– То есть, ты хочешь сказать, что есть несколько людей в разных странах, которые переплетены? – мой лоб сильно нахмурился.

– Да, – голова с красивой шевелюрой кивнула. – Узелки могут быть очень маленькие и тонкие, почти не заметные.

– С одной стороны – узкий круг посвященных, с другой – широкий спектр возможностей за счет связей и власти, включая лоббистов? – продолжила я.

– Именно. Поэтому картину необходимо вернуть, и не только ее… – надавил Поль.

– А что еще? – я подняла брови.

Поль не ответил, только пристально посмотрел на меня, а потом, перевел взгляд на Татьяну. Та подплывала к нам, рассекая пространство своим роскошным бюстом.

– Ох, Поль, как мне здесь нравится! У тебя великолепный вкус! Почему муж не приводил меня сюда?! – затараторила она.

Словоблудие полилось рекой, от чего Поль морщился и вздыхал, не в состоянии и слова вставить. Сотрудница магазина подошла к нам и стала слушать восклицания.

– Мадам Солар, – произнес Поль, сумев-таки вставить слово, – познакомьтесь. Это Татьяна – супруга нашего Жана.

Женщина вздернула бровь, взглянув на Татьяну, а потом мягко улыбнулась.

– Ах, милый мальчик, когда вы устанете надо мной подшучивать?

– Чистая правда, мадам, – улыбнулся Поль.

– У Жана не было жены, никогда, – покачала она головой и погладила свою руку.

– Мы были не расписаны, – тут же произнесла Татьяна.

Мадам Солар еще выше приподняла свою бровь.

– Правда невероятно? – произнес Поль.

– А Вы ему кто, дорогая? – произнесла она, взглянув в мою сторону. – Дочь?

– Что за глупости! – тут же встрепенулась Татьяна. – И что за недоверие, Поль? Я тебе все рассказала, как своему, а ты мне устроил проверку?

– Мы просто разговариваем, – повел плечами Поль, вглядываясь в женщину более пристально своими голубыми глазами. – Зачем поднимать лишний шум? Просто разговариваем о твоем муже. Например, куда он мог пойти, если дома его нет?

– Откуда мне знать?

– Может, к сестре поехал? – произнесла мадам Солар.

– У него есть сестра? – произнес Поль замогильным голосом, в тот момент мы с Татьяной посмотрели друг на друга.

– Есть, – ответила мадам Солар. – Сводная. Живет в пригороде, в часе езды от Парижа. Жан рассказывал, что не часто ее навещает, а в последний раз поссорился с ней. Это было, – задумалась женщина, поднеся палец к подбородку, – года полтора назад. Да, именно так.

– Становится все интересней, – произнесла я про себя.

Поль глянул на меня и кивнул головой. Я покорно встала и пошла к выходу, поняв его приказ без слов.

– Вы куда? – встрепенулась Татьяна.

– Мадам Солар, адрес припомните, пожалуйста, – проговорил Поль, вставая.

– Ох, мальчик мой, как мне вспомнить?! Он лишь говорил, что это какой-то писатель, а может, военный… – протянула женщина.

– Какой писатель?

– Не припомню. Улица названа именем какого-то деятеля в Ла Мюро

– Поль, – подала голос Татьяна, – искать иголку в стоге сена не лучшая затея. Давай дождемся Игоря.

– Вот ты этим и займешься, – произнес Поль и направился в сторону двери, ухватив меня за руку.

– До свидания, мадам! – произнесла я напоследок, без пререканий, что было странно, уселась в машину и подала голос.

– Она права, искать Жана, не зная адреса и имени его сестры, – абсурд.

– Сидеть здесь и терять время – абсурд, – произнес Поль, поворачивая ключ зажигания.

– Если Татьяна уйдет… – начала я, но не смогла закончить.

– Наверняка, – произнес Поль. – От нее никакого толку.

Машина тронулась с места.

– Ищи по карте, – Поль сунул мне в руки телефон, а сам уставился на дорогу.

Я вошла в интернет и открыла карту пригорода. Комунна Ла Мюро принадлежала департаменту Ивелин, кантону Мюлан. Площадь ее составляла двенадцать квадратных километров, число жителей – тридцать две тысячи, приблизительно. Мой оптимизм таял с каждой строчкой.

– Поль, это не серьезно.

– Сколько нам ехать? – спросил он довольно уверенным голосом.

– От центра Парижа 36 километров.

– Тогда мы успеем, – кивнул Поль и надавил на газ.

– Писатели, – вздохнула я.

Пока мы ехали, я насчитала десять улиц, названных именами писателей, и еще пять, названных именами великих деятелей, и еще пять, названных именами, которые можно было принять за имена великих деятелей.

– Что предпочитаешь: улицу Шатобриана, Виктора Гюго? – забавлялся Поль, слушая названия улиц.

– Поля Элюара, – прошипела я.

– А-а, – протянул Поль. – Поборник мира и свободы, и коммунист.

– Жоашена дю Белля? – предложила я альтернативу красным.

– «Придворный поэт»? «Сожаления»?

– «Олива» и «Древности Рима».

Поль посмотрел на меня и усмехнулся.

– Андре Бретон – продолжила я список, – он и поэт и писатель. – Жуль Валлес, Дидро, Жорж Санд, Стендаль…

– Кто еще? – произнес водитель.

– Есть представители искусства: Ренуар, Тулуз Лотрек, Фрагонар, Моне, Гоген, Эрик Сати – композитор и пианист, Верней. Есть деятели науки: Пьер Кюри, Ампэр, Пастер, – перебирала я. – Поль Рауль.

– Он – чемпион по гребле, – поморщился Поль. – Не думаю, что мадам Солар спутала бы деятелей науки и искусства. Скорее всего, нам нужна улица, названная именем писателя или поэта. Все остальное можно отмести.

Мы неслись по дороге на Нормандию, я смотрела в окно и думала о Татьяне. Поль время от времени поглядывал на меня и усмехался.

– Что так тебя забавляет? – удивилась я.

– Ничего, – тихо ответил он. – Не думал, что так встречу тебя.

– Как так? – удивилась я, слабо понимая линию разговора.

– Ну так: вхожу в квартиру и натыкаюсь на привязанную к стулу, с огромными синими глазами и кляпом во рту.

– Я сразила тебя наповал, – грустно усмехнулась я.

– Авеню Эроп, – проговорил Поль и повернул руль. – Почти на месте.

Машина съехала с шоссе Норманди и стала двигаться по проспекту Европы, если говорить по-русски. Метры преодолевались быстро. Все относительно, и если в России все меряется верстами, кругом простор, то во Франции – лье, и умение обходиться малым пространством, конечно, если не учитывать современные меры длинны, а опираться на культурные особенности жителей, заложенные в генах. Называть однополосную дорогу проспектом у меня бы никогда не повернулся язык, в то время как французы, да вообще европейцы, любую длинную и тем более красиво украшенную и специально спланированную дорогу называли проспектом, маленькие клочки земли – парками и садами, а площадью именовались места радиусом не больше четырех-пяти метров. По мере продвижения я все больше убеждалась, что мы приехали в настоящую дыру. Маленькие одно- и двухэтажные домики с красными крышами, большинство из которых было в плохом состоянии, мелькали вдоль дороги. Стояли они тесно, как частокол, вдалеке виднелись высотные семи-, девятиэтажные дома. Их было мало, и они являлись отголоском современных построек, хотя сказать по правде, не думала, что такой кошмар может строиться во Франции.

– Не морщи нос, – усмехнулся Поль. – Это – центр.

Поль еще раз посмотрел на карту, затем свернул у парка Бюгати, и остановился на улице с тремя домами.

– Зайдем на улицу Стендаля, а следом – твой Поль Элюар.

Мы вышли из машины и оглянулись.

– Все равно мне сложно представить, как мы ее найдем.

Поль отошел от машины и пошел вдоль домов. Все домики были двухэтажные, малюсенькие, словно игрушечные. У каждого стояла машинка. Мне это напоминало англо-американский стиль жизни.

– Дыра, – подытожил Поль. – Американский стиль жизни проник повсюду.

– Такие дома постоянно строили жители туманного альбиона, у них переняли эту традицию жители бывшей колонии.

– Одно хорошо, мы найдем кого-нибудь.

На этой улице никакой женщины не оказалось. Мы обогнули улицу, переходящую петлей в другую сторону, прошли еще немного и вернулись к машине с другой сторону. Улица Поля Элюара оказалась значительно больше, количество домов исчислялось двадцатью, некоторые из которых были четырехэтажными. Но осмотр улицы тоже не потребовал много времени. Большинство жителей были на работе, комунна пустовала. Нам на глаза попались два старика, сидевших за столиком под навесом одного из домов, к которым и направился Поль. Он поздоровался и поговорил с мужчинами немного, после чего повернулся и пошел ко мне.

– Какие новости? – спросила я, вглядываясь в хмурое лицо Поля.

– Никаких. Поль Элюар не предоставлял нужной нам даме кров.

– Что теперь? – теряла я всякое терпение и энтузиазм.

– Есть идея, – произнес он, оглядываясь. – Спросим в мэрии, где живет эта особа.

– Хочешь поискать ее по фамилии Жана?

– Попробуем найти самого Жана. Возможно, он здесь родился или вырос.

– Ты уверен? – мало доверяя предположениям, произнесла я.

– Жан явно не рос в Париже, был приезжим, как и большинство. Таких легко вычислить. Но если бы он приехал из другого округа, его сестра жила бы там. Это – наиболее вероятно.

– Может, она вышла замуж и переехала сюда жить с мужем?

– В такую дыру? Отсюда стараются вырваться, а не приехать вить семейное гнездышко.

– Здравый смысл есть, – произнесла я напоследок и поддалась. У Поля появилась привычка брать меня за руку и тащить в направлении, куда шагал он сам. Я бы и так последовала за ним, но он предпочитал брать все в свои руки, так что я шла рядом, отдав свою руку его руке.

Мы сели в машину, поехали обратным путем и выехали на проспект Европы снова. Проехав весь проспект, мы выехали на проспект Поля Рауля, свернули на улицу Анри Дюрана, проехали по улице Жана Моне и на середине улицы Карно остановились. Здание мэрии было двухэтажным, часть его была старой постройки, часть современной. Немного неказистое, но аккуратное. Мы вышли из машины и направились в здание. Нас встретила тишина и абсолютная пустота. Казалось, что все умерли. Мы переглянулись и направились вовнутрь, по направлению к архиву. Постучав, мы вошли в дверь и удивились. За столом сидела женщина, и больше никого.

– Здравствуйте, – начал Поль с порога.

– Добрый день, – проговорила она.

– Мне нужна справка, где ее можно получить?

– Какого рода? – улыбнулась женщина.

– Справка по месту жительства. Поль назвал имя и фамилию своего служащего.

– Вы родственник? Мы не даем справок посторонним лицам.

– Знакомый. Справку мне только заказать. Получать ее приедет хозяин с паспортом. Я лишь внесу задаток, – Поль мило улыбнулся.

– Если задаток, тогда хорошо, – женщина кивнула головой. – Посмотрим.

Минут пятнадцать все-таки потребовалось, чтобы вычислить нужного нам человека, после чего женщина сделала заметки у себя в блокноте и отпустила нас на все четыре стороны. Поль радостно уселся в салон и подал мне листок бумаги.

– Оказывается, мы ошиблись. Он живет на улице Поля Элюара.

– Он?

– Дом принадлежит ему и сестре – наследство от родителей.

Я взглянула на листок.

– Новичкам везет, – присвистнул Поль.

Мы поехали обратно, что не заняло много времени, спустя пятнадцать минут стояли снова у дома, где двое стариков сидели за столом.

– Ну что, месье, нашли? – крикнул ему один из них.

– Да, спасибо.

– Ну, и кто вам нужен? – проскрипел мужчина, вставая и подходя к ограде.

Поль назвал адрес и имя.

– Так, это должно быть, та несносная девка с кучей ребятишек, – покачал головой старик. – Такая противная особа, скажу я вам! – здесь старик даже присвистнул.

– Она здесь живет постоянно?

– Да, только в город мотается работать. Приезжает сюда на выходные, детей бросает на свекровь. Эти несносные дети совсем от рук отбились. Двое старших – в банде, вечно шляются, беспорядки устраивают, младшие – орут целыми днями на всю улицу, дерутся.

– А брат часто ее навещает?

– Брат? – почесал голову старик. – Да, есть у нее брат. Но почти два года ни слух, ни духу, а сейчас уже неделю как у нее живет.

– Спасибо, – улыбнулся Поль и по привычке схватил меня за руку, начав движение к дому.

– Пойдем огородами? – спросила я, оглядываясь по сторонам.

– Что? – удивился Поль.

– То есть, подойдем через другую улицу или сзади? – поправила я себя, поняв, что перевела поговорку просто словами, не передав смысла.

– Да, так будет разумнее, – кивнул головой Поль.

Мы быстро скрылись с улицы и, нырнув в кусты, стали пробираться сквозь кущи. Поль шел медленно, стараясь не шуметь, вместе с тем заботливо отодвигал ветви для меня. Я цепляла их руками, просачиваясь по следам Поля и стлалась не издавать ни звука, хотя с языка рвались вопросы. Поль вышел на свет, придерживая для меня ветку кустарника, и стоило мне выбраться на тропинку, как он остановил меня и указал рукой в конкретном направлении.

– Смотри, – тихо прошептал Поль мне на ухо. – Вот он.

Я увидела весьма непривлекательного мужчину, я бы даже сказами, серого: среднего роста, узкого в плечах, немного сгорбленного, с каштановыми волосами и кислым выражением лица.

– Что делаем дальше? – произнесла я, не переставая разглядывать мужчину.

– Отвлеки его, – тихо произнес Поль. – Мне надо подобраться к нему сзади.

Я кивнула головой. Поль спрятался в зарослях, после чего я отошла недалеко от куста и крикнула.

– Месье!

Мужчина сразу же обернулся в мою сторону и опешил.

– Месье, я прошу прощения! – крикнула я снова, помахав рукой.

– Да, – недоверчиво, будто не веря своим глазам, ответил он.

– Вы не могли бы мне помочь! Это очень важно!

– Я?! – удивился мужчина, но осмелел и пошел прямиком ко мне. – Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

– Месье, помогите, пожалуйста! Прошу! – отвечала я на его вопросы только старыми фразами!

– Вы не имеете право здесь находиться! Это – частная собственность!

– Да-да, месье, – кричала я, стараясь сойти за эмигрантку, которая плохо понимает язык. – Сюда! Помогите!

Мужчина подошел совсем близко ко мне и грозно стал смотреть!

– Что Вам нужно?! – произнес он.

Тут Поль резко выскочил из-за его спины и схватил за руку, заломив ее.

– Привет, Жан! – донеслось из-за спины мужчины. – Как поживаешь?

– Поль? – удивился мужчина.

– Поль! – подтвердил схвативший его сзади мужчина. – Пошли, поговорим, – произнес Поль и резко пихнул тело своего пленного к дому.

– Поль, я не причем! – кричал Жан на протяжении всего пути, хотя его никто ни в чем не обвинял. – Я ничего не сделал! Поверь! Я не причем!

Поль беззвучно шел к дому, крепко сжав руками Жана, который всю дорогу не столько вырывался, сколько старался взглянуть в глаза своему начальнику.

– Поль это не я, поверь! Прости!

Так и не дождавшись ответа, Жан безвольно вошел в дом. Голова его поникла, руки совсем ослабели. Он позволил усадить себя на стул, и продолжал нервно вздрагивать.

– Найди веревку! – крикнул мне Поль.

– Не надо, Поль! – крикнул тут же Жан. – Я все расскажу!

Поль с неохотой встал над ним и взглядом указал мне сесть напротив Жана.

– Где картина? – резко спросил Поль.

– Я не знаю, – нервно ответил Жан. – Мистика, не иначе!

– Что? Какая мистика? – дернул Поль его руку. – Говори.

– Я, – произнес Жан срывающимся голосом, – после того как мы закрыли комнату и поставили ее на сигнализацию, ненадолго задержался в лавке, ты знаешь… – мужчина опять вздохнул. – Но я не входил в комнату, клянусь!

– Допустим, что дальше? – произнес Поль настороженно. Он то и дело старался уловить ложь в рассказе мужчины.

– Я задержался, затем пошел домой спать. – ответил мужчина. – Утром проснулся, как обычно, выпил кофе по пути на работу, вошел в магазин. Все было в порядке, Поль! – продолжал мужчина с надрывом. – Я подошел к комнате, ввел код для разблокировки замка, открыл дверь и как вкопанный встал. Картины не было. Все стояло так, как мы оставили вчера, только картины не было!

– И? – недоверчиво произнес мужчина за спиной Жана.

– Я был в ужасе, запаниковал! Я прекрасно понимал, что все подумают, что картину украл я, ведь код доступа мы меняем каждый день. И в тот день его знали только мы двое.

– Почему же ты не предположил, что картину взял я.

– Это было бы сверх глупо! Если бы картину взял ты, то не стал бы закрывать комнату снова, да еще и оставлять старый код.

– Верно! – вздохнул Поль. – Так где картина?

– Клянусь, не знаю! – выкрикнул Жан, попытавшись встать, чтобы взглянуть Полю в глаза, но как и прежде, его остановили чужие руки сзади. Они резко опустились на плечи Жана и заставили его снова сесть.

– Сядь! – резко произнес Поль. – Я еще не решил, верю ли я тебе.

– Поль, я говорю правду! Из-за страха, что ты подумаешь, будто я решил тебя подставить, я сбежал. В панике убежал из магазина и приехал к сестре.

– Никто больше не знает, что ты здесь? – нахмурив брови, произнес Поль.

– Нет, я никому не говорил, не звонил. – покачал головой мужчина. – Поль, поверь, я не причем!

– Пока я тебе не верю, но допускаю такую возможность! – ответил Поль. – Ответь, почему ты не сказал, что женат.

– Кто женат, я? – Жан взглянул на меня ошалелыми глазами, словно спрашивая, не сошел ли с ума тот человек, что стоит за его спиной и не позволяет взглянуть на себя.

– Разве у Вас нет подруги? С кем Вы провели ночь? Этот человек может знать о Вашей работе достаточно, чтобы решиться подставить Вас? – задала я вопрос человеку, который никак не мог понять, что от него хотят, и сомневался в нашем здравомыслии.

– Я не женат и никогда не был женат. И вообще, я… – протянул Жан.

– Но Вы были этой ночью с кем-то? – мой голос выделил местоимение в конце предложения.

– Нет, я не был ни с кем! – ответил Жан, не забыв выделить последнее местоимение.

– О-ля-ля, – вздохнула я.

– Ну, как нам поступить? – вздохнул Поль и отпихнул от себя мужчину. – Просто невероятная история!

Мужчина чуть покачнулся, но удержался на стуле. Он сел более удобно и повернулся лицом и Полю. Его глаза так искренне и преданно посмотрели на хозяина, что у меня тут же родилось подозрение.

– Поль, мне очень жаль, но я не знаю, что делать!

Поль посмотрел на Жана и опустил глаза в пол. В его голове ворохом начали крутиться мысли.

– Итак, – произнес он с холодком в голосе, – ты ушел из магазина во сколько?

– Минут через двадцать после твоего ухода, – ответил на вопрос Жан без дрожи в голосе. – Я зашел в продуктовый магазин по дороге, потом пришел домой и лег спать. Утром проснулся, удивился, почему будильник не зазвонил. Но я встал по привычке, так что проспал не больше двадцати пяти минут.

– И сразу пошел в магазин? – взглянул Поль на Жана своими пронзительными голубыми глазами.

– Верно, – кивнул головой Жан. – Я пришел, все было тихо. Часть магазинов уже была открыта, да и кафе тоже.

– Да, так сказали, когда точно ты появился. Но почему никто не видел, как ты уходил из магазина?

– Я испугался и вышел через черный вход как раз в тот момент, как подъехал твой автомобиль.

– Камер слежения у вас в магазине нет? – задала я вопрос.

– Есть, но они стоят в зале, – ответил мне голос Поля, который все еще смотрел в пол.

– А возле входа?

– Нет, – покачал головой Поль. – Улица маленькая и узкая, они казались лишними.

– Наверняка есть у владельцев кафе, – подал идею Жан.

– Хочешь просмотреть запись камер наблюдения этой ночью? Что ты хочешь на них увидеть: спину, нечеткую картинку вора? Нам это не поможет, – махнул рукой Поль.

– Возможно, мы сможем узнать его?! – подал идею Жан.

– Не смеши, – хмыкнул Поль. – Даже если у кафе есть записи с камер, то наш магазин мы увидим вдалеке, очень нечетко.

Оба мужчины немного помолчали.

– Нужно понять, кто мог открыть комнату, кто знал код? – вздохнул Поль.

– Это мог сделать любой опытный грабитель, используя современную технику, – пожала я плечами. – Сейчас нет совершенных систем защиты.

– Да, но нюанс в том, что похитили именно Ренуара. Кто мог знать, что именно в этот день картина будет у нас, что мы ее оставим у себя на ночь, – продолжил дискуссию Поль.

– Заказчик, – подал голос Жан.

– Нет, – ответил Поль.

– Продавец, – произнесла я.

– Продавец, – медленнее повторил за мной Поль. – И тот, кто помог мне стать посредником в сделке, – тихо добавил мужчина.

Я замерла, как и Жан, в ожидании продолжения.

– Ты права, похоже, – произнес он, тяжело вздохнув. – Меня подставили! Я купился как дурак! Картину нужно искать у продавца.

– Но есть одно «но», – произнесла я.

– Какое?

– Татьяна, – ответила я. – Зачем она в этой истории?

– Стоит выяснить! – почесав затылок, ответил Поль.

– У тебя есть план? – раздался тихий голос Жана.

Поль утвердительно кивнул головой. Мы вместе с Жаном затаили дыхание и стали ждать, расскажет ли нам Поль о своих дальнейших действиях.

– Что тебе пришло на ум? – подал голос Жан, не выдержав напряжения.

– Скажем, что картину мы нашли и готовы совершить сделку.

– И? – непонимающе промолвили мы с Жаном в один голос.

– Хочу устроить ловушку, – пояснил Поль.

– Но, похититель знает, что картины у тебя нет. Как же твое заявление сможет заставить его обнаружить себя? – спросила я, нисколечко не понимая плана.

– Он, наверняка, захочет убедиться, что картины у меня нет, или что я собираюсь отдать подделку.

– Для этого ему потребуется только подождать дня, когда ты представишь картину или ее отсутствие покупателю. Зачем ему обнаруживать себя раньше времени? – ничего не понимая, продолжала спрашивать я.

– Он захочет убедиться, – ответил Поль. – Во-первых, ему необходимо подставить меня, поэтому он не допустит, чтобы я смог предоставить картину покупателю, во-вторых, он пришлет кого-нибудь, ничем себя не компрометируя. Я уверен, – кивнул Поль в подтверждение.

– И ты хочешь устроить ловушку, – промямлил Жан, – в магазине?

– Точно, – кивнул Поль. – И вы оба мне поможете.

– А Татьяна? Если она расскажет правду? – недоверчиво произнесла я, посмотрев на обоих мужчин и оценив их актерские способности.

– Татьяна расскажет нашу правду тому, кто стоит за ней. Она нам поможет. – произнес торжественно Поль. – Собирайся, станешь нашим шпионом, – сказал он Жану и встал с дивана.

– Поль, – подала я голос и осеклась.

– Оба вставайте, еще много дел.

Встав с мягкого дивана мы с Жаном обреченно поплелись за Полем, мало что понимая и мало в чем уверенные. Мне никак не удавалось поверить в то, что такая очевидная ложь заставить кого-то обнаружить себя. С моей точки зрения, преступнику, укравшему картину, следовало сидеть спокойно и ждать дня, когда Полю придется показать картину покупателю. Я бы не стала себя обнаруживать ни за что. Но мужскую логику трудно понять, потому я подчинилась и села в автомобиль, который должен был доставить нас в Париж. По дороге обратно Поль завел с Жаном странный разговор.

– Жан, ты помнишь, кто интересовался картиной?

– Кажется, – пробурчал Жан, что-то перебирая в памяти, – три человека. Самым настойчивым был коллекционер из Италии. Затем знакомый месье Эрво, американец. И, наконец, мадам Арно.

– И мадам Арно, – тихо повторил Поль за своим сотрудником.

– Почему ты спрашиваешь, помню ли я?

– Да так, – махнул Поль головой, – просто мыслю в слух. Кто-то из этих людей причастен к похищению.

– Ты хочешь провести расследование и выяснить, есть ли у них алиби? – подал голос Жан.

– Не совсем, – улыбнулся Поль. – Я хочу выяснить, есть ли у них мотив.

– Как ты собираешься это осуществить? – заинтересованно произнес Жан, начав пристально рассматривать Поля.

– Вы мне в этом поможете, – ответил Поль. – Ты, Жан, для начала выяснишь, где находятся наши покупатели на данный момент.

– А затем? – сев поближе к Полю, Жан старался уловить каждое слово.

– Затем, навестим их по одиночке и предложим купить картину.

– Что это даст? – удивленно произнес Жан.

– Мы заломим цену, которая станет непомерной для них.

– Я не понимаю, к чему приведет подобный ход? – произнесла я.

– Неужели? – произнес Поль, взглянув на меня.

– Ты хочешь устроить переполох, – ответила я. – Но как это поможет выявить похитителя, я не понимаю.

– Очень просто, если он сам предложит картину на продажу, то покупатель начнет нервничать и не понимать, что происходит, захочет выяснить, кто хочет его обмануть. Если кто-то из них и бровью не поведет, зная, что картина уже украдена и находится в надежном месте, то мы вычислим похитителя.

– Они друг с другом знакомы? – спросила я.

– Да, но не близко, – ответил Поль. – Это имеет значение?

– Думаю, между ними должна быть конкуренция, желание опередить соперника и завладеть картиной.

– Наверняка, – кивнул Поль головой. – К чему ты клонишь?

– Думаю, стоит сыграть на этом.

Поль взглянул на меня и улыбнулся еще раз одобрительно, остановил машину и кивнул головой в сторону двери.

– Выходи, – произнес он Жану.

Машина остановилась у дома с кованой дверью во внутренний двор.

– Чей это дом? – спросил Жан, выглядывая из окна.

– Мой, – ответил Поль. – Выходи.

Совсем скоро он приблизился к моему окну и открыл дверь возле меня. Я молча вышла из машины и последовала вслед за мужчинами.

– Что дальше? – гадала я, проходя по коридору вслед за мужчинами, поднимаясь вверх по лестнице и рассматривая их спины.

Мы вошли в прекрасную квартиру и расположились в гостиной за столиком. Поль кинул на стол странную тетрадь и вышел из комнаты. Руки Жана потянулись к тетради и стали быстро листать страницы.

– Трое подозреваемых, – бурчал себе под нос Жан.

– Двое, – вдруг произнес Поль, чем удивил нас обоих.

– Почему двое? – после пронзительной паузы спросил Жан.

– Нам немного облегчили поиски, – с долей горечи в усмешке ответил Поль. – Итальянца мы спокойно можем списать со счетов?

– Почему?

– Потому что итальянец мертв, – раздался лаконичный ответ, – у нас только два подозреваемых.

– Когда? – Жан привстал от шока.

– Совсем недавно, – ответил Поль, глядя сквозь меня. – Несколько дней назад его убили в Венеции.

– Неужели? – произнес Жан, все еще не в состоянии поверить в столь необычное стечение обстоятельств?

– К сожалению, – вздохнул Поль.

– Значит, его могли убить из-за картины? – раздался странный голос Жана.

– Возможно, из-за картины, или еще из-за чего-то, о чем мы не знаем, – ответил Поль и взглянув на меня впервые за долгое время. У меня екнуло сердце от взгляда голубых глаз.

– Рисунок, – вдруг сорвалось с губ Жана. – Ты его забрал?

– Нет, к сожалению, – ответил Поль. – Меня опередили, – слова мужчина бросил мне в лицо, не отводя глаз.

Только после последней фразы я осознала, в какую западню угодила сама. Ни о чем не подозревающая дуреха, я ринулась помогать врагам, которые сейчас схватят меня, привяжут к стулу опять и начнут пытать, где злосчастный рисунок. Тот самый рисунок, что я забрала у умершего в отеле. От страха я вжалась сильнее в диван и потеряла голос. Поль сверлил меня голубыми глазами, ни сколько не собираясь отпускать добычу. Он смотрел в голубые глаза, молчал, как мне казалось, целую вечность.

– Я был там, – тихо раздался голос. – В отеле.

Мое сердце потерялось в глубине тела, обреченное разорваться от страха и переживаний.

– Когда ты вбежала в номер, – Поль продолжал говорить, неотрывно глядя только на меня, от чего у меня пересохло в горле, – я спрятался за занавеской.

Сердце бешено колотилось: стучало в висках, кровь пульсировала в пальцах рук. Я еле понимала фразы, которые произносил мужчина на французском.

– Я видел, что ты делала в номере, как споткнулась, и почему взяла рисунок.

Глаза ошарашенно распахнулись.

– Это я должен был его забрать, – раздался голос, заставивший меня онеметь на целую минуту.

– Ты…

– Я никого не убивал, – быстро ответил он на мой не вымолвленный вопрос. – Это сделали до меня. Ребята здорово его приложили, спрашивали про какие-то деньги.

– И я должна в это поверить? – срывающимся голосом продолжала я разговаривать.

– Я вор, а не убийца.

Я замолчала. Как самнамбула, качаясь, я отошла к окну, нервно глотая подступившие комом слезы. Память сама возродила забытую картину до мельчайших подробностей.

Венеция, ранее…

Я жутко нервничала, стрелки часов уже показывали без пятнадцати два, а мне было далеко идти. Все здания казались мертвыми, улицы были до тоски пустыми, мокрыми. Вода серела в каналах, небо нависало той же серой обреченностью и сбрасывало свои слезы на городской камень. Я шла по переулкам и улочкам, пытаясь скорее дойти до нужного здания, вертела головой, пытаясь высчитать нужный дом, торопилась. Наконец, впереди замаячило нужное здание.

Я влетела стрелой в холл гостиницы, и, так же, бегом, побежала по лестнице, даже не закрыв зонта. Пронесшись по коридорам ураганом, разбрасывая мокрые капли на ковер, подбежала к нужной двери. Зонтик закрылся. Стряхнув капли дождя с волос и плаща, я решила войти. Подняла руку, чтобы постучать, как дверь приоткрылась сама.

Меня это немного смутило, но не испугало. Не знаю почему, не иначе, как сам черт дернул, я сделала шаг за порог – глупость, которую не стоило совершать. Я вздохнула поглубже, тихонько входя внутрь номера.

Стояла гробовая тишина. Не было и намека на то, что кто-то был в номере. Я замерла на несколько секунд у двери, сделала шаг вперед, за ним другой, приблизилась к окну, повернула голову направо. В тот момент я точно уже не искала мужчину и забыла про то, что хотела сказать, действовала механически, как человек в незнакомом месте. В дверном проеме спальни, прислоненной к стене, я увидела странную картину: все перевернуто, занавески летают, гробовая тишина.

– Где мужчина? – подумала я. – Бардак в спальне! Зачем? – и направилась в комнату, чтобы рассмотреть получше.

Сделав пару шагов, ушла дальше от порога, вдруг упала. Упала незадачливо, растянулась прямо на полу, споткнувшись обо что-то, руками залезла во что-то мокрое. Сумка слетела с плеча, ее содержимое рассыпалось. Я чертыхнулась и стала вставать, чтобы понять, во что я вляпалась. Рука, оказалась в крови, неудачно дотронулась до какой-то бумаги, ощутив неудобство. Грудь вздохнула поглубже. Лоб сморщился от неприятных ощущений, я повернула голову, и… Глаза от ужаса стали как блюдца. Я увидела помешавший мне предмет, отшатнулась, облокачиваясь руками, и опять зацепилась за что-то, на сей раз твердое. Меня трясло, грудь сжало, глаза были на выкате. Я закрыла их и открыла снова. Жуткая картина не исчезла. Я подумала, что в пору зареветь, но сразу отогнала от себя эту мысль. Передо мной лежал труп мужчины с залитой кровью грудью. Такое чувство, что его потрошил какой-то мясник. Его грудная клетка была словно пробурена и часть внутренней плоти вытащена наружу, лицо – в жуткой гримасе боли, хуже чем на полотнах Караваджо. Глаза переместились ниже. Мои руки были в крови и тряслись как на тренажере. Рядом лежал лист бумаги, очень старый, с изображением женского лица. Волосы женщины были растрепаны, на голове – венок. На листе отчетливо проступил отпечаток руки, сделанный кровью.

Я еле стала, сотрясаясь всем телом, перешагнула через мертвое тело, и понеслась к ванной. Меня рвало какое-то время, потом я отвернула кран, и по белой эмали раковины побежала розовая струйка. Беспрерывно сотрясаясь, я вытерла руки, отмотав приличный кусок бумажного полотенца, и вышла из ванной. Самое страшное было ползать вокруг этого трупа, собирая в сумку свои вещи. Когда рука дотянулась до листа с изображением женщины, я снова чертыхнулась про себя. Спутать было невозможно. Если это – подлинник, то это был рисунок века!

Я попыталась аккуратно оттереть следы своих рук, но кровь уже застывала. На глаза навернулись слезы. Еще раз глянув на дверь и пару раз бесполезно потерев рисунок, чтобы удалить отпечатки, я не придумала ничего умнее, как запихнуть рисунок в свою сумку, благо та была большая.

В истерическом напряжении, я чуть не выскочила из номера, но вспомнив во время об отпечатках, принялась спешно их ликвидировать. Закончив, с бешено бьющимся сердцем, побежала к выходу, запихивая окровавленную ткань в сумку, и открывая зонт. Я пронеслась мимо стойки портье, даже не посмотрев, есть ли он там. Меня жутко трясло.

И в таком ужасном состоянии, я галопом прошла из одной части Венеции в другую, совсем не ту, где располагался мой отель. Я дошла до площади, села на ступеньки церкви и закрыла зонт. Дождь побежал по моему телу, а я смотрела вдаль как умалишенная, пытаясь прийти в себя. Через несколько минут, мне открылась дверь, и священник пригласил зайти внутрь. Я повиновалась, зашла в дом Господа, опустилась на скамейку и заревела.

Мои глаза смотрели на стекла, за которыми шумел Париж.

– Это – причина, по которой ты мне помог? – глядя в окно, задала я вопрос.

– Нет, я… – он подошел ко мне как можно ближе. – Я помог, по…

– У меня нет рисунка, – резко сказала я.

– Ты его уничтожила? – с ужасом произнес Поль.

– У меня его не было, – строго сказала я.

Он молчал, стоял возле меня, пронзая своими голубыми глазами.

– Так что можешь перестать рисковать жизнью.

Глаза наполнились слезами, понимая, что опять попалась по-глупому.

– Катрин, – сорвалось с губ мужчина, который наблюдал, как я резко стала удаляться от него, убегать из квартиры.

Ноги все быстрее несли меня к входной двери.

– Постой, – схватил он за плечи. – Я объясню.

– Что? – ревела я. – Нечего здесь объяснять. У меня нет с собой рисунка, альтруизм не поможет тебе его получить.

– Да послушай! – убеждал он меня.

– Пусти.

Тут руки сцепили мое тело кольцом, а рот закрыли губами. Я от шока поначалу не поняла, что происходит, не верила в то, что Поль, такой галантный и спокойный, способен на пылкий экспромт. А секунд через пять, может через семь, а может через десять, я слабо помню, потому как нежность, доселе неведанная, захватила в плен. Я стояла, чувствуя, как руки перемещаются по телу, трогают лицо, как рот целует не только губы, но и щеки и лоб.

– Что ты делаешь, – вспомнила я, наконец, французский.

– С ума схожу, – произнес он тихо.

Он выдохнул, и медленно обнял меня за плечи, уткнувшись носом в волосы. Продолжал стоять и молчать. Успокоившись, через минуту я сама начала говорить.

– О каких деньгах шла речь?

– Я не понял точно. Услышал крики из укрытия, когда двое мужчин покинуло номер, я вышел из укрытия и заглянул внутрь комнаты. Коллекционер был уже мертв, или почти мертв. Я не успел взять то, что мне было нужно, потому что в номер вошла ты. Мне не удалось снова спрятаться как следует, и потому, я видел, как ты споткнулась о труп, как упала и вляпалась рукой в лужу крови, как в попытках отползти от трупа, дотронулась рукой до моего рисунка и забрала его с собой.

Я молчала и думала, уткнувшись в грудь Поля, пыталась сложить картинку воедино.

– Судя по их упорству – сумма не маленькая.

– Они обыскивали номер? – пыталась я выяснить как можно больше подробностей.

– Наверное, – ответил Поль.

– И ничего не нашли? – продолжала я спрашивать.

– Я не знаю, – ответил он.

– Говорили на итальянском? – задала я очередной вопрос.

– Нет, по-английски, но с акцентом, – опешил Поль.

– Туда еще кто-нибудь приходил? – очередной вопрос звучал долго.

– Не знаю. Ты забрала рисунок, и мне нечего было там делать. Я пошел за тобой, – ответил мужчина.

– Ты шел за мной? – посмотрела я на Поля, отстранившись.

– Ходил по всему городу, пока ты не вернулась в отель.

– И больше не видел этих мужчин? Как они выглядели?

– Я их не видел, я прятался, – пожал Поль плечами. – Слышал только голоса.

Я заглянула ему в глаза.

– Почему я тебя не заметила?

– Мне тоже интересно, – усмехнулся он. – Я даже столкнулся с тобой специально у входа в церковь, но ты извинилась и не обратила на меня никакого внимания.

Я морщила лоб, стараясь припомнить его, но мне это не удавалось. Еще бы, в тот день у меня перед глазами стоял труп мужчины и больше ничего. Труп мужчины, который должен был кому-то деньги, за что и был убит. Возможно, та флешка, что была найдена мной в сумке позже, имеет к нему отношение. Но почему я не помню, как взяла ее?! Я собирала высыпавшиеся вещи внимательно, ничего не упустила, за исключением браслета, который был в кармане плаща и выпал незаметно для меня, когда я споткнулась. Вот только как мой заботливый родственник мог узнать о том, что случилось? Если он был одним из тех мужчин, то не мог видеть меня, не мог найти браслет, я пришла позже. Поль его тоже не видел. О чем он меня спрашивал? О флешке, о рисунке? Что я могла такое взять, что очень дорого стоит? Он запутан в каких-то темных делах, в которые я влезла по глупости, точнее – по стечению обстоятельств, и теперь должна вернуть ему что-то. Что? Деньги, которые в глаза не видела, или рисунок? Если деньги, то скорее всего, они не материальные. Рисунок – тоже стоит прилично. Знать бы о какой сумме речь?

– А что это за рисунок? Почему к нему такой интерес?

– Набросок Дюрера, – пояснил Поль.

– Женщина, – произнесла я. – Я не понимаю причину страстей? Рисунок хотят продать?

– Рисунок хочет купить один известный коллекционер, но тайно, – ответил Поль после недолгой паузы.

– Так ты и на этой сделке погорел? – вздохнула я, сочувствуя мужчине, так как прекрасно знала, каково стать жертвой обстоятельств и невезения.

– Точно, – кивнул головой Поль. – Мама всегда говорила, что надо жить праведно! – он поднял глаза к небу. – Я владелец антикварного магазина, у меня большие связи, но приходится оказывать услуги подобного рода, так как они очень дорого стоят.

– А, почему ты сразу не забрал рисунок? – задала я разумный вопрос.

– Не смог, – лаконично ответил мужчина.

– Отнял бы у меня сумку, пока ходил за мной по пятам весь день.

– Ты была такой испуганной, – улыбнулся он невзначай. – Я как завороженный шел за тобой и сам не знал почему. Ходил по пятам целый день, чувствуя запах твоих духов. Помню, ты зашла в церковь и горько плакала, а я сидел и неотрывно смотрел на тебя со скамейки издалека. Даже столкнулся с тобой у входа специально, но ты не обратила на меня внимания.

Я хмурила лоб, ничего подобного не припоминая.

– Хочешь, скажу самое невероятное, – добавил мужчина тихим голосом и мягко улыбнулся.

– Говори, – свела я брови у переносицы, готовая услышать даже то, что Земля квадратная.

– Из Венеции в Париж мы ехали вместе, на одном поезде, в одном вагоне.

Я не верила ни единому слову, только что прозвучавшему в воздухе, и все же смотрела на мужчину завороженным взглядом.

– В поезде я сидел напротив тебя, тихо, даже не пытался заговорить с тобой. Словно изо льда, ты сидела и никого не замечала. Я гадал, что с тобой случилось. Всю дорогу не отрывал взгляд от тебя. Ты молчала и тихо вытирала слезы украдкой, – голубые глаза смотрели на меня неотрывно. – Ты меня совсем не помнишь? – тихо произнес он с долей досады.

Я помнила только то, что действительно ревела всю дорогу и вытирала украдкой слезы, но соседа напротив не помнила. Глаза наполнились слезами, как и тогда, а руки поползли по его шее.

– Мне так страшно, – произнес срывающийся голос.

Руки Поля крепко обняли мое тело.

– Скажи, что все будет хорошо, – слезы стали капать сами собой.

– Все будет хорошо, – произнес мужчина по-французски мягким тоном.

Я покрепче обняла его, пытаясь поверить словам, и не переставала лить слезы.

– Успокойся, – легкий поцелуй лег на щеку, затем на вторую, потом опять и опять, губ коснулся очередной поцелуй.

Я сама не заметила, как целовала его и успокаивалась невзначай. Такое приятное чувство разливалось по телу, что разум туманился, прекращать поцелуй не хотелось не под каким предлогом.

– Значит, ты следил за мной? – спросила я, переводя дыхание.

– Следил и охранял, чтобы с тобой ничего не случилось, – улыбнулся мужчина мягкой улыбкой. – Сначала я хотел забрать у тебя рисунок, украсть чемодан. Но когда ты сошла в поезда, понял, что ты приехала с одной сумкой, а в ней он отсутствовал, я проверил. Пришлось проводить тебя до квартиры и немного понаблюдать, чтобы с тобой ничего не случилось. Но на мое удивление, возле тебя начали крутиться какие-то люди, Татьяна, например. И именно они вели себя подозрительно, а не ты.

Поль взял меня за руку, отвел в свой кабинет и стал рыться в огромном шкафу с папками, старыми листами, бумагами, книгами, которые были свалены в кучи на полках, без какой либо системы, как ворох грязного белья. Наконец, он вывалил часть содержимого на пол, вытащив огромную книгу, немного затертую, и положил ее на поверхность стола с шумом. Перебрав несколько страниц, он остановился и пригласил меня посмотреть.

– Угадаешь? – мягко улыбнулся он, указывая на рисунок, точную копию того, что я забрала.

– Не уверена до конца, но похоже на рисунок гравюры Дюрера «Меланхолия», – я робко посмотрела на Поля.

– Живой глаз! – улыбнулся Поль.

Он снова подошел к шкафу, порылся в нем немного, и нашел желаемое. Что-то упало с полки: книги, свертки, но Поль не обращал внимания на беспорядок, даже не попытался поднять и положить на место упавшие вещи. Он отошел от шкафа с огромной книгой в кожаном переплете, не закрыв дверцы, и с грохотом положил находку на стол, чтобы полистать страницы.

– Вот, – ткнул он пальцем на изображение гравюры во весь лист.

– Наиболее таинственное произведение – резная гравюра из меди, датирована 1514 годом.

Поль с восхищением смотрел на произведение великого мастера северного Возрождения.

– Здесь все ответы на вопросы человека, – светились голубые глаза в восхищении.

– Ну и что же ты видишь на ней? – я подошла ближе.

– Морской берег, безграничная даль воды и сумеречное небо за девушкой – точно как на том рисунке. Я подозреваю, что набросок он сделал еще в Венеции.

– Мне тоже кажется, что набросок лица похож, но не настолько похож на лицо девушки с гравюры.

– Это не удивительно, материал другой, нельзя сравнивать медь и бумагу. К тому же Дюрер в своем творчестве больше внимания отдавал гравюре, а не рисунку.

– Думаешь, это лицо могло принадлежать Венецианке, с которой он познакомился?

– Это не важно, женщина – символ, как и все остальные предметы. Например, мышь – символ ночи и тайн. Венеция, с ее бесконечными водами, способными утопить все тайны, и сумерки всегда скрывают преступления. Тайна, что случилась с девушкой ночью под шелест волн с каналов, сделала ее задумчивой и меланхоличной. Весы как символ выбора: смалодушничать или нет? Если неверно взвесить обстоятельства, человек ведет себя неподобающим образом. Сам человек, который всегда обманывает, увлекается чем-то новым или кем-то. В противовес ему – собака, символ верности. Кошелек – это деньги или жажда денег, которые также искушают человека.

– Ну если ты еще и ангела к этому привяжешь, я буду впечатлена, – улыбнулась я.

– Это может быть не ангел, а ребенок. Женщина сидит с венком на голове. Венок всегда был атрибутом весны, а также продолжения жизни, беременности. Возможно, ей предстоит выбор, между деньгами, то есть богатой жизнью, и ребенком, необходимостью стать матерью.

– Тогда это действительно рождает меланхолию в душе, – вздохнула я.

– Удивительная находка, – вздохнул он с наслаждением.

– Если он настоящий, – озвучила я сомнение вслух.

– За подделки не убивают, – произнес он неожиданно для меня.

Я вздрогнула и отшатнулась от страха. Страшная догадки мгновенно возникла в голове. Поль резко обернулся и понял свой промах.

Глава 4

После долгих и затяжных успокаивающих поцелуев и объятий, а также разговоров о рисунке, я уговорила Поля отпустить меня домой. Все это напоминало сказку об Аленьком цветочке, когда я обещала только найти нужный ему предмет и тут же вернуться обратно. Только трагедия была в том, что в той квартире ожидали не сестры с любящим отцом, а пустые комнаты, которые я вовсе не желала видеть, и холодная пастель, в которой невозможно было согреться. И сама квартира принадлежала тому, кто был для меня опаснее лютого врага, хотя был моим родственником. Так или иначе, но вернуться было необходимо из-за того, что нужно было решить свои собственные сложности. Единственное, что меня радовало в погоне за чужой картиной, – то, что Поль снабдил меня хоть какой-то информацией об украденном рисунке из номера, где было совершено убийство. И ничего об убийстве.

Итак, если суммировать, вот что я узнала: мой родственник замешан в темных делах, где фигурируют большие деньги и интересы состоятельных людей. Кто он сам, чем занимается, какое место занимает в иерархии – я не знаю. Он уверен, что я была в номере. У него мой браслет, который я потеряла в номере, значит он тоже там был. У убитого мужчины были деньги и рисунок. Что-то из них ему надо? Если он обыскивал мой чемодан, мог найти рисунок.

Я думала всю дорогу, молчала и походила на ледышку. Когда поездка закончилась, Поль остановил машину, дотронулся до моей щеки, чтобы растопить лед. Я вздрогнула, улыбнулась и вышла из машины. На прощание помахала рукой и пошла к двери дома. Миновав двор, я мельком взглянула на окна, которые были неплотно занавешены. В квартире не было света. Еще не совсем стемнело, сумерки только начали сгущаться.

Я прошла к лифту, нажала кнопку, тот громко зашумел, спустился вниз и открыл передо мной свою пасть. Ступив внутрь, нажав пальцем очередную кнопку, я облокотилась спиной о стену и вскинула к небу глаза.

– Боже, что теперь? – задала я сама себе мысленно вопрос. – Что мне следует делать?

Чувство усталости навалилось как-то сразу, непонятно из-за чего. Скорее из-за того, что придумать решение нависшей сгущающейся тучей проблемы я никак не могла. Ключи загремели в руках, хлопнула дверь. Я вошла в квартиру и закрыла за собой дверь с шумом. Было темно и тихо. Моментально скинув туфли, я почувствовала, что готова свалиться от усталости. В голове мелькнула мысль, что надо зажечь свет, потому, медленно расстегивая пуговицы пиджака, я начала приближаться к выключателю, как неожиданно для себя замерла. Слух напрягся. Я встала как вкопанная, ощущая что-то шестым чувством.

– Что-то не так! – подумала я.

Руки оторвались от пуговиц, повиснув внизу, стали холодными и ненужными. Я подалась вперед. Медленно, на цыпочках, боясь вздохнуть, осматривая территорию, шагала дальше вперед. Прошла по коридору, мимо столовой и кухни, прямо к гостиной. Дом, обратно тому, что обещал Поль, не представлял собой побоище. Все было чисто и пусто. Шаг за шагом продвигаясь по темной квартире я наблюдала, что все стоит на своих местах. Вдруг мое тело остановилось, замерло. Сердце бешено забилось от страха. Стоя в давившей тишине квартиры, где не горел свет, я ощутила то, что заставило сердце сумасшедше забиться – присутствие постороннего человека. Существование чужака словно обволокло все пространство квартиры, настойчиво сообщая о том, что территория уже занята.

Я сглотнула, еще раз неровно вдохнула и выдохнула. Ничего не оставалось, как идти вперед, стягивая пиджак, идти вдоль коридора до самой гостиной, не ожидая ничего хорошего. Когда ноги ступили на территорию гостиной, глаза устремились вперед и разглядели силуэт в темноте. Сердце ёкнуло. Я сделала еще шаг, все сильнее тряслась от страха, протянула руку к выключателю и нажала кнопку.

Свет мгновенно вспыхнул. Картина глаз не обрадовала: напротив, в кресле сидел человек, морщившийся от резкого света. Глаза в эту минуту у него были не яростными, они были налиты кровью от злости. Замирая от страха, я прислонилась к стене, чтобы не потерять равновесие из-за трясущихся коленей. Человек сидел, неотрывно смотрел, долго и мучительно, въедаясь взглядом в каждый сантиметр моего тела. Судя по виду, приехал не сегодня, в крайнем случае – рано утром, ждал меня очень давно и успел потерять терпение. Я боялась издать звук, не то, что произнести слово, он тоже хранил молчание, поджимая рот время от времени. В воздухе витало густое напряжение, которое заставляло колотиться сердце в бешенном ритме. Мужчина ждал, когда я подойду, говорил об этом глазами, все так же непрерывно и неподвижно сидя в кресле, ни один мускул на теле при этом не дрогнул. И тело повиновалось его внутренней силе, такой мощной, пугающей, превращающей в беспомощную зверюшку, идущую на закланье. Шаг за шагом приближаясь к нему, мне становилось все страшнее, но я шла, сокращая между нами расстояние. Мужчина приподнял чуть голову и начал водить по мне глазами, словно ищейка, пытаясь что-то отыскать. Ничего не отыскав, еще раз поджал губы и произнес.

– Ну, и что все это значит? – спросил он, покосившись на телефон.

– У меня сел телефон, – тихо ответила я, опуская глаза.

– Зарядить было нельзя? – зарычал его голос.

– Зарядное устройство я положила в чемодан, который остался у тебя.

– Очень удобно, – фыркнул гость в ответ. – Когда домашний телефон разрывался, что останавливало снять трубку?

Я подняла глаза и захлопала ими.

– Как я могла подходить к телефону в твоем доме?

Он вздернул бровь.

– Если бы меня спросили, где ты, что бы я ответила?

– Я звонил тебе! – крикнул, доведенный до бешенства мужчина.

– Откуда я знала, что это ты, – начала я оправдываться, заламывая руки. – Сегодня ты, завтра еще кто-то.

– Еще кто-то, – передразнил бархатный голос, а потом мужчина свел на переносице брови, что-то обдумывая. – Черт возьми, ты еще что-то натворила?! – закричал он, вставая против меня.

Я отскочила от него на шаг.

– Говори! – приказал он.

– Что? – не понимая ничего, спросила я.

– Кто мог тебя искать здесь? – грозно произнес его голос.

– Никто, – тихо ответила я, срывающимся от страха голосом.

– Тогда что тебя останавливало снять трубку? – продолжал мужчина мучить вопросами мое расшатанное сознание.

– Я не хотела ставить тебя в неудобное положение, – несла я бог весть что.

– А, по-русски?

– Я подумала, что никому не стоит знать обо мне. Нет тебя дома, и никого нет.

– Бред полнейший! – он морщил лоб, ничего не понимая.

– Все же обошлось? – спросила я тихим голосом.

– Что обошлось? – прикрикнул на меня мужчина со всей мощью своего бархатного голоса.

– Тебе виднее, – ответила я.

– Ты издеваешься? – еще громче стал бархатный голос.

– Я… – еще тише стал мой голос.

– Где ты была? – спросил он в тихой ярости, остановив свое лицо слишком близко к моему.

– За городом, – хлопнула я глазами, чтобы не умереть от страха.

– Я сказал никуда не уходить! – процедил мужчина сквозь зубы.

– Мне скучно сидеть дома постоянно, – снова залепетала я. – Я же вернулась.

– С кем? – еще настойчивей произнес он.

– Одна.

– Одна? – спрашивал он одним взглядом, не веря ни слову.

– Я…

– И ты, что? – опять недоверчиво, гневно произнес он.

– Мне было страшно сидеть в квартире совсем одной. На улице людно, не так страшно.

Он замолчал, въедаясь в меня глазами, что-то обдумывал и хмурил брови. Замер, бегая по мне карими буравчиками, и замялся с ответом.

– И как поездка? – еще на несколько сантиметров приблизился он, пытаясь доказать самому себе и мне, что я вру.

– Так себе, – тихо произнесла я.

Мужчина снова начал бегать по мне глазами и о чем-то думать.

– Я думала о тебе, – вдруг брякнула я, будто дернутая чертом за язык.

Он стал еще молчаливее, но приблизился плотнее, не отпуская взглядом.

– И что со мной? О чем ты думала?

– Тебя не было, – тихо продолжала я.

– И?

– Я беспокоилась.

Он стоял рядом молчаливый, опасный, а я не знала, куда себя деть. Уйти просто так мне не позволили, стоять так близко было страшно и неприятно, сердце замирало. Мне сложно было предугадать его реакцию, и тут он сам мне помог. Рука поднялась и приблизилась к моему плечу. Пальцы готовы были дотронуться вот-вот, подушечки почти коснулись платья, как звук мобильного телефона разлетелся по квартире. Он встрепенулся, завертел головой в поисках предмета, производившего шум, а у меня бешено забилось сердце.

Мужчина резко схватил трубку, валявшуюся на столике, уставился на дисплей и стал грозным как туча. Телефон продолжал разрывать тишину и светиться. Илья повернулся в мою сторону, перевел взгляд на дисплей, снова нахмурился и нажал кнопку. Я подалась в сторону.

– Алле, – ответил он на звонок.

Я стала удаляться, нечаянно, попалась ему на глаза.

– Куда? – вдруг резко раздался голос.

Я вздрогнула, повернулся и показала пальцем на дверь на балкон.

– Я не буду мешать, – промямлила из последних сил.

– Да, – снова произнес он кому-то, открывая ладонь от телефона. – Уже?

Ему снова что-то сказали, а я медленно побрела до конца гостиной, открыла дверь на балкон и вышла, чтобы взглянуть на Париж. Мужчина остался в гостиной, но все время разговора он провел, наблюдая за мной через окна. Его взгляд так усиленно впивался в меня, что становилось физически неприятно. Я пыталась укрыться от его взгляда, но ничего не помогало. Перед глазами опять встали картины с Полем, его нежный взгляд и голубые глаза, и я мгновенно ощутила, насколько сильно хочу к нему. Сбежать прямо сейчас из этой ужасной квартиры, моментально, вылететь стремглав, даже без пиджака, бежать без остановки пока не окажусь рядом с Полем в его спокойной квартире, полной шкафов с книгами по истории искусств, антикварной мебели и картин. Снова заглянуть в его глаза, в те необыкновенные, светлые и ласковые глаза влюбленного мальчика, который в шестом классе поделился с мной карандашом. Сзади же на меня смотрели совсем другие глаза, от них стыла кровь, в животе

все сворачивалось, нервы мгновенно взвинчивали, и приходилось прилагать огромные усилия, чтобы выглядеть спокойной. Мужчина отключил телефон, ел меня темно-карими глазами и кривил недовольно рот с двумя маленькими родинками по краям. Мне оставалось только отвернуться и отойти дальше от него хотя бы в мыслях.

Через несколько минут дверь открылась, и я оказалась на балкончике вдвоем с «долгожданным» гостем. Он остался в гостиной, но открыл дверь, чтобы разговаривать со мной.

– Пояснишь? – тихо произнес его красивый бархатный голос.

– Мне нечего рассказывать. Я была здесь и ждала тебя.

– Это я понял, – ухмыльнулся он так, что я догадалась – мне достанется.

Вернувшись монотонными шагами обратно в гостиную, я обернулась и увидела его прислонившимся к стене, скрестившим грозно руки, неотрывно следившим за моими передвижениями, мрачным, неестественно тихим. Уже совсем стемнело, и Эйфелева башня заблестела многочисленными искорками, врывалась сквозь вечернюю темноту в окна гостиной. Илья пощелкал выключателем и оторвал себя от стены.

– Хочу выпить, – как-то напряжено произнес он.

Я помолчала, а потом медленно обернулась к нему.

– Я принесу, – тихо ответила я.

– Здесь есть?

– Схожу в магазин, здесь недалеко, – ответила я и медленно стала идти к выходу, натягивая пиджак, то и дело вздрагивая и боясь его оклика.

Он следил, не скрывая своего недоверия, пошел следом вдоль гостиной, затем по коридору до самой двери. Наблюдал, как я взялась за ручку, открыла дверь, уже ступила за порог, не произнес ни слова, но пугал молчанием. Неожиданно, уверенная, что вот-вот выйду на свободу, я почувствовала человека за спиной и вздрогнула. Мужчина дернул меня за плечо, развернул спиной к выходу. Карие глаза приблизились. Родинки зашевелились возле рта. У меня все оборвалось. Два темно-карих круга, напоминающие по цвету раухтопаз, забегали по мне, впивались в лицо.

– Я быстро, – промямлила сорвавшимся голосом.

Отстранялась назад, пытаясь не делать резких движений, чтобы его еще больше не провоцировать и, наконец, увернулась. Точнее, он немного отстранился, что позволило перевести дух.

– Деньги не хочешь взять? – излишне спокойно, давяще произнес голос высокого мужчины.

– Да, конечно.

Я повернулась к своей сумке и протянула руку. Он резко встал между ней и мной, сунул руку в карман и вытащил кошелек.

– Думаю, хватит.

– Теперь он обыщет и эту сумку, – невесело подумала я.

Я нервно улыбнулась, взяла протянутые деньги и развернулась на пятках. Быстрым шагом спустилась на первый этаж по ступенькам, причем быстрее лифта, и уже тут, зажав рот руками, тихо стала трястись в истерике. Это был полный крах! Я ощущала себя в трясине: чем сильнее пытаюсь выбраться, тем сильнее увязаю. Что же происходит вокруг?!

Немного взяв себя в руки, я выскочила из подъезда и мельком взглянула на окна. Он наблюдал. Не переходя дороги, что разделяла набережную и дом, я прошла под окнами в направлении, где меня не было видно из окон или с балкона. Перебирая ногами по серому тротуару, не оглядываясь, цокала каблуками, кутаясь в пиджак. Прохожих почти не было. Я ускоряла шаг.

Магазин замаячил своей вывеской. Двери открылись, полки набитые алкоголем виднелись в глубине. Рука спешно схватила корзину, я следовала мимо полок с хлебом, пытаясь

вообще ни на кого не смотреть, прошла вдоль рядов с молочной продукцией, похватала что-то спиртное и заспешила к кассе, как вдруг заметила самое невероятное. Тело встало, я присмотрелась и распахнула от удивления глаза.

Женщина, блондинка с аппетитными формами, стояла у кассы и преспокойно оплачивала товар. Ее рука протянула карточку к кассовому аппарату, потом ловко взяла чек и побросала покупки в сумку. Женщина развернулась, колыхнула грудью, направилась к выходу. Я оцепенело, с бешено бьющимся сердцем, кинула корзину и выбежала на улицу. Женщины не было. Я резко завертела головой и едва уловила ускользающую за угол фигуру, после чего бросилась в нужном направлении. Только завернув за угол, я притормозила и снизила скорость. Женская фигура медленно шла по улице и тащила сумку, отдалялась от улицы, на которой стоял мой дом, что удивляло все больше. Минут через десять она тряхнула головой, остановилась и села за столик в кафе. Мне пришлось примоститься на углу дома на другой стороне улицы и начать наблюдать за ней. Женщина сидела, вертела головой, покачивала туфелькой на одной ноге, перекинутой через другую. Время шло. Мои ноги устали стоять в одной позе, пришлось переминаться с ноги на ногу, мышцы заныли, как вдруг удача улыбнулась. За столик сел мужчина. Насколько я могла понять сцену в кафе, сейчас происходило ничто иное, как деловая встреча.

Они пропустили прелюдию, ни поцелуев, ни пощечин и обвинения, после сухого кивка друг другу перешли к делу. От любопытства я забыла даже о неудобной позе, в которой стояла. О чем говорили мужчина и женщина услышать было невозможно, но их встреча явно не собиралась перерастать в скандал с нападками и ворохом претензий, скорее это походило на встречу заговорщиков. Мужчина что-то ей говорил, она постоянно кивала, ничуть не спорила, что-то отвечала. Кульминацией стало то, что она сунула ей пачку денег, которые были быстро спрятаны в рюкзак, что он принес с собой. Простоватый рюкзачок, мало пригодный для переноски крупных сумм денег и хорошо отводящий внимание. Думаю, лучшего камуфляжа, чем потрепанный рюкзак для спортивного похода, – не найти. Мужчина встал и удалился, женщина спешно сделала то же самое, подхватив пакет с продуктами. Татьяна встала во весь рост, выпрямила грудь и медленно зашагала вперед по улице. Делать было нечего, я двинулась за ней.

Каблуки цокали, сумка оттягивала женщине руки, я то и дело петляла между прохожими, пытаясь не упускать из виду добычу. Несмотря на увесистую покупку, она вовсе не спешила взять такси или воспользоваться метро, чтобы добраться до места назначения, вместо этого семенила по улочкам, выбирая наименее людные, дошла до восьмого округа, и наконец, начала спешить. Стрелки часов через пол часа должны были показать девять. Уже изрядно стемнело, мне приходилось прикладывать усилия, чтобы не потерять женщину, так как шла я от нее на довольно таки приличном расстоянии. Татьяна прибавила ходу, и минут через десять вошла в здание банка. Я удивилась и припустилась следом. Подошла к стеклам витрины, чтобы получше рассмотреть происходящее внутри. Женщина что-то сказала служащему, после чего он снова опустил глаза к столу, а Татьяна последовала наверх.

Как только она скрылась, я дернула ручку двери. Каблуки снова застучали по полу, чем привлекли внимание служащего. Он ту же встрепенулся, напрягся и стал ожидать, когда я дойду до его стола.

– Здравствуйте, – только и успела произнести я.

– Сожалею, мадмуазель, но мы закрыты, – тут же произнес мужчина.

– Вот как, – сделала я удивленное лицо. – А я только что видела женщину, которая входила сюда, и вы ее обслужили.

– Наверное, вы ошиблись.

– Ничуть. Я только что видела, как сюда вошла блондинка, и вы любезно пропустили ее на второй этаж.

– О, – улыбнулся мужчина. – Вы неправильно поняли мои действия. То была не клиентка. Мадмуазель пришла по личным делам.

– По личным? У меня тоже личное дело.

– Нет-нет, мадмуазель, – снова замотал головой мужчина. – Мадмуазель, она имеет личное дело к директору банка.

– Но у меня тоже дело, и если надо, я поговорю с директором.

– Да нет же, – разнервничался мужчина, пытаясь мне что-то объяснить. – Поймите. Мадмуазель – не посетительница.

– А, кто? – давила я на психику. – Владелица?

– Это знакомая месье Эрво, Председателя правления банка, – очень тихо произнес мужчина, чтобы я оставила его в покое и покинула здание.

– А-а, – протянула я, вроде как начав соображать. – Тогда, может, вы мне поможете.

– Мадмуазель, я же говорю, мы закрыты. Приходите завтра. Я вам обязательно помогу.

– Ну, можно я хотя бы мужу позвоню, чтобы он меня забрал.

– Там звоните, – указали мне на улицу пальцем.

– Вы же видите, у меня нет сумки, ее только что украли. Нет денег, чтобы вызвать такси. Муж послал меня в магазин… – начала я плести небылицы, чем заставила мужчину вскипеть.

– Короче, что вы хотите?

– Можно мне позвонить мужу, чтобы он меня забрал? – жалостливо произнес голос.

– Вот, – кипя от нетерпения и негодования, мужчина протянул мне трубку, – звоните и уходить, прошу.

Я мило улыбнулась, забила пальцами по дисплею, после чего стала ждать, слушая гудки.

– Алле, – раздалось в трубке.

– Привет, ты не мог бы меня забрать прямо сейчас из банка?

– Что ты делаешь в банке? – ошеломленно произнес голос на другом конце.

– Чем скорее, тем лучше, – пропустила я вопрос мимо ушей.

– Что ты там забыла?

Я не ответила и на второй на вопрос, назвала адрес, точнее улицу, с которой можно было увидеть вход в банк, но нельзя было увидеть смотрящего, и положила трубку. Мужчина с покрасневшим от злости лицом ждал, когда я удалюсь. Даже на спасибо не ответил, только еще раз попросил выйти вон. Я надула губы, сделала лицо как у куклы без интеллекта, и вышла. Оказавшись на улице, припустилась к назначенному мной месту встречи и стала ждать. Время шло, из банка никто не выходил. На улице стало совсем темно. Я пару раз поправила пиджак, еще раз переступила с ноги на ногу, и снова погрузилась в ожидания. Вдруг резко все зашевелилось. На конце улицы появилась машина, притормозив возле меня. Я оторвала себя от места, подбежала, быстро открыла дверь и села в машину.

– Привет, – улыбнулся водитель. – Что все это значит?

– Смотри, – указала я пальцем на входную дверь банка.

Мужчина с большим животом, лысоватый, весьма неприятной наружности, приоткрыл дверь, выпуская пышногрудую блондинку. Простояв с полминуты на тротуаре, они дружно сели в подъехавшую к ним машину. Водитель нажал на газ и двинулся вслед за отъезжающей машиной.

– Как думаешь, что все это значит? – наблюдая за отдаляющимся бампером, произнесла я.

Мужчина хмурил лоб, неотрывно глядя на дорогу.

– Не представляю, – ошеломленно и сдавленно ответил голос мужчины.

– Служащий сказал, что она – знакомая месье Эрво, Председателя правления банка.

– Что? – удивленно произнес мужской голос. – Ты уверена?

– Зачем ему врать?

– Вот дела! – чертыхнулся сосед. – Председатель правления – Валери Эрво, мой благодетель, – с сарказмом добавил мужчина.

– Думаешь, она его любовница? – попросила я подтвердить догадку.

– Нет, она не может быть его любовницей. Не в его вкусе.

– А мужчину, что сел в автомобиль вместе с ней, ты знаешь? – спросила я. Поля.

– Нет, впервые вижу, – ответил Поль. – Татьяна замешана в похищении картины, уверен. А сделку мне навязал Валери, как и сделку с рисунком.

Я слушала молча размышления Поля.

– Похоже, твой благодетель хочет тебя подставить, – вздохнула я.

– Думаешь? – спросил Поль, очевидно, сам вывел подобный вердикт.

– Сам посуди. Полчаса назад я видела, как Татьяна встретилась с мужчиной в кафе. Они преспокойно поговорили, после чего она отдала ему крупную сумму денег, попрощалась сухо. Затем прямиком пошла в банк. К кому?

– Навряд ли они любовники с Валери, – произнес Поль. – Но ты права в том, что их связывают общие дела. Дела с картиной.

– Тебя подставили, это очевидно. Картину продали без тебя! Но для всех, ты – тот, кто ее спрятал от покупателей и продавца. Возможно, с рисунком тебя тоже подставили, использовали ту же схему.

– Ты забыла, рисунок забрала ты, – ответил Поль.

– Я сделала это случайно. Но тот, кто пришел убивать коллекционера из-за рисунка, собирался выставить виновным тебя.

– Мне это представляется сложным, – покачал головой мужчина.

– Как еще можно объяснить твое появление в номере в назначенный срок для убийства?

– Совпадением, – взглянул на меня Поль голубыми глазами.

– Я могла бы в это поверить, если бы так скоро не произошла аналогичная ситуация с картиной. Тебя хотят устранить, либо из бизнеса, либо физически, отдав на съедение волкам: продавцу и недовольным покупателям.

– Дальше, – кивнул Поль, внимательно меня слушая.

– А дальше ничего, – пожала я плечами. – Вот только … – протянула я, и встретив вопросительный взгляд Поля, продолжила, – я думаю, зачем Татьяне отдавать деньги? Это часть денег за проданного Ренуара? Она посредник? Наличные, неучтенные налогами, без каких-либо следов сделки, и заметь, после передачи средств, она пошла рассказать об этом прямо к твоему благодетелю, который, вроде как, ищет картину вместе с тобой!

– Ну, если учесть, что странные сделки с рисунком, с картиной мне навязал Валери, то твои выводы верны. Ему надо от меня избавиться, – вздохнул Поль. – Вряд ли ее продал этот олух, Жан! Он сделал то, что ему велели: легко забрал картину, солгал мне, отнес картину в назначенное место и забрал деньги. Спрашивать надо не у него, где картина сейчас!

Поль развернулся немного ко мне.

– И все же, в Венеции у убитого коллекционера требовали иные деньги! Сумма была намного значительнее, чем та, что можно было получить за рисунок. Я не могу понять, потому что не знаю деталей, но его убили не из-за рисунка. Он был не нужен убийцам, – Поль настаивал на своих выводах и убеждал меня в том, в чем был абсолютно уверен.

– А мужчин ты рассмотрел? – спросила я.

– Плохо, – мотнул он головой. – Оба говорили по-английски с акцентом. Это я запомнил. Один среднего роста, очень спортивный, возможно даже, военный. А второй – садист. Он живого места на коллекционере не оставил. Ты сама видела, – сказал мне Поль, заставив вспомнить ужасную картину с изуродованным телом на полу номера.

Я молчала и смотрела на ехавшую вдалеке машину. Перед глазами стоял труп. Я помнила каждую деталь его изуродованного тела. Поль аккуратно вел, пытаясь не попасться на глаза тем,

кого мы преследовали, и как только машина оказалась на шоссе, что вело из города в пригород, почему-то резко затормозил.

– Что случилось? – спросила я.

– Я знаю, куда они едут, – ответил голос Поля.

– Куда? – насторожилась я.

– У Эрво роскошный старинный особняк в пригороде. Они едет к нему домой.

Я замолчала, как и Поль. Мы оба смотрели вперед на дорогу, ушли в свои мысли ненадолго, а потом водитель снова завел машину, развернулся и понесся в город. Машина быстро пробегала обратные километр за километром, в салоне висела тишина.

– Скорее всего, – начал Поль, – ты права. Картину они уже продали, причем не тому, кто хотел купить ее у меня.

Тяжелый вздох вырвался из груди мужчины.

– Катрин, ты должна отдать мне рисунок, иначе мне вообще не отвертеться, – Поль бросил на меня взгляд своих голубых глаз.

– Я попробую, но быстро не получится, – тихо произнесла я.

Мы оба замолчали ненадолго.

– Послушай, – у меня в голове мелькнула мысль. – Если твой благодетель подставил тебя, мы также можем подставить его.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился Поль.

– Надо, чтобы все убедились, что в номере гостиницы была Татьяна, а не я, – внимательно смотрела я на лобовое стекло, через которое была видна машина. – Татьяна взяла рисунок, взяла деньги, которые ищут, картину видели у нее, она и должна за все оправдаться вместе с месье Эрво, с которым она в близких отношениях.

– Но, с чего бы другим поверить, что деньги взяла она?

– Ты – свидетель. Ты видел ее. И рисунок взял у нее, – надавила я.

– А если другие скажут, что она – не та девушка из Венеции.

– Не скажут, – ответила я, абсолютно уверенная.

– Почему?

– Меня никто не видел, ты сам говорил, – твердо произнесла я, хотя моя уверенность основывалась на другой причине, имя которой было «Илья». – Он мне поможет, – пообещала я сама себя, – даже если мне придется наплести ему сказки, все равно поможет. Я хотела помочь ему, когда отправилась в номер человека, который прислал записку о том, что ждет Илью. Хотела предупредить, что Илья не придет и наткнулась на труп. После этого у меня все пошло кувырком! Теперь очередь Ильи сделать для меня доброе дело. Пусть у него тоже все смешается!

– Мне все-таки непонятно, как ты это хочешь сделать? – произнес Поль.

– Я еще сама все не продумала. Главное для тебя, следить за событиями, и подбросить информацию о том, что женщина из Венеции скорее всего Татьяна. А когда тебя попросят опознать ее, ты опознаешь. В этом случае, тебе будет легче доказать сговор месье Эрво с ней в ущерб интересам твоих клиентов. Возможно, они его сами накажут.

– Какое изощренное коварство, – произнес Поль.

– Поль, мы с тобой просто защищаемся, – произнесла. – Тебя кинули и подставили, меня хотят убить. Абсолютно ни за что! Мы с тобой, пешки в чужой игре, которыми хотят пожертвовать. Я на тот свет не собираюсь!

– Я тоже! – вздохнул Поль. – В номере была Татьяна.

Я улыбнулась и поцеловала его в щеку, после чего и он улыбнулся. Машина понеслась обратно, к дому из песчаника, с квартирой на шестом этаже, выходившей окнами на набережную и Эйфелеву башню. На середине пути я спохватилась.

– Поль, – произнесла я.

– Что?

– Отвези меня в магазин.

– Какой магазин? – удивился он.

– Продуктовый.

– Зачем? – еще более недоуменно позвучал его голос.

– Мне нужно сходить в магазин, – ответила я, пожав плечами.

Поль немного тряхнул головой и через несколько минут припарковался у входа. Я вышла, направилась прямиком к полкам, где стояли крепкие напитки. Поль ждал в машине и не подходил, чтобы помочь. Я махнула рукой и взяла обе бутылки, виски и коньяк, уверенная, что Илья одной не обойдется. Потом я решила купить обыкновенной еды, чтобы объяснить свое долгое отсутствие. Более того, уламывать Илью отдать мне вещи в голодном состоянии все равно, что плевать в пропасть. Нагрузившись, я вышла из магазина и плюхнулась с пакетами на сидение салона. Ключ повернулся, мотор загудел, и меня повезли к дому. Поль притормозил у самого входа, не выключая мотор, нахмурился и стал смотреть вперед. Я схватила пакет и хотела было открыть дверь, чтобы выйти, как заметила его взгляд. Он еще больше напрягся. Пришлось повернуться, отпустив ручку.

– Что-то не так?

– Там ведь кто-то есть, да? – пробурчал он еле слышно. – Не говори, что одна все это будешь есть.

Я быстро взглянула на окна и увидела, что света нет. Можно было продолжать врать.

– Я же говорила, что квартира мне не принадлежит. Мне просто разрешили пожить там. Оставлю хозяину полный холодильник, если сама не съем.

– Зачем ты возвращаешься? – капризно и с долей ревности в голосе произнес мужчина, чем несказанно удивил.

– Где же мне жить? На улице?

– У меня, – давяще произнес голос.

– Это не возможно, – хохотнула я.

– Почему?

– Потому что, тогда, как порядочный человек, ты вынужден будешь на мне жениться, – я еще раз улыбнулась, пытаясь перевести разговор в шутку.

– А если я хочу, – рука мужчины обвила шею сзади, пальцы чуть коснулись щеки.

Лицо приблизилось, голубые глаза заблестели, что заставило мозг моментально отключиться. Погрузившись в сладкий плен губ, я позабыла о главном. Его руки все крепче обнимали и прижимали к себе, мне сложно было гнуть свою линию, приводить какие-либо доводы, сложно было даже придумать и доказать самой себе, почему я сейчас должна уйти от него.

– Останься со мной, – тихо произнес Поль.

– А рисунок? – сглотнула я.

Он чуть отстранился и посмотрел на меня.

– Он тебе нужен, – напомнила я мужчине.

– Где он? Он у него? – резко произнес Поль.

– У кого? – удивленно вскинула я брови.

– Я знаю, что квартира принадлежит не тебе. И она давно пустует, я поинтересовался! – резко произнес Поль.

– Ну и что, – я улыбнулась.

Поль промолчал. Только тяжело вздохнул. Я решила его успокоить, чтобы он не мучался ревностью, не придумывал себе ничего.

– Мой родственник ничего плохого мне не сделает, иначе ему придется объяснять это своей же маме, и моей. Не переживай, – поцеловала я его еще раз, чтобы развеять сомнения.

– Родственник? – переспросил Поль.

– Наши мамы как сестры, только не родные.

– Но не родные, – надавил Поль.

– Мне лучше держаться от тебя подальше, чтобы никто не видел сговора во всем происходящем, чтобы твоим словам о Татьяне поверили, – я постаралась сменить тему об Илье на животрепещущую, о том, как выбраться из сложившейся ситуации.

Я вышла из машины, оставив Поля и пошла домой. Меня терзало то, что Поль теперь будет сходить с ума от ревности. Так как один ревнивец в моей жизни уже был, и кстати, ожидал меня в Москва, то сейчас ревность Поля могла очень навредить делам. Я только молилась, чтобы она не помешала ему трезво мыслить и сделать все как мы договорились. Шаг за шагом по ступенькам медленно шла обратно в свою тюрьму, лихорадочно смотря на часы и соображая, как объяснять двухчасовой поход в соседний магазин, поднялась на шестой этаж и встала прямо перед дверью, которая была чуть прикрыта. Толкнуть ее не составило большого труда, переступать порог было гораздо труднее. Мне и раньше было жутковато здесь находиться, а с приездом хозяина стало невыносимо. Страх выворачивал наизнанку кишки, сердце беспрерывно замирало, мурашки устраивали тараканьи бега по коже. Я ненавидела себя за то, что поддаюсь и играю в его игры, ненавидела за то, что у меня нет сил сопротивляться, хотя первостепеннейшим инстинктом у человека всегда был инстинкт выживания. Я же в своих действиях сама шла в пасть хищнику, где-то в глубине души рассчитывая на то, что дождусь от него пощады или выбью жалость, что явно было ложью самой себе.

Я кинула пакеты на стол на кухне и нашла Илью на балконе. Он стоял, глядя на ночной Париж, и даже ни о чем не думал, просто ждал. Ждал как я все те дни до его приезда: сидела, любуясь роскошным видом города, днем и вечером, в ожидании хозяина. Сидела и ждала его, не приезжавшего. Сидела и сходила с ума от отчаяния, не зная, что происходит. Сидела и молилась, чтобы все разрешилось, и я вернулась бы домой к своей старой жизни.

Совсем стемнело, все было едва различимо. Я приблизилась и протянула бокал. Жидкость колыхнулась и застыла в стеклянном сосуде, завладев на мгновение его взглядом, потом медленно все вокруг стало растворяться в ночной темноте.

– Ну, и где ты шлялась?

– Никак не могла решить, что лучше: виски или коньяк, – заглянула я в его карие глаза.

– И то, и то люблю, – тихо ответил он.

Я вдруг почувствовала, как у него сильно забилось сердце.

– Для этого потребовалось два часа? – раздался голос человека, который утопал в моих глазах.

– Хотела угодить, – тихо и мягко произнес мой голос, чтобы не злить мужчину напротив.

Я еще немного постояла, наблюдая, как он пьет, не отрывая от меня взгляд, о чем-то думает, и отошла к перилам.

– Я хочу домой, – тихо произнесла я, полагая, что алкоголь сделает его мягче и добрее.

Темно-карие глаза впивались на меня как в собака в кусок мяса, хозяин квартиры стал опасно молчалив. Пришлось отвернуться в сторону и обхватить себя руками, чтобы не поддаться панике.

– Тебя там никто не ждет, – вдруг раздался голос в ночи, так тихо и страшно, что показалось, будто я ослышалась.

Я снова повернула голову, уставившись на него округлившимися от удивления глазами. Илья стоял и смотрел своими темными глазами, прожигавшими дыру, внушал страх и трепет.

– Ты о чем? – удивилась я произнесенной фразе.

– Я сказал твоему жениху, что ты не вернешься, – раздался бархатный голос, красивый, как горький мед.

Оторопев, я хлопала глазами, глядя в упор на мужчину. Мне и верилось, и не верилось.

– Попытаешься вернуться домой – останешься без головы, – тихо произнес голос.

Лоб наморщился.

– Думаешь, те люди просто так тебя отпустят, после того, что ты у них забрала. Они будут ловить тебя везде: в аэропорту, на железной дороге, даже в автобусных парках. Их много, кому-нибудь попадешься в руки.

Лоб нахмурился еще больше.

– Тебя разорвут на мелкие кусочки, – снова произнес красивый бархатный голос ужасные слова.

Я интуитивно верила, но анализируя, отказывалась верить его словам, его поведение казалось абсурдным. Что я забрала? У кого? И почему вдруг я не должна возвращаться? И почему вдруг ему должен был поверить Леша? Если бы поверил, то первым же рейсом полетел бы сюда. Скорее всего, Илья ему не звонил. Но с какой целью этот фарс?

– А если ты заупрямишься, то они начнут изощряться на твоих родных. Начнут с любимого, потом перейдут на родителей…

Его глаза смотрели так яростно и зло, что я верила каждому слову, хоть они и противоречили логике. В них была ненависть и жажда крови, ничего больше. Таким взглядом смотрит солдат на своего ненавистного противника, в нем нет жалости или сострадания, он готов идти до конца, чтобы получить желаемое.

– Где это? – надавил голос.

– Что? – все еще хмуря лоб, смотрела я в темно-карие глаза, которые в ночи были черными как цвет камня раухтопаз в темноте.

Он покусал губы. Его родинки возле двух уголков рта зашевелились.

– Отдай, тогда с тобой ничего не случится, – продолжал бархатный голос, убедительный и пугающий, не смотря на свою красоту.

– Что отдать? – прошептала я едва слышно.

– Отдай, – еще ближе стало его огромное тело.

– Что? – едва слетело с губ.

– Хватит притворства! – крикнул он, схватив за плечи. – Отдай, или с жизнью расстанешься!

– У меня ничего нет, – тихо произнесла я, похолодев внутри от страха.

Он подтащил меня ближе и заблестел глазами.

– Это не шутки! Ты можешь оказаться в том же положении, что и тот мужчина в Венеции.

Я вздрогнула и замолчала, продолжая смотреть в его глаза, ничего не понимая. О чем именно он спрашивает, о рисунке или и флешке?

– Отдай, – глухо произнес голос.

– Я клянусь, у меня ничего нет, – наполнила я слезами глаза. – Я хочу домой, – слезы закапали на пол.

– Ты останешься здесь, – пророкотал голос над моим ухом, – пока не отдашь, что взяла.

Я подняла на него глаза, начиная его ненавидеть.

– У меня ничего нет!

– Есть! – давил бархатный голос.

– Тебе нравится издеваться? – я сопротивлялась как крыса, загнанная в угол.

– Очень, – тихо и пугающе ответил он. – Где то, что ты взяла?

– Ты теперь до бесконечности будешь задавать мне этот вопрос? У меня ничего нет, – твердо ответила я, потому что мне было все равно, даже если он начнет меня пытать раскаленным утюгом или резать вживую.

– Игры продолжаются, – вздохнул он.

Я всхлипнула еще пару раз, опустила глаза в пол, смотрела, как слезы капают. Он помолчал, бегая по мне глазами, придвинулся еще ближе и схватил за шею, заставив поднять глаза.

– Думаешь, ты до бесконечности сможешь играть со мной в эту игру? – угрожал красивый мужской голос.

– А тебе бы этого хотелось?

Сердце у него екнула, и я это почувствовала.

– Это игры больших дядей с толстыми кошельками, маленьким девочкам в них не место, – говорил он, приближая ко мне свои глаза.

– А ты какую роль играешь? Ты не толстосум, или ты на побегушках?

Родинка около уголка рта дернулась, сделала крюк и вернулась обратно. Он сдержался, но я его задела.

– Я тот, кто еще может тебе помочь, – ответил Илья на мой вопрос.

– Да ты мне уже помог. Век не забуду.

– Если проживешь.

Я замерла.

– Мило, – скривила я рот. – Если проживу. Убери от меня руки! Не трогай меня никогда, – завопила я, выведенная из себя.

– Что так? – начал он сильнее цепляться за тело. – Или тебе неприятно.

– Не выношу тебя. Отцепись, – ногти были пущены в ход, но и это не сильно помогло.

– Не выносишь? Правда? – издевательски произносил бархатный голос.

– Пусти немедленно!

Он вздохнул глубже, прищурился, снова дернул уголком рта и промолчал.

– Тогда отдай!

– Нет у меня ничего!

– А если я допрошу с пристрастием? – нагнулся он ближе.

– Валяй! Хочешь, помогу избежать дальнейших проблем? Ванна есть, ножи тоже. Вскрыла вены – и все в порядке. А ты потом сможешь обыскать еще раз мои вещи и убедиться, что у меня ничего нет, – шипела я как настоящая змея, брызгая словами вместо яда.

Тут он резко схватил меня за волосы и потащил, причем так быстро, что я опомниться не успела, но успела удариться обо все, что только можно, подтащил к самому краю перил и нагнул вниз, перекинув через перила. Я от ужаса вцепилась в его руки. Перед глазами были только его карие глаза, которые казались абсолютно черными в ночи, с ярким огнем внутри как будто от лазера. Сейчас он точно походил на чудовище из ужастиков. Говорят, что в такие минуты перебираешь имена всех богов, чтобы спастись. Я даже этого не смогла, застыла от ужаса, как загипнотизированная.

– Теперь как? Все еще хочешь умереть? – держа за лацканы пиджака, произнес он.

У меня от страха пропал и дар речи, я лишь цеплялась за него и смотрела. Он тоже смотрел и, наконец, сообразил, что перегнул палку, перепугал сверх меры. Руки притянули меня обратно, и он замер, снова уставившись на меня.

– Мне нужна эта вещь, и я ее получу, – тихо произнес бархатный голос, чтобы до меня дошла вся серьезность положения.

Мои глаза так же заморожено смотрела на него, что окончательно заставило в его голове укорениться мысли о том, что сейчас от меня ничего не добиться. Оглядев с недовольством еще, вздохнул и потащил мое тело обратно в дом, так же вцепившись мне в волосы. Обращался как с кошкой, которую хватают за шкирку, и тащат. И я шла, податливо и не соображая особо. Впихнув меня внутрь, он плотно захлопнул дверь на балкон и навис надо мной как туча. Рука дотронулась до волос, наконец, освобожденных, и стала растирать болевшее на голове место. Разум блуждал где-то очень далеко, а тело стояло и не шевелилось.

– Можешь идти поплакать о своем Леше, – в приказном порядке произнес голос. – Заодно подумай о своем положении.

Ноги потащили меня в спальню, которая давала приют голове не раз, чтобы теперь позволить уткнуться в подушку и выплакать все. Я повернула ручку двери и включила свет. Меня ужаснуло увиденное. Он спал на моей кровати, точнее – на своей. Как теперь я буду на ней спать? Я снова потянулась к выключателю, свет погас, медленно села на кровать и уставилась в темное окно. В груди трепетало сердце, в голове не было никаких светлых мыслей – сплошной ком.

– Что теперь? – вот главный вопрос, который я задавала самой себе.

Я сидела, сжимала холодные пальцы и вздрагивала каждый раз, когда слышала шум вдалеке. Слезы сами собой катились по щекам потоком, я не предполагала, что обладаю таким запасом. Прохныкав с час до такой степени, что стала болеть голова, я двинулась в ванну.

Преимущество роскошных парижских квартир в том, что у каждой спальни есть собственная ванна и гардеробная, а это значило, что он уснет в другой комнате, а я не увижу его до утра. Схватив его серую кофту без спросу, которой я все это время согревалась холодными парижскими ночами, лежа одиноко в этом доме, до жути пугавшем, прикрыла дверь, стянула с себя все, залезла в ванну и пустила воду. Она побежала по белому дну, поднимаясь все выше, затопляя тело. Я подняла голову в потолок и забылась на полчаса.

Перекинув ноги через бортик ванной, я ступила на кафельный пол и схватила полотенце. В зеркале отразилось мое лицо, и глаза сразу отвели взгляд. Я прижала полотенце поближе и еще раз взглянула. Мне совсем не хотелось смотреть на себя, но я заставляла, помня о просьбе Поля. Смотреть в отражение было неприятно, отчего дыхание учащалось. Рука провела по коже. Не выдержав, я резко отвернулась от зеркала и забегала глазами вокруг по ванной комнате. Не найдя ничего интересного, схватила холодной рукой серый свитер и облачила свое тело в шерстяную ткань. Рука потянулась к волосам. Я продолжала стоять спиной к зеркалу, и медленно водила расческой по волосам, пытаясь себя успокоить.

Немного поостыв от монотонных действий, я, наконец, решилась выйти из ванной. Идти мимо пустых полок гардеробной было уже привычно, но раздавшийся звук телефонного звонка стал полной неожиданностью. Сердце мое окончательно оборвалось. Я выскочила из гардеробной как ошпаренная, но опоздала.

Илья сидел прямо напротив на кровати и вертел в руках мой телефон. Единственно хорошее, что было во всей ситуации, это догадка о том, что мой чемодан находится где-то в квартире, если Илья успел найти зарядное устройство. Я замерла, наблюдая, как пару раз нажав на панель, его лоб сморщился.

– Спокойной ночи, любимая, – медленно произнес он.

У меня кончились силы, опустив глаза чуть ли не на свою грудь, как можно ниже, я медленно приблизилась к кровати и положила расческу.

– Прилетай скорее. Я уже скучаю.

После этой прочитанной вслух фразы, я подумала, что может, все не так плохо.

– Целую и люблю. Твой будущий муж.

– Как ты смог его зарядить?

– Тривиальным способом, – ответил он и указал на лежащее недалеко зарядное устройство.

– А разблокировать?

– У тебя не сложный пароль, и у меня было время заметить его и запомнить, – произнес голос с издевкой.

– Чемодан должен быть где-то поблизости, – подумала я, а вслух произнесла. – Тебя мама не учила, что брать чужие вещи, а тем более читать чужие послания – некрасиво.

– Ты ему звонила? – Илья переменился не только в лице, но и в голосе, что заставило меня обернуться.

Он уже зависал надо мной, полыхая гневом.

– Я же сказал, никому не звонить! – больно схватив за руку, заорал он.

Мне бы вполне хватило его рявка, чтобы испугаться, а от такого наплыва эмоций, я просто впала в ступор, хлопая глазами, не могла вымолвить ни слова.

– Зачем ты ему звонила? – давяще тихо произнес голос.

– Я должна была приехать и позвонить, – пожала я плечами. – Хочешь, чтобы все стояли на ушах и выясняли, где я?

– И где ты? – так же тихо спросил голос.

– В Париже, – ответила я.

– Для них? – рявкнул он.

– В Париже, – еще более тихо произнесла я.

Он зарычал, начиная выдыхать воздух из груди, как дракон пламя.

– И что ты здесь делаешь?

– Заехала по пути на несколько дней.

Он гневно продолжал смотреть.

– Ты вообще ни о чем не знаешь, – решила смягчить его этой фразой.

– Да при чем здесь это?! – наконец освободив мою руку, он зашагал туда-сюда по комнате.

Я медленно подошла к кровати, схватила белье и поправила подушку, только бы не смотреть на него. В какой-то момент отчетливо почувствовала взгляд знакомых глаз на себе. Шаги прекратились, хозяин застыл где-то недалеко и наблюдал за мной. Это длилось бесконечно долго, ничего не осталось, как найти себе еще занятие – я стала прибирать разбросанные вещи. Илья молчаливо стоял, смотрел, злился. Жутко неприятно быть объектом столь пристального наблюдения, но приходилось держаться.

– А свитер мужской у тебя откуда? Ты сюда без вещей приехала, – вдруг произнес голос.

– Твой, – сглотнув от страха подступивший к горлу ком, ответила я.

– Мой? – мужчина как-то странно уставился на мое тело.

– Я одолжила ненадолго. Надеюсь, ты не против, – мне пришлось заглянуть ему в глаза для убедительности. – Было холодно спать… раздетой, – пауза получилась неуверенно длинной.

Илья притих, потер рот рукой и стал пристальнее смотреть.

– Я не помню такого свитера, – произнес настойчиво голос.

– Он лежал в третьем ящике снизу, во втором шкафу, – начала я, – вместе с черным и двумя синими.

Его брови сомкнулись.

– Кстати, раз уж зашел разговор… можно мне мои вещи обратно? – тихим голосом произнесла я, давя на жалость знакомым способом.

Он все молчал и водил глазами.

– Мне уже надоело таскать одно и тоже.

– Потерпишь, – презрительно произнес он и потер рот ладонью.

– В своих вещах я выгляжу лучше, – заискивающе произнесла я.

– Ты и в этом хорошо смотришься, – тихо и давяще ответил он.

Я мысленно чертыхнулась и отвела взгляд, продолжила ставить вещи на место и молилась, чтобы он, наконец, пошел к себе и оставил меня в покое, но чуда не произошло. Расставляя вещи, я затягивала как можно дольше, но было тщетно. Мне жутко не хотелось нового скандала и зависаний из окна, хотя все к тому шло. Когда дел больше не осталось, пришлось повернуться и начать диалог.

– Я буду ложиться, – тихо произнес мой голос.

Он еще раз обвел меня глазами, потер рукой рот, медленно начал двигаться к двери мимо. Из моей груди вырвался облегченный вздох.

– Спокойной ночи, – произнес он, встав напротив.

Я сдержалась, лишь бы его не провоцировать.

– Спокойной ночи, – лучше быть вежливой, чтобы все прошло гладко. – Я не буду тебе мешать, если останусь спать здесь?

– Не будешь, – тихо произнес он.

Я сморщила лоб, не понимая, почему он не уходит. Стоит и смотрит на меня. Глаза полыхнули в темноте, оборвав мне сердце. Вокруг талии скользнула чужая рука. От испуга у меня пропал голос. Мужчина снова полыхнул в ночи глазами и ухмыльнулся. От страха тело задрожало как осиновый лист, внутри все твердило «нет, пожалуйста», в голос не произносилось ничего. Мужчина напирал и двигался к кровати, пресекая попытки оттолкнуть. Его рука так больно заломила мне шею сзади, что в глазах встали слезы, вопреки всем стараниям сдержаться. Я смотрела огромными от ужаса глазами на лицо с оскалом, которое напоминало больше звериное, чем лицо человека. Страх и ночные краски играли злую шутку с моим воображением.

– Целую и люблю, – произнес он издевательски. – Твой будущий муж, – уголок рта дернулся, поведя родинкой. Мужчина противно ухмыльнулся. – Притворишься, – игриво и словно спрашивая, произнес голос, – что я – это он?

От фраз мужчины я оледенела словно Антарктида, и через несколько секунд пронзительного взгляда карих глаз, ощутила, как рука с шеи соскальзывает, переходя на подбородок. Большой палец дотронулся до губ, от чего меня было готово вырвать прямо на месте от страха, затем рука поползла ниже, начав ощупывать грудь. Илья стянул с себя и с меня без промедлений и пререканий оба своих свитера, поднял мое лицо вверх и поцеловал. Я поморщилась. Он особо не старался быть пылким и нежным, прелюдия ему была не нужна.

– Ты мне поможешь? – опустив ладонь с лица, тихо произнес он.

У меня окончательно все оборвалось, стало ясно, что ничего хорошего ждать вообще не стоит. Его голова склонилась в желании дотронуться до губ и напоролась на лоб. Я опустила голову, чтобы хоть поцелуев избежать, выдохнула и потянулась руками к ремню на штанах. Илья, довольный от ощущения женских рук у себя на поясе, выпустил воздух из груди и дотронулся губами до моих волос.

Так долго на ночное небо я не смотрела никогда в жизни. Оно казалось бесконечно темным, хотя огни то там, то тут мелькали полосками. Цвет менялся по прихоти прожекторов, давая непонятные светопреставления полуночникам, звал вдаль малюсенькими огонечками, увлекая в далекий, мистический мир. Совсем неподалеку Эйфелева башня, которую из окон спальни мне было не видно, искрилась как одинокая манекенщица на подиуме, самозабвенно показывая свою красоту и давая людям возможность насладиться ею, лишь для этого и созданная. Странно и парадоксально было смотреть на такую красоту и ненавидеть все это. Горечь разбитых надежд пролилась по комнате и отравляла вокруг воздух вместе с теплотой тела и его дыханием. Мне было невыносимо лежать так близко рядом с ним, кутать тело в простыни, замерзая, но отодвигаться от него все дальше на край, испытывать тошноту от случившегося и пересиливать желание убежать в другую комнату, ненавидеть себя, потому что это была только моя вина. В тот раз я хоть сопротивлялась, в этот – струсила и сдалась без боя. Любой суд сказал бы, что оправданий тому – нет, и уж тем более я не могла найти их для себя.

Я немного пошевелилась, отодвинувшись еще дальше, вздрогнула и прижала посильнее простынь. Чернильное небо с отсветами и мерцающий в темноте город напоминали своей пьянительной красотой французские духи, сводящие с ума большинство людей восточными нотами, но для некоторых ноты шлейфа – отвратительно горьки. В данный момент я примыкала к той самой второй половине. Если бы мысленно составить духи из чувств, владевших мною, они стали бы смесью разъедающей глаза горечи, ледяного страха, и пустоты – бездны, в которой конца и края не видно. Я плотнее носом уткнулась в подушку, чтобы ощутить свой запах. Ничего похожего не было. Впрочем, так и должно быть, ведь свой запах – самый род-

ной, он должен нравиться больше всех остальных. Чужая рука вдруг дотронулась до спины и заскользила неумело, по-мужски пытаясь быть нежной. Раз – другой пройдясь, не получив от меня нужной реакции, отстранилась в бесполезном занятии, и уже лицо прижалось к спине горячими губами, жадно начав хватать кожу. Его дыхание обдавало, вызывая дрожь во всем теле, губы ходили вдоль позвоночника, доводя меня до тихой истерики. Мужчина еще плотнее прижался, губы жгли кожу поцелуями, нос путешествовал по волосам, вдоль шеи, жадно вбиравший запах. Я смолкла, молясь, чтобы не было продолжения.

– Ты – моя? – тихо произнес бархатный голос над самым ухом.

Я удивилась, потому что в интонации не было требования, скорее мольба. Медленно повернувшись, я замерла, разглядывая его, и еще немного помедлив, дотронулась до него рукой. Сердце любовника резко ухнуло, он склонился как можно ниже, замер и ждал, почти перестав дышать. Чем дольше рука скользила по телу, тем сильнее стучало его сердце, будто обрываясь с одинаковым промежутком времени, прыгало с обрыва в неизвестную глубину, без обещания вернуться, но все же возвращалось. Он склонился еще ниже и завис в желании получить поцелуй, каковое было столь настойчивым, что я не нашла никакого другого выхода, как исполнить его.

Простонав под ним еще полчаса, я окончательно потеряла всякую надежду на счастливый исход и беззвучно ревела в подушку, отвернувшись от чужого тела в кровати. Выждав немного, тихонько села, свесила ноги с кровати и на цыпочках пошла искать кофту, валявшуюся черте где. Натянув свитер, я также вышла на цыпочках из спальни, поплелась на кухню попить воды, чтобы притупить тихую истерику.

Напившись, вернулась в зал и уставилась в окно. Париж был таким красивым в ночи, что слезы моментально высохли. Я вспомнила знаменитые слова о том, что Париж – единственный город в мире, где можно обойтись без счастья. Мысли поплыли далеко вперед, представляя, как я буду здесь жить, я даже не видела ни Леши, ни тем более Ильи. Только прекрасный город и себя. Из грез меня вырвали шаги. Я подняла глаза и увидела хмурую физиономию Ильи, зависшего прямо надо мной.

– Пошли спать, – резко произнес его голос.

– Не хочу, – тихо ответила я.

– Пошли, – вцепился он в руку и потащил.

– Не хочу, сказала же! – закапризничала, думая о том, что нечестно доставать меня после всего.

Он разозлился, дернул и потащил в спальню, перекинув через плечо как ковер. Ему было плевать, что хочу я. Важны были только его желания. Может в кино такие сцены выглядят очень романтично, но в жизни – чувствуешь себя полной идиоткой, беспомощной и униженной. Он скинул меня с плеча на кровать столь же пренебрежительно, как и взваливал, прошел на свое место, лег, злобно глядя, повернулся спиной и задышал как дракон. Я показала язык спине – только на это смелости хватило, легла на подушку, так же повернулась спиной, стала злиться. Через полчаса, когда Илья монотонно дышал, а я окончательно замерзла, не выдержала мучений, сказала себе, что не стоит себя истязать. Это с удовольствием делают другие! Тихонько приблизилась к его спине, уткнулась холодными руками и носом в его теплую спину, согревшись, минуты через две спала как сурок.

Пышногрудая дама открыла дверь автомобиля и вышла на темную дорожку, которая вела к двери старого загородного дома, окруженного роскошным садом с густыми кустами и пышными кронами деревьев, которые в ночи казались угрожающими укрытиями для незваных гостей и злоумышленников. Вторая дверь автомобиля открылась следом. Некрасивый мужчина опустил ноги на темный асфальт. Дама прошла вдоль дорожки, окутанная ночной синевой, поднялась на три ступени выше земли и остановилась перед деревянной дверью. Она дожда-

лась своего спутника, протянула руки, смело дернула дверь. Оба ступили за порог и оказались в холле с роскошной лестницей и классической французской люстрой с капельками из стекла в центре. Никто не пришел их встретить. Женщина сама закрыла за собой дверь, прошла мимо лестницы, повернув направо, и оказалась в кабинете. Напротив двери за столом уже сидел мужчина. Ее спутник вошел за ней следом и устроился рядом на диване. Оба посмотрели на нее внимательно и проводили взглядом, когда она прошла ближе к дивану. Трое хранили молчание. Женщина села на диван рядом с мужчиной неприятной наружности, ее грудь высоко поднялась и опустилась от вздоха.

– Как наши дела? Все удачно? – спросил коренастый мужчина, абсолютно некрасивый, с крючковатым носом, который вдобавок гнусавил.

– Все отвратительно! – раздался ответ, и роскошная грудь опять вобрала воздух, затем тяжело выпустила, пытаясь таким образом снять напряжение. – Его не было в квартире. Его нет в Париже!

– Где же он? – удивились оба мужчины, приняв более ровное положение тела.

Говорил некрасивый мужчина внос, неприятным тембром, на американский манер. Сидевший за столом мужчина, ухоженный, стройный, несмотря на серьезный возраст, струной выпрямился в кресле, ему перестала быть нужной спинка кресла. Гнусавый мужчина подался вперед, пережав живот, лишь бы дотянуться до источника информации.

– Не знаю, может еще в Венеции, – ответила женщина и прижалась спиной к спинке кресла, открыв свою грудь для созерцания мужчин абсолютно.

Грудь продолжала колыхаться, но никак не могла привлечь внимание мужчин. Оба посмотрели друг на друга с тревогой, пытаясь отыскать в голове ответ на вопросы, используя логикой.

– Может, он догадался? Или выяснил, что происходит? Сможет? – с тревогой в голосе произнес холеный мужчина по-английски коверкая слова французским акцентом.

Второй пожал плечами. В глазах его стоял страх.

– Но это не самое интересное, – раздался голос женщины. – В его квартире какая то девица.

Двое опять замолчали, переглядываясь.

– Подружка?

– Не похожа, – ответила женщина. – Странно все очень! И квартира странная. Как будто в ней никто не живет давно. Мебель практически отсутствует, на полке его фото столетней давности, даже продуктов в холодильнике нет. В ванной только одна зубная щетка и шампунь из аптеки, наспех купленный. Никакого уюта, холодно ужасно. Она не похожа на женщину, которая ожидает возлюбленного в любовном гнездышке.

– Но, кто она? – раздался вопрос.

– Не знаю, но она русская, – произнесла женщина твердым голосом. – Связь между ними точно есть. Не могла она просто так оказаться в этой квартире.

– Он не пришел на встречу, – размышлял некрасивый мужчина вслух, гнусавый голос звучал в воздухе. – Вместо него пришла женщина, невысокая, тоненькая, ее ищут по всей Венеции. Может, это она?

– А цвет волос? – спросил второй мужчина.

– Да какая разница! Она и в парике могла быть! – махнул в ответ рукой его собеседник, на лбу его проступил пот.

– Она странная, – вздохнула женщина. – Смотрит и задает вопросы как ребенок, который пытается понять, что происходит вокруг. Если бы она все знала, была бы более отстраненной и осмотрительной.

– Это все Илия! Сукин сын! Только кажется открытым и компанейским, но всегда имеет что-то за душой, какой-то собственный план или тайную цель. Может, он ей голову заморочил? Может соблазнил, и она помогает ему, не подозревая ничего плохого?

– Она не выглядит влюбленной. Тем более, ей приглянулся твой протеже, – усмехнулась женщина.

– Поль? – удивился мужчина, он чего его аккуратные руки легли на стол ладонями вниз.

– Ты бы только видел, с какой самоотверженность он ей помогает, – закатила глаза женщина. – С чего бы это? Ты настоял?

– Нет! Я первый раз слышу о том, что они знакомы. Они вместе?

– Она ему явно нравится, – подтвердила женщина кивком. – У него глаза светятся, когда он на нее смотрит. Удивительно!

– Так я не пойму, она помогает Илие или она помогает Полю.

– Что касается Ильи, то его нет в квартире, значит помогать ему она не может. Что касается Поля, то это он ей помогает.

– Что это за девка? – разозлился некрасивый мужчина.

– Спроси у Поля. Что он тебе о ней расскажет, мне даже интересно.

Женщина полезла в сумку и достала ключи.

– Это ключи от квартиры, которые она мне дала. Отправь кого-нибудь туда, возможно, она придет и ее можно будет спросить более жестко.

Я встала с постели и подошла к окну. Отвращение от картины в утреннем свете становилось все сильнее. Такого стойкого омерзения я не испытала даже в Венеции. И в первую очередь от себя самой. Хотелось целиком содрать с себя кожу, такое отмыть просто не возможно.

– Господи! – я пыталась остановить слезы в глазах.

Мне сейчас больше всего хотелось заползти кому-нибудь под теплое крылышко и выплеснуть слезами все свои чувства. Проблема была лишь в том, что никого рядом не было, никто не ждал меня под своим крылышком, некому было жалеть, и я была вовсе не маленькая девочка.

– Из всего этого, как не хнычь, придется выбираться самой! – я сглотнула подступавшие слезы.

Его тело было так же распростерто на постели, как и в тот раз – будто в насмешку. Я снова отвернулась к окну и думала, прекрасно понимала, что он не отпустит меня, пока не узнает, где его вещь, понимала, что не отдам, и буду повторять «ничего не знаю» до посинения, потому что не доверяю ему. Бог знает, что он потом со мной сделает! Может, я вообще никогда не вернусь домой, просто сгину. Эта вещь – единственное, что пока позволяет мне защищать саму себя от него и от других. Если эти другие есть! Может, есть только он?

Я снова повернулась к постели и впилась глазами в спящего. Кто он? Чем занимается? Чем больше я думала о плохом, тем сильнее убеждалась в том, что все очень серьезно. Мурашки бегали по телу как ненормальные. Я стала кутать голое тело в свитер. Дрожь так и не унималась. Я снова отвернулась к окну. Возвращаться ли обратно? Если я вернусь, он побежит следом за мной и может еще что-нибудь выкинуть. И самое страшное: что если он расскажет правду Леше и другим? Что тогда? Лешу явно стоит держать от этого подальше, все придется решать самой. Хотя, что решать? Вопрос. В чем здесь дело? Меня могут убить?

Руки затряслись еще сильнее. Я усиленно гнала эту мысль от себя, а интуиция отчетливо говорила, что это – правда. Мне было ясно только одно – бесконечно играть в игру «верю – не верю» мы не сможем. Рано или поздно, а скорее рано, он сорвется, и в ход пойдет тяжелая артиллерия. Лежать на полу с развороченной грудью, как тот мужчина в отеле, я не хочу.

Я потерла лоб рукой. Убежать? Сейчас он неустанно будет следить за каждым моим шагом, намеренно ослабив поводок и заставив поверить, будто расслабился, и его бдительность

уснула. Придется играть роль доверчивой зверюшки. Единственное, что позволит мне ускользнуть, это если он потеряет бдительность. Как это сделать? Бдительность он теряет только в гневе. Ответила я сама себе на вопрос. А в гневе он страшен!

Я глубоко погрузилась в свои мысли и не заметила, когда он проснулся. На секунду глаза метнулись в сторону кровати, где лежал спящий, который вдруг распахнул глаза. Я замерла. Илья молча смотрел, не шевелился.

– Подойди, – тихо произнес сонный голос через секунды мертвой тишины.

От этой фразы меня окатило холодом. Я сглотнула, медленно зашагала в его сторону и встала около кровати.

– Ближе, – тихо произнес голос.

Я сделала еще шаг. Рука потянулась и дотронулась до моего колена. Она была горячей ото сна, ее тепло было приятным в осеннем холоде утра. Я замерла, позволяя мужчине делать то, что хочется. Рука медленно стала подниматься выше по ноге, все глубже увязая под его же собственной кофтой, и узнала, что под шерстью высокого качества прячется мое замерзшее от страха тело. В этом теле, в самой сердцевине, в эту ужасную минуту мое сердце замерло от страха, а внизу живота начались пляски ужаса, которые заставляли мурашки танцевать вальс на коже. Я боялась даже дышать, не то, что шелохнуться. Рука стала скользить тем же маршрутом обратно, отпустила ногу. Я выдохнула и только сделала шаг назад от кровати, как моя рука стала пленницей той же теплой руки. Я перевела на него взгляд, и замерла, прочитав в темных глазах только одно. Тело оледенело, я перестала дышать, поддавшись. Меня потянули на кровать.

Присела дрожащим телом, молчала как и он. Карие глаза отпустили мое лицо, оно его совсем не интересовало. Объектом интереса стала другая часть, с которой соскальзывало теплое шерстяное одеяние. Я подняла руки вверх и помогла освободить свое тело из теплого плена, отдав его в еще более теплый и жгучий. Конец действа был знаком до боли: я лежала, отвернувшись от него, и молясь, чтобы его руки больше ко мне не прикасались. Он, как медленно закипающий вулкан, лежал рядом и злился на меня. Я, нехотя, вздрагивала, чувствуя угрозу в его дыхании. Когда же подалась телом, чтобы сесть и свесить ноги, сильная рука тут же остановила.

– Я в ванну, пора вставать, – еле вырвала свое тело из клешни, и засеменила по холодному полу, кутаясь в серую кофту.

В ванну я забралась часа на два, лежала и ничего не делала. Безнадежность моего положения стала окончательно понятной в свете утра. И как меня только угораздило в это влезть? Не сиделось мне дома! Я костерила себя на чем свет стоит. И от злости стала тереть себя губкой, сильнее и сильнее. Наконец, раздался жуткий стук в дверь. Я закатила глаза и взвыла от негодования.

– Что?

– Открой! – раздался голос из-за двери.

– Есть другая ванная, – крикнула я и стала снова вдавливать гель на губку.

– Открой, сказал, – дернули резко ручку, после чего несколько раз стукнули в дверь.

Я мысленно пожелала отправиться Илье к своим сородичам – рогатым и хвостатым жителям преисподней, вылезла и открыла дверь.

– Долго ты здесь будешь замачивать себя как грязное белье? – начал он прямо с порога.

– Пока не стану чистой, – на зло ему я снова залезла в ванну, не желая отдавать хотя бы это.

Впрочем, ему она была и не нужна. Он давно принял водные процедуры и дышал чистотой. Руки снова схватили губку и начали водить по телу безо всякой пользы. Илья сидел на краю ванной и водил по мне глазами. Я усиленно таращилась на тело, избегая взгляда,

и водила губкой по коже, только причиняя боль однообразными движениями. Как и предполагала, кожу было не отмыть от воспоминаний.

– Не знал, что девушки так легко забывают женихов, – вдруг сказал он.

Я замерла и уставилась на кареглазого брюнета. Ударил он больно, того и добивался. Только вместо слез и терзаний во мне закипела злость и ненависть к нему, и я ударила его тоже.

– А я не знала, что родственные связи могут приобретать такую уродливую форму.

Он замер и уставился на меня еще пристальнее, задышав глубоко. И вдруг, абсолютно неожиданно, его замершее тело дернулось, а я оказалась головой в воде. Его рука усиленно давила сверху, мои забили от страха непонятно по какому предмету, но я не могла освободиться. Воздух почти исчез из легких, а я все била руками, голову глубже опустили в воду безо всякого сострадания. Кое-как нащупав пробку, я выдернула ее, и вода стала медленно спускаться вниз по водосточной трубе.

Он, наконец, отпустил, и я закашляла, вцепившись в ванну остервенело. Мужчина встал, абсолютно не обращая на меня внимания, вальяжно прошел к двери, схватил полотенце, вытер руки и швырнул его прямо мне в лицо, закрыл за собой дверь. Я тряслась, но не от страха, а от злости, понимала, что с каждой минутой ненавижу его все больше. Просидев еще немного в пустой ванной, замерзнув и окончательно расстроившись, я вылезла, начав кутаться в полотенце. Злость играла в венах. Я подошла к зеркалу, взглянула на себя и принялась за утренний туалет, взяла расческу, полотенце и стала сушить, а потом излишне аккуратно и изысканно укладывать волосы в пучок.

Из ванной вышла через гардеробную, влезла в свое полупрозрачное черное платье, стукнула в сердцах кровать, но все же заправиле ее, и покинула спальню очень неудачно – прямиком наткнулась на хозяина. Илья окинул меня взглядом и грозно рявкнул.

– Завтрак приготовь, я скоро.

Он накинул куртку. Хлопнула дверь, хозяин исчез. Я вздохнула, пошла на кухню, пожелав ему одновременно свалиться с лестницы, сломать себе шею, быть сбитым автомобилем и получить сердечный приступ прямо посередине улицы. Достав кастрюлю и налив воды, уставилась на содержимое холодильника. Набор продуктов был неинтересен. Глаза бегали по полкам, не пробуждавшим никакого желания ни то, что готовить, даже есть или смотреть, и вдруг попалось молоко. Я улыбнулась, схватила пакет, резко захлопнула дверцу холодильника. Вылив воду, налив молока в кастрюлю, открыла дверцы шкафа. Пришлось шарить по полкам минуту, другую, пока не обнаружилось искомое. Насыпав содержимое красной пачки прямо в закипающее молоко, я еще раз улыбнулась и стала помешивать варево. Посолив и добавив немного сахара, я мешала по часовой стрелке, и с каждым кругом у меня поднималось настроение. В завершении, чтобы сюрприз не сразу стал понятен, я сыпанула ванили, чей запах мгновенно разнесся по кухне, выключила огонь и стала ждать.

Минут через пятнадцать Илья вошел в кухню, кинул на стол сверток и сел за стол. Его взгляд был устремлен в окно и сосредоточен. Он подпирал рот кулаком и все больше хмурился, раздумывал напряженно и отрешенно, и мне стало понятно, что положение у него, а значит и у меня – не из лучших. Я достала конфитюр из холодильника, вытащила круассаны из пакета и поставила перед ним тарелку. Он повернул голову и замер.

– Что это?

– Овсянка, сэр, – ложка опустилась на салфетку.

– Ты издеваешься? – блеснули сталью его глаза.

– Каша – очень полезный для организма продукт, – улыбнулась едко я и открыла конфитюр, поставив поближе. – Особенно с утра.

Он смотрел на меня со всевозрастающей яростью, но молчал, демонстративно закатал рукава свитера, взял ложку и зацепил кашу. Я уставилась на него во все глаза, подперев голову руками, сидела рядом и действовала на нервы. Ел он, с трудом глотая каждую ложку, но все же

ел. Единственное, что не делал – не смотрел в мою сторону. Единственное, о чем жалела я, что манки в его кухне не нашлось, только овсянка. После того как ложка опустилась в пустую тарелку, я встала, забрала пустую тарелку, отнесла в мойку и налила кофе.

– С молоком и без сахара, – донеслось мне.

Рука поставила перед ним чашку. Вторая часть завтрака явно была более приятной для него. Он мазал круассаны маслом и джемом, и продолжал пялиться на меня, благо я стояла у мойки, а не рядом, и хоть как-то отгораживала себя от его карих глаз. Единственное, что занимало мозг сейчас, как поиграть у него на нервах. Светлых идей в голову не приходило.

– Сваришь еще раз, заставлю саму все съесть, – тихо и с угрозой произнес его голос.

– Не нравится – не ешь, я в поварихи не нанималась, – огрызнулась я с большим удовольствием.

– Язык вырву, – ответил он на колкость.

Я разозлилась и, обернувшись, показала язык. Он замолк, а я почувствовала его взгляд затылком.

– Нравится быть красивой даже с утра? – прозвучал неожиданно вопрос.

Эти слова произнесли как-то странно тихо, от чего я чуть не обернулась снова. Смысл был трудно уловим, но подтекст явно имел место. После продолжительной паузы, Илья зашевелился и встал из-за стола, желая продолжить странный монолог. Я замерла, приготовилась к худшему.

– Одевайся, пойдем на прогулку, – твердо приказал мужчина.

Я подняла на него глаза.

– Пусть и другие посмотрят, – схватив меня за подбородок, тихо и неласково произнес он, зло глядя глазами цвета раухтопаза.

Рука резко отпустила, грубовато, с долей пренебрежения, и он отошел. Я нехотя пошла за ним, туфли, пиджак натягивала с неохотой, постоянно вздыхала, мечтая убить его прямо сейчас. Он открыл дверь, пропуская меня вперед, шагнул следом. Лифт встретил своей легкой, ажурной ковкой, тускловатым светом, гулким шумом. Хоть он был стандартным для парижских домов конца восемнадцатого, девятнадцатого веков, мне жутко не хватало места, чтобы делить его с другим человеком, но причина была скорее в том, что я ехала в нем с Ильей. На первом этаже, после небольшого толчка, он остановился и выпустил из своей пасти на волю, что позволило отойти хоть на какое-то приемлемое расстояние от Ильи.

Погода стояла просто волшебная, солнышко грело камень старых зданий, асфальт, жителей города, еще кое-где зеленые деревья на бульварах и в парках. Золото разливалось повсеместно, ничуть не смущаясь того, что уже осень. Дома как картинки пробуждали романтическое настроение и удивляли красотой, сколько я ни старалась отгородиться от прекрасного пейзажа, напоминая, что стоит думать о другом, не могла не пропитаться атмосферой. Париж, даже против желания, влюблял в себя, очаровывал и затягивал все сильнее с присущим только французский столице шармом и легкостью. Народу было много, хотя и не достаточно, чтобы потеряться в толпе. Кафе с плетеными столами и стульями приветливо кивали по дороге, сидевшие мало обращали внимания на прохожих, отовсюду доносилась французская речь, чем-то вроде гула, а мои ноги обивали парижские улицы без какого-либо энтузиазма. Илья шел рядом, скрыв глаза за темными очками, серьезный, сосредоточенный в своих мыслях, сильно нервировал, от чего две маленькие родинки возле каждого уголка его рта подрагивали. Я с каждой секундой убеждалась в бессмысленности этой прогулки для себя, понимала, что попусту теряю время, поддаваясь его желаниям, мотивы которых прятались где-то в его голове, и мне были недоступны.

Мы направились на набережную, прошли весь шестнадцатый округ вдоль и поперек неспешной походкой, практически вернулись обратно к дому, и на протяжении всей прогулки Илья смотрел на меня через очки неотрывно, смотрел, словно изучал каждый сантиметр

на моем теле, раздражая меня. Вдалеке замелькал мост с пристанью для прогулочных трамваев. Через пятнадцать минут мы стояли на борту, глядя на блестящую воду и проплывающие мимо дома. Мне становилось все больше не по себе, ветер дул так неласково, что я начала мерзнуть, кутаться в бежевый пиджак, не имея иного способа согреться. Время потянулось бесконечно долго.

Мы в пятый раз проплывали знакомым маршрутом, картинка приелась настолько, что спокойно можно было определить время, через которое появится какой-нибудь пейзаж. Илья смотрел вдаль и думал. Я, устав бегать глазами по сторонам, смотрела на хмурое лицо спутника, пытаясь пролезть ему в голову. Точно определить его мысли я не могла, но приблизительно они заключались в одном: он не знал, что делать. И усиленно думал, хмуря лоб, смыкая брови, от чего взгляд становился грозным, а лицо угрюмым.

– Перестань, – тихо и твердо сказал его голос.

Я не отвернулась и продолжала созерцание лица, становившегося все угрюмее. Он повернулся и еще раз повторил.

– Не смотри на меня.

Я вздохнула и исполнила его просьбу своеобразным способом: медленно встала, отошла в другой конец трамвая, обняла себя руками и стала мерзнуть от страха. Его план действий перестал меня интересовать, потому как, мне следовало подумать о своем. Беготня с Полем особой пользы мне не принесла, найдется ли та, за кого меня приняли, тоже неизвестно, посему следовало отвязаться от Ильи как можно скорее и вернуться в Москву к жениху. Вот только это казалось мне самым сложным, потому как флешку я ему не отдам. Хоть бы что-нибудь случилось, чтобы у него еще больше голова опухла от проблем. Как было бы хорошо, если бы он забыл о моем существовании, как делал на продолжении всех этих долгих лет своей жизни заграницей. Стоило подумать о счастливых моментах, как виновник бед тут же возник за спиной. Широкие плечи зависли над головой, темно-карие глаза забегали по телу, оставляя ощущение, будто по коже проскальзывает лазер. Я решила язвить.

– Хочешь столкнуть меня за борт? – высказала я предположение резко.

– С чего ты взяла? – произнес голос весьма спокойно.

– Ты так зло и плотоядно смотришь, что мурашки бегут по коже, – поежилась я.

– Тебе просто холодно, – сказал он, и вдруг встал вплотную.

Я вздрогнула и сжалась в комок внутри, даже объяснить ему не могла, насколько страшно было находиться рядом с ним. Даже те похитители не пугали меня сильнее, чем одно его приближение. Я каждый раз мысленно прощалась с жизнью и ждала физической расправы, как только он дотрагивался. И он не медлил: кожа на шее ощутило прикосновение пальцев, которые медленно скользили вверх, к уху, к волосам.

– Посмотри на меня, – тихо произнес голос.

– Ты просил не смотреть на тебя, – так же тихо ответила я.

– Посмотри, – тихо произнес его голос.

Я медленно повернулась и подняла на него глаза. Рука осталась греть кожу на шее, глаза впивались в мои. Он молчал и пристально смотрел. Потом вторая рука легла на кожу с другой стороны, окольцевав шею. Было непонятно, почему он так въедливо смотрит на меня.

– Отдай мне то, что взяла, – произнес очень тихо и настойчиво бархатный голос.

У меня опять упало сердце. Ничего не изменилось, опять обвинения грозили отравить жизнь. Я инстинктивно шагнула и уткнулась ему в грудь.

– У меня ничего нет, правда, – тихо-тихо произнесла я.

Он замешкался ненадолго, затем руки оторвали меня от его груди и потащили вон с палубы. Спустя минут десять мы стояли на земле – прогулка была окончена, о дальнейших планах я не знала. Мне изрядно все надоело: полдня скитаний по Парижу, никакой информации, Илья злится.

Пешая прогулка началась снова. Прочесав как минимум еще километров пять, уже не знаю, то ли это были пытки, то ли ему так лучше думалось, но мы дошли до очередной улочки. Илья зашагал быстрее и приземлился секунд через двадцать на плетеный стул. Я вздохнула и также присела за столик кафе. Здесь практически никого не было, официант подошел очень быстро, принял заказ и удалился. Илья в ожидании стал отбивать дробь, я дышала воздухом, за столико вдалеке сидела влюбленная парочка, разговаривая о чем-то о своем. Затем официант появился снова, поставил чашки на стол, на кайме которых тут же заиграли солнечные лучи. Илья только хмурил брови и даже не взглянул на заказ. Молчание продлилось еще минут на десять, вплоть до того момента, когда зазвонил мобильный. Его рука потянулась к карману, вытащила телефон. Илья уставился на панель, сомкнув брови на переносице еще сильнее. Я мешала ложкой жидкость в чашке безо всякого желания пить, исподтишка смотрела на мужскую руку с телефоном, который продолжал звонить. Брови над карими глазами продолжали быть сомкнутыми – отвечать на звонок мужчине явно было не с руки. Он потер рот пальцами и неожиданно глянул на меня. Глаза встретились, и я поспешила опустить свои обратно на чашку. Илья вперился в меня под звуки неутихающего мобильника и окончательно решил не поднимать трубку. Он смотрел невыносимо пристально. Звонок стих, и мне пришлось поднять глаза. В его голове были мысли, которые мне интуитивно не нравились.

– Ты закончила? – спросил он, посмотрев на чашку, в которой стоял остывший кофе.

Мне взгрустнулось.

– И долго мы так бесцельно будем бродить по Парижу? – не выдержала я, начав язвить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.